

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
КУЛЬТУРЫ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ
«ЛИВАДИЙСКИЙ ДВОРЕЦ-МУЗЕЙ»

Ялта 1945: уроки истории

14–15 февраля 2019 года

*Сборник материалов
научной конференции*

Симферополь
2019

УДК 94(470+571)(477.75)
ББК 63.3(2Рос. Кры)
Я52

*Рекомендовано к печати решением научно-методического совета
ГАУК РК «Ливадийский дворец-музей» от 17 декабря 2019 г.*

*Сборник издан при поддержке
Министерства культуры Республики Крым*

*Руководитель проекта: Л. В. Декушева
Ответственный редактор: К. Н. Гернет*

*Рецензенты: С. В. Юрченко, доктор политических наук, профессор
С. Б. Филимонов, доктор исторических наук, профессор*

Ялта 1945: уроки истории : сб. материалов науч.
Я52 конф. (14–15 февраля 2019 г.) / ГАУК РК «Ливадийский
дворец-музей». — Симферополь : Изд-во ООО «Анти-
ква», 2019. — 252 с.

ISBN 978-5-6043478-3-6

В сборнике представлены тексты докладов научной конференции «Ялта 1945: уроки истории», в которых освещаются актуальные вопросы истории и современного значения Крымской конференции 1945 года, а также отражены проблемы функционирования систем международных отношений и ряд проблем, связанных с кризисом миропорядка и глобальными трансформациями в эпоху постглобализации.

УДК 94(470+571)(477.75)
ББК 63.3(2Рос. Кры)

*Мнение авторов может не совпадать с мнением редакционной
коллегии. Авторы статей несут полную ответственность
за точность приводимой информации, цитат и ссылок*

На обложке: фото из фондов ГАУК РК «Ливадийский дворец-музей»

ISBN 978-5-6043478-3-6

© ГАУК РК «Ливадийский дворец-музей», 2019
© Авторы, текст, 2019
© Оформление. ООО «Антиква», 2019

Д. А. Блинцов

*научный сотрудник научно-экспозиционного отдела
ГАУК РК Ливадийский дворец-музей (г. Ялта)*

СТАНОВЛЕНИЕ «ВЕЛИКОГО СОЮЗА»: ОСОБЕННОСТИ СОВЕТСКО-АНГЛИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 ГОДОВ

***Аннотация.** Статья содержит информацию об особенностях создания антигитлеровской коалиции между СССР и Великобританией в начальный период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Автор анализирует первые шаги, предпринятые политиками и военными двух стран с целью преодолеть предшествующие конфликты и противоречия, чтобы реализовать совместные усилия по разгрому фашистской Германии.*

***Ключевые слова:** политика, война, армия, Сталин, Великобритания, СССР, Черчилль, Великая Отечественная война.*

Советско-британские отношения имеют очень долгую и насыщенную историю и характеризуются чрезвычайной остротой и противоречиями в виде различных конфликтов, создания и участия в различных блоках и союзах, направленных против друг друга. И даже с началом Великой Отечественной войны, которое настоятельно продиктовало потребность в сближении позиции двух стран, эти противоречия никуда не делись. Этот процесс неизменный и, несмотря на смену исторической парадигмы, произошедшей в 1917 году, остаётся таким и по сегодняшний день.

Становление «Великого союза» между СССР и Великобританией проходило в очень сложных условиях. Особое значение в этом играли противоречия и проблемы предшествующего периода, что требовало выстраивания отношений на новой, прагматичной основе, и это прекрасно понимали

в Лондоне и Москве. Однако постепенное усиление Советского Союза привело к росту его влияния на международной политической арене и неминуемо должно было вызывать конфликт интересов между двумя странами, прежде всего в Европе. Агрессивный курс правительства Н. Чемберлена едва не привёл к успеху в деле создания антисоветского «фронта», но в советском военно-политическом руководстве внимательно следили за обстановкой на международной арене и смогли, умело используя противоречия и проблемы между странами Запада, снизить накал борьбы в отношении СССР. Советская внешняя политика в этот период была подчинена двуединой логике: страна готовилась к войне и вместе с тем старалась оттянуть во времени непосредственное вовлечение в конфликт [1, с. 145]. Пакт Молотова — Риббентропа, заключённый в августе 1939 года, изменил полностью баланс сил и обстановку в мире. Именно этот новый баланс сил позволил Советскому Союзу и его военно-политическому руководству начать активизацию внешнеполитических мероприятий на западных границах страны, расширяя свою сферу влияния и жизненных интересов. Дальнейшие акции фашистской Германии привели к тому, что правительство Н. Чемберлена было вынуждено уйти с политической сцены, уступив место новому курсу правительства У. Черчилля. Британский премьер был лишён права на ошибку. Однако нельзя было в одно мгновение перестроить взаимоотношения между двумя странами с учётом того политического и исторического наследия, которое существовало на тот момент. Конечно, нельзя сбрасывать со счетов и геополитические интересы двух стран, которые вступали во взаимные противоречия. Тем не менее такую задачу поставил сам ход событий, и она в целом была выполнена. Для правительства Его Величества СССР это становится одним из ключевых факторов, который должен будет способствовать устойчивости Британской империи перед лицом набравшей силу Германии Гитлера. Начинается активизация контактов в военной и политической сфере,

идут консультации по вопросам экономического характера. Можно вполне согласиться с мнением отечественного исследователя А. Мальгина о том, что шло «прощупывание позиций сторон» [1, с. 161]. Специальный посланник британского правительства С. Криппс занимает вакансию посла короны в Советском Союзе после отставки У. Сидса с целью реанимировать контакты и добиться восстановления отношений.

Начало Великой Отечественной войны 1941–1945 годов в очередной раз полностью меняет баланс сил на международной арене. Начинается выстраивание альянса между бывшими соперниками в лице Великобритании и СССР. В дальнейшем в этот союз включатся Соединённые Штаты Америки, но это будет чуть позже. Контакты, заложенные в предвоенный период, начинают давать свои плоды. Речь У. Черчилля в парламенте от 22 июня 1941 года продемонстрировала недвусмысленную позицию военно-политического руководства Великобритании и определённую гибкость в деле создания союза против общего врага [2, с. 25]. Однако, помимо риторики, была ещё одна важная составляющая отношений между странами — потенциал Вооружённых сил Советского Союза и возможности его экономики для противодействия натиску фашистской Германии и её победоносному вермахту, — которая, несомненно, учитывалась в Лондоне. И здесь была серьёзная дилемма, ведь британское военное и политическое руководство практически не сомневалось, что Советский Союз сможет продержаться не более трёх-шести недель, противостоя агрессору [6, с. 247]. В дальнейшем эта оценка была скорректирована до восьми недель сопротивления, после которых коллапс СССР был неизбежен. Тем не менее на краткосрочной основе, как считали в Лондоне, этот альянс имеет право на существование.

В рамках создания союза между Великобританией и СССР 27 июня 1941 года в Москву прибыла британская военно-экономическая миссия во главе с Р. Криппсом и генерал-лейтенантом Ф. Н. Мэйсоном-Макфарлейном [5, с. 10]. Говоря

о становлении союза между Великобританией и СССР, хотелось бы затронуть прежде всего сферу военных контактов и реализацию взаимодействия между представителями советского и британского военных ведомств. Стоит подчеркнуть, что на данном этапе наиболее важным для английской стороны были данные о потенциале советских вооружённых сил и их возможности как можно дольше противостоять вермахту, ослабляя его и уменьшая риск высадки немцев на Британские острова в ближайшей перспективе. Более того, в инструкциях, данных главе военной миссии, чётко говорилось о том, что «в составе миссии будет организовано три службы, каждой из которых выданы подробные инструкции в рамках настоящей директивы <...> задачами миссии является оказание помощи русским, предоставив им воспользоваться нашим опытом в борьбе с немцами <...> укрепляя и увеличивая сопротивление... чтобы стимулировать русских принимать необходимые меры по нивелированию немецкого преимущества, которые они могут получить в ходе кампании <...> в качестве канала связи координировать совместные усилия против Германии. <...> особенно важно не допустить попадания советских кораблей в руки немцев <...> в случае краха организованного русского сопротивления, вы должны рассмотреть возможность разделения миссии, и отправки офицеров в те районы, где сопротивление продолжится <...> вы не можете вступать ни в какие политические обязательства, а все запросы вы должны отправлять в Комитет Начальников Штабов <...> для этих целей вы можете пользоваться любыми каналами связи» [7].

Для главы Советского государства И. Сталина, реалиста и прагматика, было также очевидно и то, что на данном этапе развития событий этот союз всё-таки имел свою ценность и значение, работая на дальнейшую перспективу и поднимая моральный авторитет и престиж СССР в демократическом мире. Фактически миссия генерала Ф. Голикова, отправленная в июле 1941 года в Англию, носила скорее пропагандист-

ский характер и по своим итогам могла рассматриваться как проба сил и уточнение позиций двух сторон. Реального эффекта в виде совместных военных операций на Восточном фронте или активизации усилий англичан на западе в отношении Германии миссия дать не смогла. Более того, вскоре советская сторона обратила внимание главы британской военной миссии генерала Ф. Макфарлейна на очевидный и странный факт — отсутствие адекватных усилий в военной сфере, способных оказать значимое влияние на советско-германском фронте. Это вызвало резкую резолюцию генерала Дж. Дилла, начальника Имперского Генерального штаба, отправленную Макфарлейну 14 июля, в которой он подчеркнул, что сложившаяся ситуация является в большей степени следствием советских действий в 1939 году. Он заметил, что Британия, оказавшись в подобной ситуации на протяжении года, сражалась одна и что она готова пока только косвенно помогать СССР, но не более. «С точки зрения военной стратегии, которой руководствуется Комитет начальников штабов, ни одна операция, предпринятая в данный момент, не сможет оказать значительного влияния на события, происходящие на советско-германском фронте. Русские должны спасать себя сами, как мы делали это 12 месяцев назад, в битве за Британию» [8, р. 396]. Естественно, что позиция Дж. Дилла подтверждала обоснованные выводы военно-политического руководства СССР о том, что англичане предпочитают экономить свои силы и ждать, когда чаша весов склонится в ту или иную сторону.

Тем не менее для советской стороны именно в первые месяцы войны сотрудничество в военной сфере представлялось реальной и самой действенной формой союза. Однако в Лондоне считали иначе. До сентября 1941 года британские военные ожидали неминуемого вторжения на острова. В такой ситуации бросить все усилия для помощи своему вновь обрётённому союзнику было по крайней мере глупо и с точки зрения политики, и с точки зрения стратегии.

Аппарат британской военной миссии в Москве выполнял на первоначальном этапе своего существования в каком-то смысле функции представительского органа Военного министерства Великобритании. Очень настойчиво британская сторона добивалась постоянных встреч с представителями советского Генерального штаба и Народного комиссариата обороны. Такие встречи были, однако они носили единичный характер и в дальнейшем не привели к созданию единого органа, предназначенного для коалиционного планирования и взаимодействий в военной сфере. К сожалению, такая позиция британского высшего ВПР привела к тому, что роль, значение британской военной миссии и само сотрудничество в военной сфере — всё это носило крайне ограниченный и минимальный характер. Однако такая позиция была обусловлена самим ходом военных действий на советско-германском фронте и неудачами Красной армии в этот период. В таких условиях было по крайней мере весьма наивно требовать от союзников активизации военных действий и высадки британских частей на континенте после понесённой Дюнкеркской катастрофы. Более того, активизация политических и, как следствие, военных усилий была поставлена в прямую зависимость от событий на советско-германском фронте. Но неудачи первых месяцев войны и фактически разгром войск первого эшелона Рабоче-крестьянской Красной армии на границе и отход её вглубь страны стали причиной крайне осторожной и в какой-то мере двусмысленной политики британского военного и политического ведомства.

Рассматривая военную составляющую союза, мы можем выделить тот факт, что глава британской военной миссии генерал-лейтенант Ф. Макфарлейн находился перед нелёгким выбором: с одной стороны, он связан директивой, определяющей его полномочия, но с другой стороны, он, как профессиональный военный, видел пагубность текущей политики, проводимой на данном этапе военно-политическим руководством Великобритании. Более того, директор Во-

енной разведки генерал-майор Ф. Дэвидсон в большинстве случаев был солидарен с мнением генерала Ф. Макфарлейна относительно недостаточной активности британской стороны в рамках совместных усилий против общего противника. Но даже это мнение не могло изменить сложившейся политики в отношении британско-советского сотрудничества. В дальнейшем генерал Ф. Макфарлейн не раз выступал за создание единого совместного органа, отвечающего за военное планирование и реализацию совместной военной стратегии между СССР и Великобританией [9, р. 63]. К сожалению, его мнение не стало поводом для пересмотра ряда ключевых элементов британской военной стратегии, в том числе в сфере взаимодействия с Красной армией в ходе войны. Более того, говоря о взаимоотношениях между СССР и Великобританией в период Великой Отечественной войны, важно учитывать, что они часто носили конфронтационный характер, обусловленный совершенно разным видением той или иной проблемы политического, экономического или военного характера. Сталин, видя эту позицию, попытался оформить отношения между странами в виде политического союза. Но руководство Великобритании фактически согласилось лишь на подписание «Соглашения о совместной борьбе против фашистской Германии», которое было оформлено 12 июля 1941 года и стало прологом для реализации дальнейших союзнических отношений, которые, невзирая на противоречия и разность подходов к вопросам военного и политического характера, просуществовали до конца Второй мировой войны. Однако и после заключения союзного соглашения сотрудничество двух держав не раз омрачалось элементами различного подхода сторон к тем или иным военно-политическим вопросам [3, с. 67]. И тем не менее оба лидера, У. Черчилль и И. Сталин, в ходе войны продемонстрировали политическую гибкость и способность быстро перестраиваться под влиянием событий, но не ломаться под ними. Они смогли создать базис, достаточно хрупкий, но

вполне работоспособный, который позволил просуществовать антигитлеровскому альянсу до 1945 года.

Все эти факты привели к тому, что в ходе складывающегося военного и политического союза Великобритании не могла и не собиралась на равных воспринимать Советское государство. Понимание ошибочности такой политики пришло слишком поздно. Несмотря на это, были заложены основы альянса двух государств, которые в дальнейшем трансформировались в военно-политический союз как признание значительных усилий Советского государства в борьбе против фашистской Германии, так и в каком-то смысле признание определённой недооценки, которую допустили британские военные в предвоенный период.

Подводя итог, мы видим, что начало создания «Великого союза», как образно выразился британский премьер У. Черчилль, проходило в весьма непростых, а порой очень сложных условиях. Это было обусловлено наследием прошлого, разностью подходов, применяемых в военной, политической и экономической сферах, особенностями социально-общественного устройства. Несмотря на эти противоречия, союз состоялся и функционировал на протяжении 1941–1945 годов, позволив последовательно решить задачу разгрома стран «оси» — Италии, Германии и Японии. Однако разумное сочетание национальных интересов, тщательный анализ и учёт потенциала своего союзника к концу Второй мировой войны уступили место острым противоречиям. На смену коалиционному взаимодействию пришло недоверие друг к другу. К сожалению, этот союз с окончанием Второй мировой войны оказался нежизнеспособным. Изменившийся политический контекст и смена ряда политических лидеров в США и Великобритании в 1945 году привели к нарастанию конфронтации и созданию нового фронта противостояния, которое вылилось уже в холодную войну. Однако мы не должны забывать уроки прошлого, необходимо делать из них соответствующие выводы. Возможно, эти уроки нам могут понадобиться.

Использованные источники и литература

1. Мальгин А. Советская внешняя политика и НКВД СССР в мае 1939 — июне 1941 гг.: новая тактика или стратегический просчёт? // Вестник МГИМО. 2009. № 54. С. 143–165.
2. Монин С. М. Становление военно-экономического сотрудничества СССР и Великобритании (июнь — октябрь 1941 года) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2015. № 3. С. 23–36.
3. Мягков М. Военные ведомства СССР и Англии в 1941–1945 годах: союз и противоборство // Новая и новейшая история. 2004. № 2. С. 67–81.
4. Печатнов В. О., Магадеев И. Э. Переписка Сталина с Рузвельтом и Черчиллем в годы Великой Отечественной войны : в 2 т. Т. 1. М., 2015. 656 с.
5. Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 : в 2 т. Т. 1: 1941–1943 / М-во иностр. дел СССР. М. : Политиздат, 1983. 542 с.
6. Фалин В. Второй фронт. М. : Центрполиграф, 2016. 576 с.
7. Draft directive to the Head British Liaison Mission to Russia / Mission to Russia / COS 41(223) / War Cabinet / TNA, CAB 79/12/23, p. 233.
8. Russia №30 mission / Annex // Minutes of meeting held 14 July // TNA, CAB 79/12/44, p. 396.
9. Smith B. Sharing secrets with Stalin: How the Allies traded intelligence 1941–1945. University press of Kansas, 1996. 307 p.

Blintsov D. A.

Formation of the “Great Union”: Features of Soviet-English Relations of the Initial Period of the Great Patriotic War of 1941–1945

***Abstract.** The article contains information about the features of the creation of the anti-Hitler coalition between the USSR and Great Britain in the early period of the Great Patriotic war of 1941–1945. The Author, analyzes the first steps taken by politicians and military of the two countries, in order to overcome the previous conflicts and contradictions, in order to implement joint efforts to defeat of Germany.*

***Keywords:** politics, war, army, Stalin, Great Britain, USSR, Churchill, Great Patriotic war.*

Т. Ю. Бухарина

*председатель НКО «Ассоциация гидов-переводчиков Крыма»
(г. Ялта)*

А. В. Соловьёв

*переводчик НКО «Ассоциация гидов-переводчиков Крыма»
(г. Ялта)*

**ФРАНКЛИН Д. РУЗВЕЛЬТ.
НЕЗАКОНЧЕННЫЙ ПОРТРЕТ
(доклад)**

Над заголовком этого доклада вы видите фамилии двух авторов. Это неслучайно, ибо копию последнего портрета Ф. Д. Рузвельта привезла в Ялту председатель Ассоциации гидов-переводчиков Крыма Татьяна Бухарина. Наша ассоциация существует более трёх лет, и её целью, помимо защиты профессиональных интересов, является развитие связей между Крымом и другими регионами России и мира, исследование взаимосвязей Крыма с всемирной историей, работа с зарубежными гостями Крыма по линии народной дипломатии.

В дни 25-летнего юбилея от имени ассоциации копия портрета была передана Ливадийскому дворцу-музею, который несколько дней в феврале 1945 года был местом проведения знаменитой конференции и резиденцией 32-го президента США. Оригинал же последнего и незаконченного портрета ФДР (так часто сокращают имя и фамилию единственного, более чем на два срока избранного американского президента) находится в его резиденции Little White House (Малый Белый дом). Сейчас это музей в городе Уорм-Спрингс, штат Джорджия, который Татьяна Бухарина посетила в составе группы по линии народной дипломатии во время поездки в США в апреле 2018 года.

Татьяна Бухарина привезла также редкую книгу мемуаров художницы Элизабет Шуматофф «Незаконченный портрет

ФДР», которая рассказывает об истории создания портрета. Русского перевода этой книги нет, поэтому приводимые цитаты переведены мною специально для этого доклада.

На обложке книги имя автора обозначено как Elisabeth Shoumatoff. В других источниках добавляется в скобках её девичья фамилия в латинском написании — Avinoff. Так же называется один из мысов на Аляске. Дело в том, что Элизабет Шуматофф (Авинофф) до приезда в США — это Елизавета Шуматова, внучка адмирала Александра Павловича Авинова, который и открыл этот мыс.

Её дед пятьдесят лет отдал служению флоту, участвовал в сорока военных операциях, включая Трафальгарское и Наваринское сражения. В молодости во время командировки в Англию он вместе с будущим адмиралом М. П. Лазаревым и впоследствии известным русским писателем М. Н. Станюковичем стал волонтером в эскадре адмирала Г. Нельсона. На английских судах они вместе плавали в Атлантическом океане и Северном море.

Во время кругосветного плавания в 1819–1822 годах А. П. Авинов посетил Камчатку и Русскую Америку, где на Аляске открыл несколько мысов, один из которых назвали в его честь.

В 1832 году контр-адмирал М. П. Лазарев назначен начальником штаба Черноморского флота и портов, а в 1834 году начальником штаба Черноморского флота назначают контр-адмирала А. П. Авинова. В 1837 году он произведён в чин вице-адмирала и назначен командиром Севастопольского порта. Александр Авинов занимал эту должность в течение тринадцати лет (1837–1849). За это время в Севастополе были выстроены сухие доки и началась постройка Адмиралтейства.

У прославленного адмирала было шесть сыновей, включая генерал-лейтенанта Николая Авинова. В 1917 году его дочь, Елизавета Николаевна Шуматова, сопровождала мужа, Льва Аркадьевича Шуматова, представителя Временного прави-

тельства Александра Керенского, в его командировке в США. Лев Шуматов был главой государственной закупочной комиссии, в которую входил также брат Елизаветы Шуматовой Андрей, известный впоследствии как энтомолог и художник. После революции они все остались в США и поселились в Нью-Йорке. Лев (теперь уже Лео) Шуматов в эмиграции работал коммерческим директором в авиастроительной корпорации Игоря Сикорского. После трагической смерти мужа (утонул) в 1928 году художница-самоучка, никогда официально не учившаяся живописи, Елизавета Шуматова стала рисовать портреты, чтобы содержать семью.

Её кисти принадлежит около 3000 портретов, преимущественно акварельных. Среди заказчиков были представители американской деловой и политической элиты: семейства Фрик, Дюпон, Меллон, Форд, президент Линдон Б. Джонсон (портрет стал образцом для почтовой марки США в 1973 г.) и члены его семьи. Однако самой известной работой стал именно незаконченный портрет президента Франклина Делано Рузвельта.

Необходимо сказать, что кисти художницы принадлежит ещё один портрет ФДР, который ему очень нравился и был закончен в 1943 году. Элизабет Шуматова пишет, что весной 1943 года её подруга и клиентка Люси Мерсер-Разерфорд обратилась к ней: «Вы действительно должны рисовать президента. У него такое замечательное лицо. Нет ни одного произведения живописи, которое истинно его отображает. Я думаю, вы сможете нарисовать прекрасный портрет, он человек, которого вам интересно будет рисовать! Вы бы нарисовали его портрет, если об этом будет достигнута договорённость?»

На предложение Люси художница ответила: «Это было бы довольно рискованно. Я действительно не знаю, что и сказать. Как это можно устроить?» — «О, это можно сделать, если вы действительно этого хотите». На следующее утро Люси позвонила ей и рассказала о своём звонке в Ва-

шингтон, и о том, что президент дал согласие позировать через две недели.

Опять дадим слово Элизабет Шуматовой: «Я была ошеломлена. Я сразу пошла к Люси. Я не понимала, как можно было так быстро всё устроить. Хотя было много слухов о её продолжающейся дружбе с ФДР, но в то же время я не думала, что она на самом деле разговаривает или встречается с ним. Я также была удивлена, что Рузвельт согласился позировать так быстро, ведь он очень занят». Люси, ответила: «О, я сказала ему, что <...> Вы работаете очень быстро <...> Он сможет уделить Вам два утра». Э. Шуматова пишет: «Отступать было некуда. Я была поймана в ловушку, во что-то, чего я не желала и не планировала».

Чтобы прояснить эту ситуацию, давайте немного поговорим о происхождении и частной жизни ФДР. Он появился на свет в богатой, влиятельной и ценящей свою репутацию семье Джеймса Рузвельта и его второй жены Сары Делано в наследственном имении Гайд-Парк на реке Гудзон, которое принадлежало его отцу вместе с внушительными пакетами акций в различных компаниях.

Рузвельт — это англизированная форма нидерландской фамилии «ван Розевелт» или «ван Розенвелт», что означает «с поля роз». Клаус ван Розенвелт и его сын Николас прибыли в США в XVII веке. Они — родоначальники двух наиболее известных линий семьи. К одной принадлежал президент США Теодор Рузвельт, ко второй — Франклин Рузвельт.

В 23 года ФДР женится на Элеоноре Рузвельт, своей кузине в пятом колене. Её отец был крёстным Франклина, а посажёным отцом на свадьбе был родной дядя невесты — Теодор Рузвельт, тогдашний президент США, на которого ФДР всегда хотел походить.

Сара Энн Делано Рузвельт, мать ФДР, происходившая из рода Филиппа де ла Нуа (в англизированной версии — Делано), переселившегося в Америку в XVII веке, ревниво от-

неслась к выбору своего единственного сына, но вынуждена была смириться.

Элеонора Рузвельт вскоре начинает играть важную роль в политической карьере супруга, совершает важные поездки по всей стране. У неё много дел, и в 1913 году она нанимает секретарём Люси Мерсер, девушку из тоже аристократической, но разорившейся семьи. В 1917 году Элеонора увольняет её, заподозрив в любовной связи с ФДР. А в 1918 году случайно обнаруживает, что они продолжают переписываться, и объявляет о намерении подать на развод. Мать Рузвельта решительно против и угрожает лишить сына финансовой поддержки, если он не сохранит брак во имя репутации семьи и политической карьеры ФДР. Элеонора потребовала полного разрыва с Люси. В 1919 году Люси Мерсер вышла замуж за богатого вдовца с пятью детьми и превратилась в миссис Люси Мерсер-Разерфорд.

Все вышеупомянутые сведения можно найти в различных книгах и материалах, доступных в интернете. Мы же дадим слово Э. Шуматовой. Вот как она описывает их разговор с Люси Мерсер-Разерфорд 11 апреля 1945 года в Малом Белом доме в Уорм-Спрингс: «Она никогда не говорила со мной о том времени, когда впервые встретила Рузвельта, и даже сейчас она делала это уклончиво и сдержанно. Из того, что она сказала, я поняла, что она впервые встретила его, когда он занимал пост помощника министра военно-морского флота, а она работала в Вашингтоне, подробностями об этой работе она никогда со мной не делилась. С самого начала между ними было сильное чувство взаимного восхищения и привязанности. Их неумолимо тянуло друг к другу, это чувство становилось всё более интенсивным, и, учитывая, что Франклин был женат и имел пятерых детей, а Люси была строгой католичкой, понимала, что они должны расстаться, так как она не могла даже думать о разводе. И они расстались, каждый пошёл своим путём». Элизабет Шуматова продолжает: «По её словам, только один раз при

жизни мистера Разерфорда она официально появилась в Белом доме. Это было, когда ФДР сильно болел, я полагаю, пневмонией. Она не упомянула о каких-либо других встречах до смерти её мужа. Эта конкретная встреча состоялась по просьбе Франклина Рузвельта с согласия г-жи Рузвельт и не только была санкционирована, но и настоятельно рекомендована самим г-ном Разерфордом. Она не вдавалась в подробности, но я чувствовала, что эта встреча оказала на неё сильное влияние».

Как бы то ни было, но весной 1943 года благодаря именно Люси Мерсер-Разерфорд Э. Шуматовой удастся нарисовать в Белом Доме в Вашингтоне первый портрет Рузвельта, который очень понравился президенту. По приглашению ФДР вместе с братом, специалистом по иконам, она посещает имение президента в Гайд-Парке. В своей книге художница приводит интереснейшее описание этого визита и сообщает о том, что ФДР выразил желание, чтобы она нарисовала ещё один портрет.

И вот март 1945 года. Э. Шуматова встречается с Люси, которая недавно стала вдовой. Подруга сообщила художнице: «Кое-кто очень много спрашивал о вас. Кажется, он очень хочет, чтобы его портрет был нарисован сейчас». — «Но как он выглядит?» — спросила Шуматова, «испытывая лёгкое потрясение от этой идеи, живо вспоминая последние фотографии ФДР. Он только что вернулся со своей встречи в Ялте с Черчиллем и Сталиным. На этих последних фотографиях он выглядит как привидение».

Люси ответила: «Он худой и слабый, но в его лице есть что-то, что больше напоминает то, как он выглядел в молодости. Большая потеря веса сделала его всегда красивые черты более выраженными. Я думаю, — продолжила она ещё более низким тоном, — если этому портрету суждено быть нарисованным, то откладывать этого не следует. Он очень скоро поедет в Уорм-Спрингс, и вы можете сесть в его президентский поезд».

Это предложение не очень понравилось Э. Шуматовой, и они решили, что поедут туда вместе на автомобиле. Через два или три дня Люси позвонила ей и сказала, что президент готов и ждёт их в Уорм-Спрингс. Художница пишет, что снова почувствовала, что отступать некуда, и начала обдумывать детали поездки. Понимая, что президент вряд ли сможет уделить ей много времени для позирования, она решает взять с собой фотографа мистера Роббинса. Все приготовления были сделаны, и в апреле троём они отправляются в Уорм-Спрингс, где их ожидал президент.

Впервые ФДР посетит город Уорм-Спрингс (Warm Springs), название которого переводится как «Горячие Источники», в октябре 1924 года. Причиной был полиомиелит, из-за которого в августе 1921 года он на всю жизнь потерял способность свободно передвигаться. Горячие подземные источники помогали улучшить его здоровье, и в надежде окончательно вылечиться Рузвельт в 1927 году покупает курорт и окружающие его земли площадью 1700 акров (687,9 га), после чего он стал называться «Рузвельтовский институт реабилитации Уорм-Спрингс».

В 1928 году ФДР был избран губернатором штата Нью-Йорк. Пробыв два срока на посту губернатора, в 1932 году Рузвельт впервые занял президентское кресло и приказал построить на этой территории шестикомнатный дом из сосны, произрастающей в штате Джорджия.

Дорога от Вашингтона, где находилась его официальная резиденция Белый дом, занимала один день на поезде, что дало возможность президенту часто приезжать в Уорм-Спрингс. Учитывая то, что Франклин Рузвельт избирался президентом четыре раза и что за период с 1932 по 1945 год он приезжал туда шестнадцать раз, останавливаясь обычно на две-три недели, это место уединённого отдыха он стал называть «вторым домом», а за резиденцией закрепилось название «Малый Белый дом». Эти поездки были не только отдыхом, но и возможностью напрямую пообщаться

с местными жителями, понять и найти решение проблем простых людей.

Вот как Э. Шуматова описывает их новую встречу с ФДР 9 апреля 1945 года. «Когда мы въехали в Гринвилл, деревню около Уорм-Спрингс, мы внезапно заметили несколько машин возле аптеки на углу и собравшуюся вокруг них толпу. Мы подъехали, и там в открытой машине был сам ФДР, в своём флотском плаще-накидке, пьющий кока-колу!» Она отмечает, что лицо президента разительно изменилось с 1943 года, и стала сомневаться, что сможет нарисовать портрет такого больного человека с лицом такого серого цвета.

Её с Люси поселили в гостевом коттедже, который находился неподалёку от Малого Белого дома и состоял из двух комнат. За ужином в этот вечер речь пошла о У. Черчилле и конференции в Ялте. Рассказав несколько интересных историй о У. Черчилле, ФДР начал отвечать на вопросы.

Так как они сидели за столом, Э. Шуматова спросила, подавали ли в Ялте водку. «О, да, и мне она очень понравилась. Сталин дал мне целый ящик, который у меня в Вашингтоне, а также икру, которую я привёз сюда. Она будет подана завтра», — ответил Рузвельт. «Вам понравился Сталин?» — спросила Э. Шуматова. ФДР ответил: «Да, он довольно весёлый парень. Но я убеждён, что свою жену он отравил! Они произвели впечатление довольно милых людей, за исключением нескольких мрачных лиц, появлявшихся то тут, то там». Он рассказал также об «опустошительном разрушении немцами Севастополя и Ялты». Императорский Дворец в Ливадии, где он останавливался, «был оставлен вообще без мебели, за исключением нескольких громоздких предметов, которых невозможно было сдвинуть, таких как кровать, на которой он спал, и предметов мебели в стиле ранний Гранд-Рапидс¹, со-

¹ Гранд-Рапидс — город в штате Мичиган (США), известный в конце XIX — начале XX в. как мебельная столица США. Выражение «мебель Гранд-Рапидс» обычно обозначает хорошо сделанные копии добротной мебели американского и английского стилей конца XVIII — начала XIX в.

вершенно не вписывающихся, но добавленных для пополнения мебельного убранства».

Далее художница задала вопрос о еде, на который Рузвельт ответил так: «За некоторыми исключениями, она была типичной, гостиничной. Я был довольно удивлён этим, потому что я всегда слышал об изобилии на советских приёмах».

На следующий день, 10 апреля 1945 года, определяли детали одежды, позу, фон и композицию. Президент очень похудел, его серый костюм висел на нём, и художница решила, что сверху на ФДР будет его знаменитый флотский плащ-накидка, который скроет худобу. Было решено, что Ф. Д. Рузвельт будет изображён сидящим. В свисающую левую руку было решено вложить что-то, например книгу. Однако президент взял в руки программу «Ужина Джефферсона», на обложке которой был изображён его портрет, написанный Э. Шуматовой в 1943 году. «Ужин Джефферсона», ежегодный ужин демократической партии, должен был состояться 13 апреля, и президент во время позирования работал над той последней и одной из самых знаменитых речей, произнести которую ему будет не суждено. Программу свернули, и она выглядела как свиток. Кто-то предположил, что он будет означать мирный договор. «О, нет, Устав Объединённых Наций», — сказал он, так как планировал быть на конференции в Сан-Франциско.

В этот же день его родственница Лаура Делано задала вопрос о Японии. Э. Шуматова пишет, что президент ответил: «После окончания войны в Европе Япония рухнет почти сразу». По мнению художницы, «это было, безусловно, самое удивительное и отрадное заявление. В то время мы вряд ли могли догадаться, что президент имел в виду атомную бомбу!»

В один из вечеров подали большую чашу с икрой от И. Сталина, о которой президент упомянул в первый вечер, и, как отмечает художница, «она действительно была хороша».

11 апреля фотограф мистер Роббинс сделал фото Люси Мерсер-Разерфорд и фото ФДР, которое окажется последней его фотографией.

О последнем дне президента она напишет следующее: «Думая об этом дне, 12 апреля 1945 года, я чувствую большую ответственность, чтобы точно рассказать, что произошло. Во многих более поздних описаниях есть некоторые несоответствия, но в комнате, когда с президентом случился приступ, кроме меня, было ещё только три других человека».

Она не была настроена рисовать этим утром. У её брата случился сердечный приступ, и, несмотря на то что он чувствовал себя лучше, Элизабет была сильно расстроена. Поэтому, придя в назначенное время в Малый Белый дом, художница предложила президенту отложить сеанс позирования на завтра ввиду его занятости. На это предложение он сказал: «О, нет, я через несколько минут закончу и буду готов быть с вами». Он выглядел бодрым и полным энергии.

Она неохотно пошла в гостевой домик за мольбертом и другими принадлежностями и, вернувшись в Малый Белый дом, увидела, что президент уже сидел в назначенном месте перед столом, заваленным почтой и бумагами, которые он планировал просмотреть. Художница начала смешивать краски и, посмотрев на лицо ФДР, отметила его исключительно хороший цвет. Как она пишет: «Серость исчезла. (Позже мне сказали врачи, что это было вызвано приближающимся кровоизлиянием в мозг.) Я начала работать с большой скоростью, а Люси и Маргарет сидели на диване в другом конце комнаты, разговаривая и иногда обмениваясь фразами с ФДР. Я начала наносить первый слой краски, а затем продолжила, как обычно, с глаз. Для этого мне пришлось отвлечь его внимание от бумаг, поэтому я завела разговор о марках... Я спросила его, участвовал ли он каким-либо образом в разработке дизайна

марки, посвящённой трёхсотлетию юбилею Флориды, и он сказал, что да, участвовал, и добавил: «Подождите, вы ещё увидите новую марку о Сан-Франциско и Организации Объединённых Наций».

Я поняла, насколько он заинтересован во всём этом проекте. Я почувствовала ещё большую ответственность за портрет с президентом, держащим в руках свиток — символ Устава ООН. Теперь я поняла, почему он попросил меня приехать именно в это время, чтобы нарисовать его портрет и закончить его до конференции в Сан-Франциско. Через некоторое время глаза были нарисованы и начали приобретать знакомое выражение. Но у них был не совсем тот вид, к которому я привыкла за последние несколько дней. Президент казался настолько поглощённым бумагами или чем-то ещё, что, когда он по моей просьбе посмотрел на меня, его взгляд был каким-то отсутствующим и одновременно всецело торжественным. Он оживился, когда несколько раз Люси и Маргарет обменялись замечаниями о том, что будет происходить после обеда.

В этот момент вошёл дворецкий филиппинец и начал накрывать на стол. Президент посмотрел на него и сказал: «У нас ещё пятнадцать минут, чтобы поработать». «Насколько я помню, это были последние слова, которые он произнёс. После этого он всё больше погрузился в свои бумаги. Не желая его беспокоить, я продолжала рисовать верхнюю часть его лица возле линии волос. Внезапно он поднял правую руку и провёл несколько раз по лбу странным резким движением, не издавая ни звука, его голова слегка наклонилась вперёд. Я никогда не слышала, чтобы он что-то говорил о головной боли, как часто сообщалось в других описаниях его последних минут. Люси и Маргарет, сидя на диване, продолжали разговор тихим голосом, не подозревая о происходящем. “Люси, Люси, — судорожно выдохнула я, — что-то случилось!”» Через несколько секунд Люси и Маргарет были уже на ногах. «Я сдвинула все мои принадлежности для ри-

сования в сторону. Тем временем президент потерял сознание в своём кресле. «“Вызовите врача, быстро”, — сказал кто-то. Я выбежала на улицу, где обычно стояли все машины с сотрудниками секретной службы, но было время обеда, и остался только один охранник. “Президенту плохо. Вызовите врача!”» — пишет Элизабет.

Далее идёт описание того, как действует охрана, как вызывают врачей, а ФДР переносят в его спальню. Затем она продолжает: «Когда я вернулась, Люси и остальные стояли в гостиной, и никто, казалось, не знал, пришли они или уходят. Я вдруг услышала странный звук. Сначала я подумала, что это собака Систер, которая обычно храпела во сне. Затем я поняла, что звук идёт из комнаты президента Рузвельта. Я знала, что конец близок.

Я внезапно услышала голос Люси: “Мы должны собираться и уезжать. Семья прибывает на самолёте, и комнаты должны быть освобождены. Мы должны добраться до Айкена до наступления темноты. Через несколько минут мы были в гостевом доме, торопливо бросая наши вещи в чемоданы”».

12 апреля 1945 года у президента произошло кровоизлияние в мозг, он умер через два часа после приступа, не приходя в сознание.

Пройдёт время, и Элизабет Шуматов (Авинофф) побывает в Уорм-Спрингс. Первый раз — инкогнито. Купив билет и никому не представляясь, она посмотрит на комнаты, где они жили с Люси, на ту комнату в Малом Белом доме, где она рисовала и где сейчас и находится её незаконченный портрет ФДР, который она передала в дом-музей, где всё сохранилось как при его жизни, а на полу до сих пор видны следы, оставленные его инвалидным креслом. Второй раз — официально, как главный докладчик на мероприятиях, посвящённых 25-летию со дня смерти ФДР. В своей речи она отметила, что за те часы, которые провела с ним, ни разу не почувствовала, что перед ней хоть в чём-то недееспособный человек. «Франклин Делано Рузвельт своей жизнью доказал,

что нет ничего невозможного, и это величайшее наследие, которое он оставил нам всем».

В заключение дадим ещё раз слово Э. Шуматовой. Вспоминая свою работу над портретом 1943 года и свои разговоры с президентом, она пишет: «Ещё одной темой, которую мы обсуждали, было нынешнее состояние нации и роль президента». Рузвельт «сказал, что самое главное в исполнении обязанностей президента — это сохранение чувства равновесия и перспективы. Некоторые люди думают, что многие вещи, которые я делаю, не уравновешены, и они, вероятно, действительно таковыми кажутся, если так думают, но это только с точки зрения настоящего момента. Я же думаю на двадцать лет вперёд». Он добавил, что «большинство людей в этой стране (США. — *А. В.*), особенно богатые, не осознали тот факт, что жизнь никогда не будет такой, какой она была».

Надеюсь, что этот доклад стал ещё одним штрихом к портрету ФДР, который ещё предстоит «закончить» после более глубокого изучения его наследия, ибо понять настоящее легче после того, как узнаешь больше о прошлом...

В. Е. Воронин

*доктор исторических наук, профессор кафедры истории России
Института истории и политики ФГБОУ ВО «Московский
педагогический государственный университет» (г. Москва)*

ЮЖНЫЙ САХАЛИН И КУРИЛЬСКИЕ ОСТРОВА КАК ПРЕДМЕТ ДОГОВОРЁННОСТЕЙ МЕЖДУ СССР И ЕГО СОЮЗНИКАМИ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Аннотация. В статье идёт речь о международно-правовых аспектах присоединения к Советскому Союзу Южного Сахалина и Курильских островов в 1945–1946 годах. Раскрывается характер договорённостей между СССР и его союзниками по Дальнему Востоку на Крымской конференции 1945 года и в последующий период. Подробно проанализировано содержание переписки главы советского правительства И. В. Сталина и президента США Г. Трумэна по вопросам, связанным с капитуляцией Японии и оккупацией её территории войсками союзных держав. Прослеживаются основные этапы вхождения Южного Сахалина и Курильских островов в состав СССР. Отмечается, что эти территории стали частью СССР в полном соответствии с международно-правовыми актами стран-победительниц, определившими итоги Второй мировой войны.

Ключевые слова: СССР, И. В. Сталин, Вторая мировая война, союзники, Южный Сахалин, Курильские острова, Крымская конференция 1945 года, капитуляция Японии.

Сегодня в условиях территориальных притязаний реваншистских кругов Японии к России представляется целесообразным проследить процесс перехода под юрисдикцию нашей страны Южного Сахалина и Курильских островов.

7 декабря 1941 года Япония напала на США — страну, которая в разгар Русско-японской войны 1904–1905 годов заявила о намерении воевать против России и любой поддержавшей её державы, а также пойти «так далеко, как это потре-

буется в её (Японии. — В. В.) интересах». Впрочем, для СССР нападение Японии на США означало отступление японской угрозы на Дальнем Востоке. Шансы японцев на победу в войне на два фронта были невелики. Правда, у японского Генерального штаба имелись и такие планы. 24 апреля 1942 года правительство Японии утвердило разработанный своим Генеральным штабом оперативный план нападения на СССР под названием «Основной курс разрешения северной проблемы». Этот план был рассчитан на решающие военные успехи Германии в войне против СССР. Несмотря на коренной перелом в войне, обозначившийся в 1943 году, этот *наступательный* план служил руководством к действию до сентября 1944 года, когда японский генштаб начал разработку оперативного плана обороны Японии на случай вступления СССР в войну против неё [6, с. 229].

Но японское правительство не имело надежд на успех в такой войне. Поэтому министр иностранных дел Японии М. Сигэмицу тогда же, в сентябре 1944 года, подготовил свой план переговоров с СССР. Японская сторона понимала необходимость существенных уступок, которыми надеялась выторговать неучастие СССР в войне на Дальнем Востоке. План Сигэмицу предусматривал: передачу Советскому Союзу северо-маньчжурской ветки КВЖД (Северо-Маньчжурской железной дороги), «признание советской сферы интересов в Маньчжурии», а также уступку Южного Сахалина и северной части Курильских островов. Японское правительство склонялось к тому, чтобы расстаться с прежними завоеваниями без единого выстрела — сразу после выхода Германии из войны [13, с. 273–274]. Со своей стороны И. В. Сталин осенью 1944 года дал указание Генеральному штабу Красной армии начать подготовку к войне с Японией [18, с. 404].

Вопрос о вступлении СССР в войну с Японией и расширении границ нашей страны на Дальнем Востоке был решён в Ливадийском дворце — на Крымской конференции 4–11 февраля 1945 года. На заседании 8 февраля Сталин на-

звал главное условие участия СССР в войне с Японией — возвращение Южного Сахалина и Курильских островов. Он подчеркнул: «Я только хочу вернуть России то, что японцы отторгли у моей страны». Ф. Рузвельт согласился со Сталиным: «Это представляется мне весьма обоснованным предложением нашего союзника. Русские хотят вернуть себе то, что у них было отторгнуто». Желание советского вождя вернуть своей стране Южный Сахалин и присоединить Курильские острова не было новостью для его коллег по Большой тройке. Рузвельт заранее уведомил У. Черчилля, что готов принять советские условия, и даже похвалил Сталина за скромность, отметив, что тот «не требует никаких земель», хотя «может это сделать». Черчилль придерживался иного мнения, исходя из того, что «официально Курилы целиком никогда не принадлежали России» [17, с. 247]. На заседании конференции Черчилль пытался затеять об этом спор, но тщетно. Президент США был далёк от историко-правовых изысканий о принадлежности Курил. Оборвав британского премьера, Рузвельт лаконично заметил: «Южная часть Сахалина и Курильские острова будут отданы Советскому Союзу», — а после заседания передал Сталину письменное подтверждение этой позиции. А. А. Громыко вспоминал, что советский лидер был доволен и, расхаживая по кабинету, приговаривал: «Хорошо, очень хорошо!» [5, с. 231].

11 февраля 1945 года в Ливадии было подписано Соглашение по Дальнему Востоку. СССР, обязавшись вступить в войну с Японией «через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе», добился важных гарантий и, в частности, восстанавливал свои права, попранные «вероломным нападением Японии в 1904 году»: возвращал себе южную часть Сахалина с прилегающими островами; обеспечивал свои «преимущественные интересы» в торговом порту Дайрен (Дальний) и закреплял за собой в аренду Порт-Артур как военно-морскую базу; получал право совместной с Китаем эксплуатации КВЖД на усло-

виях обеспечения своих «преимущественных интересов»; обеспечил предстоящий переход под свою юрисдикцию Курильских островов [14, с. 273–274].

В качестве первого шага на пути выполнения своих обязательств СССР денонсировал пакт о нейтралитете с Японией от 13 апреля 1941 года. Нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов уведомил об этом японского посла 5 апреля 1945 года [8]. Реплику посла о том, что договор сохраняет силу до 25 апреля 1946 года, когда истекает пятилетний срок со дня его ратификации, и выраженную послом надежду, что советская сторона будет до конца выполнять условия пакта, Молотов парировал заявлением, что «фактически советско-японские отношения вернутся к тому положению, в котором они находились до заключения пакта» [12, с. 275].

Игра Японии в юридическую казуистику не могла иметь успех. В Японии прекрасно понимали, что СССР может в любой удобный для себя момент начать войну со страной-агрессором, воюющим против его союзников. 14 мая 1945 года Высший совет по руководству войной, в который входили высшие должностные лица Японии во главе с премьер-министром, решал вопрос, «как удержать Россию от вступления в войну». Японский дипломат С. Того прямо назвал его «вопросом о плате за мир». Японское правительство соглашалось на «отмену Портсмутского мира <...> и восстановление в общих чертах положения, которое существовало до русско-японской войны» [16, с. 441]. В частности, на совете было решено уступить Советскому Союзу: Южный Сахалин и Курильские острова до острова Уруп включительно, железные дороги в Маньчжурии, права на аренду Порт-Артура и Дальнего (Дайрена) [2, с. 155]. Бывшему премьеру К. Хирота было поручено «проведение предварительных переговоров с советским послом» [16, с. 441].

Однако Хирота не справился со своей задачей. На переговорах с советским послом Я. А. Маликом в июне 1945 года на японском курорте в горах Хаконэ он искусно затягивал время,

которое, правда, и без того работало не на Японию, и объявлял о намеченных японской стороной уступках небольшими порциями. Первым делом, ещё в начале июня, он сообщил Малику о готовности Японии возвратить Советскому Союзу Южный Сахалин и передать ему часть Курильских островов [7, с. 48–49]. К концу июня Хирота несколько расширил географию уступок — пообещал Москве «нейтрализацию» Маньчжоу-Го [1, л. 393–407; 2, с. 156]. Тогда же в самом Токио признали крайним для себя вариантом уступок отказ от всех владений, кроме четырёх главных островов и Южных Курил [2, с. 156]. Но было поздно. Советская сторона уклонилась от дальнейших переговоров. Для неё, признаёт современный японский историк Х. Вада, более предпочтительным был «американский план отдать все Курильские острова Советскому Союзу». Вину за вступление СССР в войну с Японией Вада возлагает на «низкое качество» японской дипломатии [2, с. 156, 157], сообщившей советской стороне лишь часть уже санкционированных правительством Японии уступок, что сделало невозможным мирное решение.

26 июля 1945 года, во время Потсдамской конференции глав правительств стран антигитлеровской коалиции, было обнародовано Заявление глав правительств США, Великобритании и Китая (Потсдамская декларация) [11, с. 104–106]. Это был ультиматум японскому правительству, предлагавший врагу не условия мирного договора, а капитуляцию. Победённую Японию ждала оккупация войсками стран-победительниц, которые могли по своему усмотрению занять любые «пункты на японской территории». Союзные державы примерно обозначили территорию будущей Японии, включающую в себя лишь собственно Японские острова: «Японский суверенитет будет ограничен островами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку и теми менее крупными островами, которые мы укажем». Японские вооружённые силы подлежали разоружению. Декларация предусматривала ликвидацию старой государственности и суверенитета Японии. Новое японское

правительство предстояло создать в условиях оккупации страны союзными войсками, а действующее правительство было призвано «провозгласить теперь же безоговорочную капитуляцию всех японских вооружённых сил».

Японское правительство игнорировало Потсдамскую декларацию, вновь доказав «низкое качество своей дипломатии». 8 августа 1945 года СССР, выполняя союзнические обязательства, присоединился к Потсдамской декларации. Молотов уведомил японского посла, что с 9 августа (00 час. по японскому времени) Советский Союз будет находиться в состоянии войны с Японией.

Стремясь ускорить капитуляцию Японии и одновременно уменьшить роль СССР в послевоенном устройстве Азиатско-Тихоокеанского региона, президент США Г. Трумэн санкционировал атомную бомбардировку Хиросимы (6 августа) и Нагасаки (9 августа). Но японское правительство, признав поражение в войне, тем не менее отказывалось капитулировать. 10 августа оно заявило о готовности «принять условия» Потсдамской декларации, но по-своему истолковывало её, полагая, что она не ущемляет «прерогативы императора как суверенного правителя Японии» [9, с. 294]. 11 августа Госдепартамент США от имени правительств США, СССР, Великобритании и Китая дал японскому правительству самую жёсткую трактовку условий Потсдамской декларации. Япония лишалась суверенитета и подлежала оккупации войсками союзных держав. На этот период полномочным правителем Японского государства должен стать верховный командующий союзных держав, которому будет подчинена «власть императора и Японского Правительства в отношении управления государством» [9, с. 294].

В последние дни Второй мировой войны президент США заявил о своих притязаниях на роль «председателя Земного шара». 12 августа 1945 года он предложил Сталину согласиться на назначение верховным командующим союзных держав американского генерала Д. Макартура «для

принятия, координации и проведения общей капитуляции японских вооружённых сил» и, не дожидаясь ответа, пожелал, чтобы советским командованием «немедленно была установлена непосредственная связь с генералом Макартуром в отношении каждого мероприятия». В ответном послании, в тот же день, Сталин дал согласие на назначение Макарута [9, с. 257–258], но никак не реагировал на призыв иметь «непосредственную связь с генералом Макартуром в отношении каждого мероприятия». Тем самым он уклонился от перевода советских Вооружённых сил на Дальнем Востоке в оперативное подчинение американскому командованию.

14 августа Япония приняла условия Потсдамской декларации и заявила о капитуляции. В этот день Трумэн одобрил «Общий приказ № 1», который надлежало выпустить от имени генерала Д. Макарута «по вопросу о деталях капитуляции японских вооружённых сил» [9, с. 258–263]. США единолично распределяли сферы ответственности войск союзных держав на территории бывшей Японской империи. Капитуляцию «на главных островах Японии», на большей части территорий Японской империи, должно было принимать американское командование, а капитуляцию японцев «в пределах Маньчжурии, Кореи севернее 38 градусов северной широты и на Карафуто» (Южном Сахалине) — главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке. При этом Трумэн допускал корректировку «Общего приказа № 1» верховным командующим Макартуром «в свете известной ему оперативной обстановки». Входя во вкус глобального лидерства, США уже не церемонились с союзниками при разделе сфер влияния на Дальнем Востоке. Вопросы, ранее являвшиеся предметами международных соглашений, они начали решать своими «общими» и частными предписаниями. Отвечая Трумэну 16 августа, Сталин напомнил союзнику о забытых в «Общем приказе» Курилах. «В основном» не возражая «против содержания приказа», он предложил «включить в район сдачи японских вооружённых сил совет-

ским войскам все Курильские острова, которые согласно решению трёх держав в Крыму должны перейти во владение Советского Союза». Кроме того, Сталин пожелал включить в советскую зону оккупации «северную половину острова Хоккайдо» [9, с. 263–264]. Отметив, что «японцы в 1919–1921 годах держали под оккупацией своих войск весь Советский Дальний Восток», он заявил: «Русское общественное мнение было бы серьёзно обижено, если бы русские войска не имели района оккупации в какой-либо части собственно японской территории» [9, с. 264].

В следующем послании Сталину, полученном 18 августа, Трумэн соглашался исправить «Общий приказ № 1», включив «все Курильские острова в район, который должен капитулировать перед Главнокомандующим советскими вооружёнными силами на Дальнем Востоке». Но при этом он отверг советское предложение «в отношении капитуляции японских вооружённых сил на острове Хоккайдо перед советскими вооружёнными силами». Оккупация «собственно Японии», которую, согласно Потсдамской декларации, должны были занять войска союзных держав, на деле становилась чисто американским мероприятием. Участию в нём союзных армий Трумэн отводил лишь символический характер. «Генерал Макартур, — цинично заметил он Сталину, — будет использовать символические союзные вооружённые силы, которые, конечно, будут включать и советские вооружённые силы, для временной оккупации такой части собственно Японии, какую он сочтёт необходимым оккупировать в целях осуществления наших союзных условий капитуляции» [9, с. 264].

22 августа Сталин выразил Трумэну своё сожаление в связи с отказом «удовлетворить просьбу Советского Союза о включении северной половины о. Хоккайдо в район сдачи японских вооружённых сил советским войскам» [9, с. 265]. В послании, полученном в Москве 27 августа, Трумэн принял свою первую робкую попытку ревизовать Соглашение

по Дальнему Востоку от 11 февраля 1945 года. Он заявил, что в случае с Курильскими островами речь идёт «о японской территории, вопрос о которой должен быть решён при мирном урегулировании». Правда, одновременно Трумэн «подтвердил» заключённое «предшественником» соглашение, а также готовность поддержать «желание» Сталина «получить в постоянное владение все Курильские острова» [9, с. 265–266].

«Торг» был окончен. Согласно исправленному «Общему приказу № 1», все Курильские острова вошли в советскую зону оккупации.

Разгромив японскую Квантунскую армию (более 1 млн солдат), Красная армия заняла Маньчжурию, Северную Корею, Южный Сахалин и Курильские острова. Советский и американский главнокомандующие — маршал А. М. Василевский и генерал Д. Макартур легко определили морской рубеж, отделяющий Курильские острова от островов Японских [10, с. 54, 60]. Как и следовало ожидать, ближайшим к советским Курилам японским островом оказался Хоккайдо.

2 сентября 1945 года на борту американского линкора «Миссури» был подписан Акт о капитуляции Японии [4, с. 480–481]. Последняя обещала «честно выполнять условия Потсдамской декларации» и полностью утрачивала государственный суверенитет. Акт о капитуляции гласил: «Власть императора и японского правительства управлять государством будет подчинена верховному командующему союзных держав...» Верховным правителем Японии стал американский генерал Д. Макартур. В тот же день в своём обращении к народу И. В. Сталин торжественно и непререкаемо объявил о территориальных приращениях нашей страны на Дальнем Востоке: «Сегодня Япония признала себя побеждённой и подписала акт безоговорочной капитуляции.

Это означает, что южный Сахалин и Курильские острова отойдут к Советскому Союзу и отныне они будут служить не средством отрыва Советского Союза от океана и базой японского нападения на наш Дальний Восток, а средством прямой

связи Советского Союза с океаном и базой обороны нашей страны от японской агрессии» [15, с. 240–242].

Любопытно, что Сталин не выразил особых надежд насчёт послевоенного «мирного развития». Он вполне допускал возникновение угрозы «японской агрессии» в будущем, рассматривая отвоёванные у врага территории как океанский форпост и плацдарм для «обороны нашей страны от японской агрессии».

Американские оккупационные власти в Японии не чинили препятствий присоединению Южного Сахалина и Курильских островов к СССР. «Общим приказом № 2» верховного командующего союзных держав Д. Макартура все Курильские острова, включая острова Хабомаи, были изъяты из зоны, где 8-я американская армия, местом дислокации которой стал остров Хоккайдо, принимала капитуляцию японских войск. К 5 сентября 1945 года все Курилы были заняты советскими войсками (кстати, именно в этот день исполнилось 40 лет Портсмутскому договору). 5–6 сентября МИД Великобритании и Госдепартамент США достигли договорённости не оспаривать предстоящее включение Южного Сахалина и Курильских островов в состав СССР. 16 сентября советская военная администрация на островах объявила о том, что с 20 сентября 1945 года Южный Сахалин и Курильские острова являются территорией СССР [10, с. 54, 57–58, 61].

Правовое оформление вхождения Южного Сахалина и Курильских островов в состав СССР завершилось в начале 1946 года. Во исполнение условий Потсдамской декларации и Акта о капитуляции Японии 29 января 1946 года был выпущен Меморандум верховного командующего союзных держав японскому императорскому правительству (№ 677). Согласно Меморандуму, территория Японии состояла из «четырёх главных островов Японии (Хоккайдо, Хонсю, Кюсю и Сикоку) и приблизительно 1000 мелких прилегающих островов»; в числе территорий, исключённых из юрисдикции японского государства, особо упоминались Курильские острова, группа островов Хабомаи (Сусио, Юри, Акиюри,

Сибоцу и Тараку), Сикотан, а также Карафутто, то есть Южный Сахалин [19].

Указы Президиума Верховного Совета СССР от 2 февраля 1946 года ставили точку в вопросе принадлежности Южного Сахалина и Курильских островов. Согласно этим указам, «с 20 сентября 1945 года вся земля с её недрами, лесами и водами на территории южной части острова Сахалина и Курильских островов является государственной собственностью СССР, то есть всенародным достоянием». Объявлялось о создании на территории Южного Сахалина и Курильских островов Южно-Сахалинской области, которая включалась в состав Хабаровского края РСФСР [3].

Итак, Южный Сахалин и Курильские острова были не «аннексированы», а присоединены к СССР в полном соответствии с международно-правовыми актами стран-победительниц, определившими итоги Второй мировой войны и характер послевоенного мироустройства.

Использованные источники и литература

1. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 54. Д. 891. 420 л.
2. Вада Х. Проблема северных территорий. История и будущее. Токио, 1999 (на яп. яз). 396 с.
3. Ведомости Верховного Совета СССР. 1946. 16 февр. (№ 5).
4. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 3. М., 1947. 790 с.
5. Громыко А. А. Памятное. 2-е изд. Кн. 1. М., 1990. 512 с.
6. Жуков А. Советско-японские отношения в период Великой Отечественной войны советского народа. М., 1987. 229 с.
7. За кулисами тихоокеанской битвы (японо-советские контакты в 1945 г.) // Вестник МИД СССР. 1990. № 19 (77). С. 43–53.
8. Известия. 1945. 6 апр. (№ 81).
9. Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. М., 1958. 408 с.
10. Россия и Япония: пропущенные вехи на пути к мирному договору. М., 2001. 240 с.

11. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключённых СССР с иностранными державами. Вып. 11. М., 1955. 200 с.
12. Славинский Б. Н. Ялтинская конференция и проблема «северных территорий». М., 1996. 244 с.
13. Смирнов Л. Н., Зайцев В. Б. Суд в Токио. М., 1978. 544 с.
14. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : сб. документов. Т. 4: Крымская конференция руководителей трёх союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). М., 1979. 325 с.
15. Сталин И. В. Сочинения. Т. 15. М., 1997. 248 с.
16. Того С. Воспоминания японского дипломата. М., 1996. 521 с.
17. Черевко К. Е. Серп и молот против самурайского меча. М., 2003. 384 с.
18. Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. М., 1968. 416 с.
19. Governmental and Administrative Separation of Certain Outlying Areas from Japan [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://en.wikisource.org/wiki/SCAPIN677> (дата обращения: 10.03.2019).

Voronin V. E.

Southern Sakhalin and the Kuril Islands as the Subject of Agreements between the USSR and its Allies in World War II

Abstract. *The article deals with the international legal aspects of the accession of South Sakhalin and the Kuril Islands to the Soviet Union in 1945–1946. the nature of the agreements between the USSR and its allies in the Far East at the Crimean conference in 1945 and beyond is Revealed. The content of the correspondence between the head of the Soviet government I. V. Stalin and the us President G. Truman on issues related to the surrender of Japan and the occupation of its territory by the troops of the allied powers is analyzed in detail. The main stages of the entry of southern Sakhalin and the Kuril Islands into the USSR are traced. It is noted that southern Sakhalin became part of the USSR in full accordance with the international legal acts of the victorious countries, which determined the results of the Second world war.*

Keywords: *USSR, I. V. Stalin, World War II, allies, Southern Sakhalin, Kuril Islands, Crimean conference 1945, the capitulation of Japan.*

Д. Г. Евстафьев

*кандидат политических наук, профессор
департамента интегрированных коммуникаций
факультета коммуникаций медиа и дизайна
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (г. Москва)*

ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ЭПОХУ ПОСТГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТУРБУЛЕНТНОСТЬ, ВОЕННО-СИЛОВЫЕ РИСКИ И ИНФОРМАЦИОННЫЕ МАНИПУЛЯЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ¹

Аннотация. Современная система глобальной политики и экономики находится в переходном состоянии, постепенно транзитируя от преобладающей американской глобальной геополитической и экономической монополярности к более сложной системе, предполагающей деградацию доминирования США. Эти процессы определяются прежде всего глобальными экономическими и социально-политическими трансформациями, а также внутренними процессами в США. В складывающихся условиях возникновение устойчивого и институционализированного глобального миропорядка маловероятно, более того, следует исходить из того, что США в целом заинтересованы в относительно высоком уровне хаотизации политических и даже экономических отношений, хотя и стремятся избежать наиболее жёсткой версии глобального экономического кризиса.

Ключевые слова: многополярность, монополярность США, глобальный экономический кризис, хаотизация, «Ялтинский мир».

¹ Материал подготовлен на основе выступления на конференции «Ялта 1945: уроки истории», посвящённой 74-й годовщине проведения Крымской конференции руководителей трёх союзных держав — СССР, США, Великобритании, а также комплексных исследований и разработок, проводившихся Д. Г. Евстафьевым на протяжении последних нескольких лет.

Введение

«Ялтинский мир» нельзя считать долгоиграющей моделью хотя бы потому, что распад заложенных в качестве основ «системы» принципов начался практически сразу после окончания Второй мировой войны с исчезновением консолидирующего элемента — общего врага. А восстановление уже только условно «ялтинской», хотя и основанной на ряде «ялтинских» концептуальных подходах, стало возможно после Карибского кризиса, который продемонстрировал пределы допустимой эскалации, то есть установил новые границы «шахматной доски», на которой в принципе возможна была игра с ненулевой суммой. Это подчеркнуло главную характеристику подобных систем: историчность и контекстность, — возникновение и развитие подобных систем в рамках конкретных исторических обстоятельств и условий.

Оценивая перспективы развития глобальной геополитической ситуации, необходимо прежде всего уделять внимание тому контексту — и политическому, и экономическому, — в котором в ближайшие пять-семь лет будет развиваться система глобальной политики.

Ключевые глобальные тенденции и важнейшие их последствия

Приведём следующие ключевые тенденции, превращающие значимые, почти революционные глобальные трансформации в практически неизбежные²:

² Данная часть работы является развитием выводов автора, изложенных в [1], применительно к условиям комплексных политико-экономических трансформаций. Важным новым фактором в данном случае является вывод о сложном диалектическом характере взаимодействия и взаимовлияния экономических факторов, политических, становящихся слабо отделимыми от экономических в современной обстановке, и культурно-идеологических, начинающих оказывать неожиданно большее воздействие на глобальный контекст, размывая принципы экономизации процессов принятия решений в развитых странах.

Первое. Нарастание асимметрий глобального экономического роста. Экономический рост сейчас не отражает ключевых тенденций в реальной экономике и становится всё более содержательно фиктивным, но продолжает быть инструментом экономического структурирования регионов. Формальные показатели экономического роста становятся элементом политической манипулятивности, всё больше отрываясь от сущностных, содержательных параметров. Такая манипулятивность является естественным результатом использования «экономики индикаторов» как инструмента глобальной конкуренции. Сложился качественно иной уровень дисбалансов, содержащий внутри себя предпосылки к трансформациям по катастрофическому сценарию [2]. Значимость мировой торговли заключается в том, что в системе поздней глобализации именно она являлась первичным зеркалом всех, порой скрытых, глобальных процессов.

Второе. Стагнация глобальных инвестиционных цепочек и кризис инвестиционной избыточности. Под вопросом уже сейчас находятся традиционные модели извлекаемой ренты, ставшие основой современной экономики, принципиальным элементом чего была «инвестиционная избыточность». Инвестиционная избыточность стерилизовалась через финансовые инструменты, всё меньше отражавшие реальное состояние глобальной экономики и тем более не подкреплённые никакими значимыми материальными активами. Ключевой проблемой, вероятно, следует считать *недостаточность инвестиционного пространства в реальном секторе глобальной экономики*. Стагнация глобальных инвестиционных цепочек в том числе и в результате попыток региональных экономических центров создать собственные системы расчётов и инвестиций [3] может привести к «схлопыванию» части инвестиционного пространства и непропорциональному нарастанию дисконта при девиртуализации инвестиционных ресурсов.

Третье. Торможение социальной глобализации и возникновение серьёзных диспропорций в социальном развитии. Этот блок представляется одним из наиболее важных, поскольку именно эти тенденции выводят глобальную ситуацию за пределы классических диспропорций «метрополия — периферия», характерных для глобализации в целом и решавшихся за счёт догоняющей социальной модернизации. Внутри качественно деградирующего «золотого миллиарда» также начинает активно развиваться сегрегация по принципу доступа к кредитным возможностям и возможностям постоянного рефинансирования [4, с. 123–124]. Внутренняя социальная нестабильность становится одним из важнейших факторов, ограничивающих способность крупнейших государств мира участвовать в глобальных геополитических и геоэкономических процессах [5].

Четвёртое. Трансформация глобальных технологических инвестиционных цепочек, локализация и регионализация производства. Кризис глобализированных технологических цепочек возникает не только в силу «клочкового» внедрения элементов «четвёртой промышленной революции», но и в результате надстраивания экономических отношений избыточной массой политических и военно-политических рисков. Существующие технологические цепочки стали слишком сложными для управления возникающими в них рисками. Это будет последовательно вынуждать участников глобальных экономических процессов к упрощению логистических и технологических связей. Даже при частичном внедрении управленческих компонентов 4ПР утрачивает актуальность исходный тезис глобализации о необходимости рынка в 200 миллионов человек для обеспечения полноценного инвестиционно-технологического цикла даже применительно к относительно технологически насыщенным видам продукции.

Пятое. Отсутствие полноценного инвестиционного технологического мейнстрима. После «выгорания» инве-

стиционного потенциала мобильных коммуникационных технологий не возникло нового, «замещающего» инвестиционного цикла, сравнимого по масштабам. Попытки выдвинуть на эту роль биотехнологии, аддитивные технологии и технологии, связанные с нейрофикацией вычислений и коммуникации, имели лишь ограниченный положительный результат [6]. Не исключено, что именно проблема овеществления инвестиций может оказаться решающей для стимулирования глобальных кризисных явлений в экономике. Сейчас на роль ключевого фокуса инвестиционной активности выдвигаются биотехнологии. Такой новый инвестиционный цикл может стать фокусом притяжения значительных инвестиционных ресурсов с учётом понимания перспектив развития ситуации на финансовых рынках и общего кризиса «индустрии стартапов». Не ясно пока, однако, насколько долговременным он будет и насколько успешно он будет встроен в корпоративное и личное потребление. Хотя появление концепции «новой зелёной революции» в США говорит о том, что под такой инвестиционный цикл могут быть сформированы соответствующие механизмы³.

Шестое. Интеграция в процессы экономической деятельности и экономической конкуренции военно-силового компонента, что означает кризис концепции «мягкой силы» и экономической взаимозависимости. США вынуждены форсированно возвращаться к классическим образцам интервенционизма, что на политико-доктринальном уровне вызывает значительное напряжение как потенциальных конкурентов, так и союзников, а главное — порождает совершенно излишнюю неопределённость, способствующую нарастанию глобальной военно-силовой нестабильности. Наблюдается

³ Признаки формирования неэкономических мер по формированию расширенного инвестиционного цикла на основании биотехнологий могут быть найдены в концепции «нового зелёного курса», которую продвигает радикальная часть Демократической партии США и которая, вероятно, будет пользоваться успехом и у части европейских элит.

постепенное «выгорание» инерции прежней военной непобедимости, снижение политической убедительности (и экономической эффективности) военных демонстраций традиционных военных держав, прежде всего США [7], пока относительно успешно компенсируемое информационно-политическим манипулированием, основанным на сохранении доминирования США в глобальных СМИ.

Седьмое. Важнейшим, но до конца не осозанным обстоятельством становится распад идеологического мейнстрима. Хаотизация идеологического пространства на фоне исключительно высоких возможностей управления информационными потоками. С учётом процессов атомизации социально вовлечённого населения это делает общества развитых постиндустриальных и условно «предпостиндустриальных» стран крайне уязвимыми для информационных манипуляций. Но насколько современные общественные институты, которые можно было бы назвать социоинформационными, поскольку они развиваются как гибридные сущности, способны относительно длительное время содержательно удерживать сложные идеологические системы? Опыт последних десятилетий говорит о том, что идеология упрощается не только содержательно, но и структурно, отражая неустойчивый характер социальной структуризации современного общества.

Ключевыми факторами, операционно и содержательно объединяющими все ключевые тенденции глобального развития, являются следующие.

- Отсутствие «консенсуса развития» на уровне базовых, концептуальных оснований. Концепция «постмодерна» в социально-политическом развитии и связанная с ней концепция постиндустриального общества оказались если не тупиковыми, то содержащими в себе значительный масштаб внутренних противоречий, прежде всего связанных с возникновением и развитием

асимметрий социально-политического и культурного характера.

- Исключительно высокая роль информационных манипуляций. В ряде секторов глобальной экономики манипуляциями уже определяются среднесрочные тенденции. Инвестиционный мейнстрим определяется почти полностью на уровне информационных манипуляций. Существует возможность, как минимум технологическая, осуществления глобальных экономически значимых манипуляций, как минимум субглобального масштаба, а в ряде случаев — и глобального, осуществляемых как в формате дополненной реальности, так и с использованием различных методов классической пропаганды⁴.

- Возникновение одновременной многоуровневой конкуренции ключевых государств мира как на уровне технологий, так и на уровне «смыслов», операционно начинает «дробящее» понятие глобального «лидера», отражая «переходное состояние» современной глобальной системы и отсутствие общей базы для институционализации глобальных процессов. Это практически лишает методологического смысла понятие геополитической «полярности» и комплексности проявления глобальных интересов и возможностей, прежде всего возможностей политического влияния.

- Многовариантность, ситуативность и контекстность развития большинства формирующихся экономических «узлов», причём контекст является комплексным, сформированным на основе сложного сочетания разнородных факторов, как средне- и долгосрочных, отражающих определённые объективные тенденции,

⁴ В западных политических исследованиях [8] появился тезис о Post-truth Geopolitics как о вполне приемлемой модели глобальных процессов. Это ещё не признание допустимости стратегического переконфигурирования операционного пространства на базе информационных манипуляций, но перевод ситуации в формат «новой нормальности».

связанные с глобальными геоэкономическими трансформациями, так и краткосрочные завихрения, связанные с манипулятивными действиями как информационного, так и политического порядка.

Значение краткосрочных манипуляций в системе международных отношений в настоящий момент существенно выше, чем было раньше, что связано с отсутствием достаточного уровня институционализации глобальных политических и экономических процессов.

«Точки разрыва» существующей системы

Мир тормозящей глобализации сохраняет пока относительную целостность и способность сохранять отношения ключевых игроков (особенно в экономике) в рамках модели «игры с ненулевой суммой», что в перспективе даёт основания для обсуждения вопросов, связанных с формированием некоего относительно универсального мирового порядка. Но разбалансированность развития однозначно означает неизбежность возникновения целого ряда качественно различных точек реализации глобальных или субглобальных противоречий, способных привести к возникновению критического разрыва системы в целом. Назовём наиболее значимые точки таких противоречий.

- Кризис избыточного кредитного потребления как драйвера развития экономики и на персональном, и на институциональном уровне, что может иметь существенно более чувствительные последствия.
- Кризис инвестиционного капитализма как драйвера роста экономики в глобальном масштабе прежде всего в силу регионализации мировой торговли и, как следствие, регионализации расчётных и инвестиционных систем.
- Кризис политического обременения экономики. И глобальная, и региональные экономики не могут и да-

лее обеспечивать устойчивое экономическое развитие в рамках имеющихся механизмов неэкономического обременения [9, с. 63–68].

- Социальная уязвимость большинства постиндустриальных пространств, зависящих от сохранения существующей модели монетизации и реинвестирования ренты и устойчивости глобальной финансовой системы. В рамках развития современных финансовых коммуникаций постиндустриальные анклавы, если они не предоставляют «суверенной защиты» инвестициям, становятся в принципе не такими привлекательными, как раньше.

- Военно-силовая недостаточность крупнейших экономических игроков. Ни одно из государств, обозначающих наличие готовности конкурировать в военно-политическом плане с США, не имеет глобального потенциала проецирования силы. Россия обладает таким потенциалом исключительно в формате кризисных ситуаций с ядерным оружием. В этих условиях тяжесть военно-силовой конкуренции будет логикой ситуации переноситься на уровень экономических макрорегионов.

- Сетевизация низшего социального уровня (grass-roots) против иерархии более высокого уровня, формирование «параллельного» гражданского общества с возможностью формирования радикальных настроений, проявляющихся не только в коммуникациях, но и в пространстве социального действия [10, с. 25].

Каждая в отдельности «точка разрыва» вполне могла бы быть преодолена в рамках динамично развивающейся системы глобализации. Но их сочетание, особенно в условиях явного ослабления глобальных институтов, создаёт реальные предпосылки для дестабилизации как минимум наиболее конкурентных секторальных и географических пространств, вовлечённых в процессы глобализации.

Констатация

Мы видим диалектически противоречивое отражение ситуации, сформировавшейся перед началом Ялтинской конференции 1945 года. С одной стороны, как и сейчас, имелась явная потребность в новой институционализации возникающей глобальной системы и этот институциональный вакуум лидерами государств вполне осознавался. Этот вакуум был результатом распада предвоенного баланса сил, тогда, как и сейчас, он носил во многом рукотворный характер и отражал неспособность США, как основы коллективного Запада, действовать в сформированных ими же институциональных рамках. С другой стороны, в отличие от ситуации 1944–1945 годов, когда можно было говорить как минимум о существовании некоего глобального внешнеполитического «мейнстрима», то есть системы общих опорных точек в конструировании нового мирового порядка, сейчас такая ситуация отсутствует полностью и мы вынуждены действовать в условиях отсутствия не только полноценных «образов будущего», но и среднесрочной неопределённости моделей развития. Однако «ялтинский мейнстрим» также был сломан уже в 1945 году в результате изменения военно-политической составляющей контекста (появления ядерного оружия) и резкой трансформации геэкономической составляющей: возникла возможность ускоренной деколонизации (а вернее — «неоколонизации») критических в ресурсном смысле пространств, что обусловило всплеск силовой конфронтации по периферии пространства, вовлекаемого в политические и экономические процессы. Это фактически отложило возникновение относительно устойчивой глобальной системы до середины 1960-х годов, когда после Карибского кризиса стали примерно явны пределы силовой конфронтации.

Современная глобальная геополитическая монополярность США, несмотря на частичную деградацию, удерживается системно за счёт безусловного доминирования в двух областях: во-первых, в глобальных коммуникациях, прежде

всего глобальных бизнес-коммуникациях, а во-вторых — в глобальных инвестиционных процессах. Контроль глобального информационного пространства, включая его технологическую составляющую, позволяет США обеспечивать безусловное доминирование в формировании принципиальной для большинства стран «повестки дня» и интерпретацию событий в соответствии с интересами господствующих групп в элите США. Это прежде всего говорит о глубоком упадке практической внешней политики и относительно ослаблении экономических процессов в реальном секторе экономики на глобальном уровне по сравнению с финансово-инвестиционным сектором. Потенциал влияния США определяется во многом способностью к комплексному воздействию на их наиболее значимых геоэкономических конкурентов в рамках, определяемых ими же самими «правил игры», чем ситуация принципиально отличается от «ялтинской системы», основанной на «арбитражных», диалогичных механизмах.

Глобальное доминирование США, державшееся в 1990-е годы на относительной силе США, а в 2000-е — на доминировании США в «атлантических институтах», после неудачи в формировании системы «сетевизированной монополярности», строительством которой пыталась заниматься администрация Б. Обамы, в настоящее время осуществляется путём эксплуатации относительной слабости потенциальных геополитических конкурентов США и уязвимости ключевых глобальных экономических процессов, прежде всего в финансовой отрасли и в глобальной энергетике, где, вероятно, и развернутся наиболее болезненные глобальные экономические трансформации и там же, вероятно, будет происходить наиболее значительная хаотизация операционного пространства.

Базовым выводом из представленных тенденций является следующее заключение.

В современной системе международных отношений не сформировались предпосылки для выработки консенсуса

или даже доминирующей позиции относительно дальнейших направлений развития глобальной политической и экономической системы в условиях если не окончательного торможения глобализации, то её практически асимметричного проявления в разных регионах и отраслевых сегментах. Это означает, что как минимум на начальном этапе глобальная система будет развиваться в относительно хаотизированном формате, на основе конкуренции различных по своему статусу, внутренней организации и логики поведения акторов [11]. Вопрос в том, на каком этапе у ключевых глобальных игроков возникнет понимание пределов военно-силовой конфронтации, особенно с учётом того обстоятельства, что сохранение в условиях американской военно-стратегической монополярности элементов ядерного сдерживания само по себе выдавливает военно-силовые методы на периферию системы военно-силового взаимодействия⁵.

Выводы

Возвращаясь к вопросу о принципиальной возможности возникновения нового миропорядка на базе концептуальной модели «Ялта-1945», отметим, что она, как попытка среднесрочной институционализации определившихся тенденций, в действительности почти уникальных в истории международных отношений и отражавших ограниченность ресурсов ключевых игроков, продолжает масштабный перераспредел глобального экономического и политического пространства. Если переносить ситуацию 1944–1945 годов на сегодняшнюю ситуацию, то важными представляются следующие замечания.

⁵ Попытки администрации Д. Трампа на уровне военной доктрины обозначить возможность реализации стратегий ограниченной ядерной войны на данном этапе всё же следует отнести к информационно-манипулятивной составляющей современных политических процессов.

- Помимо государств, в процессе формирования глобальной политической и экономической архитектуры принимают участие и субгосударственные, и надгосударственные субъекты, степень легитимности которых и взаимозависимость с национальными государствами не всегда ясны [12, с. 25–27].

- Ключевые игроки не просто не исчерпали возможности конфронтации, но в основном стараются не демонстрировать свои военно-силовые возможности. Исключение составляет Россия, обеспечивающая таким образом свою легитимизацию в качестве глобально значимой силы.

- В глобальной политике на сегодняшний день присутствует близкая к нулевой потребность к институционализации. Напротив, ключевые игроки глобальной политики — не только США, но и Китай — стремятся фактически к разрушению существовавшей ранее институциональной архитектуры, считая, что после неизбежного кризиса они смогут её воссоздать на лучших условиях.

- Единственным фактором, свидетельствующим в пользу возможности к развитию ситуации по модели «Ялта – Потсдам», является стремление ключевых игроков глобальной политики и экономики остаться в рамках «игры с ненулевой суммой». Ни одна крупная держава, включая и «ревизионистские» — Китай, Россию и Иран, а косвенно — и Турцию с Египтом, — не продемонстрировали готовности и концептуального желания разрушить существующую систему взаимозависимости, обеспечивающую эффективность «игры с ненулевой суммой».

С этой точки зрения нуждается в глубоком пересмотре концепция многополярности. ***Утрата США функций гегемона в относительно узких секторах (пространствах)***

мировой политики и экономики или в значимых «макрорегионах» не обязательно приводит к возникновению основ новой политической и тем более экономической системы.

Сохраняется прежняя система трансляции влияния, но она становится существенно менее эффективной и работоспособной, что постепенно сокращает возможности влияния через механизмы «мягкой силы», то есть с использованием информационных манипуляций, являющихся основой инструментария сохранения американской глобальной геополитической монополярности. Но архитектура монополярной системы сохраняется, что обуславливает хаотизацию по периферии операционного пространства глобальной политики. Гипотеза состоит в том, что многополярность может быть не глобальной, то есть не универсальной, и включать в себя в качестве элементов не только государства, но и иные, возможно, сетевизированные субъекты мировой политики и экономики.

Новый мир будет миром гибридных пространств с очаговой конкуренцией иерархических и сетевых структур в условиях регионализации. Гибридность современного мира проявляется не только в резком усилении значения информационных технологий для решения реальных политических задач. В конечном счёте современный — в технологическом и институциональном смысле — вариант информационного общества существует уже как минимум десять лет, а его основы формировались в конце 1990-х с апробацией первых вариантов полностью цифровых коммуникаций и форматов.

С учётом этих замечаний представляется целесообразным сделать следующие выводы.

- На переходный период до условной «Новой Ялты» возможно возникновение процессов комплексного противоборства по моделям, сходным с ситуацией в конце XIX — начале XX века, но осложнённых наличием экономически и политически активных рудиментов «сетевого мира», идеологическим обеспечением которого

будет политизированный либерализм [13]. Вероятно, этот период будет характеризоваться высокой степенью деинституционализации системы международных отношений и утратой части системных ограничителей в глобальной экономике.

- Ключевыми факторами становятся темп и основные особенности деградации американского глобального геополитического потенциала, то есть потенциала определения глобальных тенденций без разрушения существующих политических и экономических институтов. Но в равной степени важным индикатором сохранения или деградации монополярной системы становится сохранение или утрата способности США к осуществлению информационных (информационно-политических) манипуляций в прежних масштабах и с прежней интенсивностью.

- Экономический кризис может стать «запалом» для начала серии региональных вооружённых конфликтов, связанных с попытками формирования новых механизмов монетизации перераспределения различных рент, что станет естественным результатом разрушения глобальных инвестиционных механизмов, построенных на принципе виртуализации финансов.

- Фиксация нового статуса глобальной политической и экономической системы без значимого военно-силового конфликта возможна, но маловероятна. Серьёзный вооружённый конфликт отразит реальное соотношение ключевых военно-силовых и военно-политических возможностей ключевых государств мира и выявит ядро субглобальных центров силы, способных обеспечить свои экономические интересы с использованием военно-силовых инструментов. Субглобальный вооружённый конфликт выявит и те «зоны» (вероятно, сегменты крупных макрорегионов), в которых США утратили статус главного источника военно-силовой стабильно-

сти. Во всяком случае, возникновение какого-то полноценного равновесия, пусть даже и краткосрочного, возможно только после формирования нового баланса сил и интересов на Ближнем и Среднем Востоке.

Использованные источники и литература

1. *Евстафьев Д.* Грядущий глобальный кризис: пять ключевых аспектов трансформаций // Инвест-Форсайт. 2018. 28 нояб. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.if24.ru/globalnyj-krizis-5-aspektov/?fbclid=IwAR2FJUepH7FYeIzGQ84f_uONBQwP3xT7D-5Q-0-0Bp6ZL92hSqDZi18LEK4 (дата обращения: 24.02.2019).

2. *Холопов А.* Параметры глобальных дисбалансов // Международные процессы. Т. 16, № 1. С. 14–28 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://intertrends.ru/system/Doc/ArticlePdf/1964/voxoMmQPib.pdf> (дата обращения: 28.02.2019).

3. *Зуев А.* Саудовская Аравия и ОАЭ создадут совместную криптовалюту // Life.ru : информ. портал / Новости. 20 янв. 2019 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://life.ru/t/новости/1186863/saudovskaia_araviia_i_oae_sozdadut_sovmestnuiu_kriptovaliutu?fbclid=IwAR3iTqcnP9CnhT2y_DQciWs55G6gwGqVO4Ggp_1iojk98irz6E15HN_GPCA (дата обращения: 24.02.2019).

4. *Стиглиц Дж.* Великое разделение: неравенство в обществе, или Что делать оставшимся 99% населения? : пер. с англ. М. : Эксмо, 2016. 480 с.

5. *Скоробогатый П.* Люди недурки // Эксперт. № 1–3. 24 дек. 2018 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://expert.ru/expert/2019/01/lyudi-ne-duraki/?fbclid=IwAR2DwLeGvK3OY_vVay7rT_wcE7w0CZYf-R2ShCHOil2wIaarI-Na4pZvKvg (дата обращения: 15.01.2019).

6. *Щаб К., Дэвис Н.* Технологии четвертой промышленной революции : пер. с англ. М. : ЭКСМО, 2018. 138 с.

7. *Daalder I., Lindsay J.* The Empty Throne. American Abdication of Global Leadership. N. Y. : Public Affairs, 2018. 239 p.

8. *Chesney R., Citron D.* Deepfakes and the New Disinformation War. The Coming Age of Post-Truth Geopolitics // Foreign Affairs, January/February 2019 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2018-12-11/deep-fakes-and-new-disinformation-war> (дата обращения: 03.02.2019).

9. Коуэн Т. Среднего больше не дано. Как выйти из эпохи великой стагнации : пер. с англ. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2015. 320 с.

10. Куренной В. Сила слабых связей // Горожанин: что мы знаем о жителе большого города? М. : Strelka Press, 2017. С. 14–29.

11. Haas R. How a World Order Ends. And What Comes in Its Wake. Foreign Affairs, January/February, 2019 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2018-12-11/how-world-order-ends?cid=int-nbb&pgtype=hpg> (дата обращения: 26.02.2019).

12. Хаас Р. Мировой беспорядок : пер. с англ. М. : Изд-во АСТ, 2019. 320 с.

13. Nye Joseph S. Jr. Will the Liberal Order Survive? The History of an Idea // Foreign Affairs, January/February 2017 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2016-12-12/will-liberal-order-survive> (дата обращения: 03.02.2019).

Yevstafiev D. G.

**Global transformations in the era of post-globalization:
Political Turbulence, Military-Strength Risks
and Information Manipulations under Conditions
of Geoeconomic Uncertainty**

Abstract. *The contemporary system of the global politics and economics entered the transitional period from the predominantly American global geopolitical unipolarity to a more complex system that leads to the gradual degradation of the US dominance. These trends are determined first by global economic and socio-political transformations, but also by the domestic developments in the US. In the emerging conditions, the formation of the relatively stable and institutionalized world order looks unlikely. In fact the US are interested in preserving relatively high level of chaotization political relationships and even economic interaction. However, they are also interested in avoiding the most destructive model of the global economic crisis development.*

Keywords: *multipolarity, unipolarity of the US, global economic crisis, global chaotization, Yalta world.*

Л. Г. Ивашов

*доктор исторических наук, президент
Академии геополитических проблем (г. Москва)*

ЯЛТА 1945: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ РАКУРС (доклад)

В феврале 1945 года здесь, в Ялте, в Ливадийском дворце, состоялось историческое и весьма значимое для всей планеты, для всего человечества событие. Здесь решались вопросы послевоенного мироустройства и здесь, в этом зале, столкнулись три геополитические доктрины, три стратегии и три типа войны. Когда я говорю о трёх типах войны, я имею в виду типы войн, разные для трёх держав: США, Великобритании и СССР. На территорию США за годы войны не упало ни одной авиабомбы, война в основном велась в океанской зоне с японцами. Территорию Великобритании бомбили, обстреливали ракетами, но германских сухопутных войск на ней не было. Боевые действия велись в основном на море и в воздухе. И только Советский Союз принял на себя всё многообразие военных, самых разрушительных военных действий и вёл самые ожесточённые сражения и в воздухе, и на море, и особенно на суше, на своей территории. Говоря о геополитике, я прежде всего обращаюсь к законам и закономерностям геополитики. На слайдах вам представлены три основных закона геополитики.

1. **Закон фундаментального дуализма**, который является продуктом западной школы геополитики. Его суть основывается на идее вечного противостояния континентальной и морской цивилизаций. Русская версия не столь однозначна. Отечественные специалисты геополитики исповедовали иной принцип. Согласно им, дуализм заключается не в вечном противостоянии, а во

взаимодействии цивилизаций во имя общих интересов: народов и суши, и моря в интересах всех людей планеты.

2. **Закон контроля пространства.** Его суть заключается в следующем: нет неконтролируемых пространств, и за наиболее важные геополитические пространства ведётся наиболее ожесточённая борьба.

3. **Закон цивилизационной предрасположенности и несовместимости цивилизаций.** Он гласит: мировые этнокультурные цивилизации являются основой мирового исторического процесса, и те цивилизации, чей смысл существования, система ценностей и устремления близки, могут создавать долговременные политические союзы на духовной основе. Между цивилизациями, где смысл жизни совершенно иной и целеполагание иное, как правило, существуют вражда, войны, конфликты.

Здесь, в Ялте, сошлись три выдающиеся личности, интересы двух из которых, Ф. Рузвельта и И. Сталина, в главном совпадали. Два лидера мыслили интересами национальными, интересами народов своих стран, интересами всего человечества. У. Черчилль, третья сторона, был человеком совершенно иного склада. Во-первых, он мыслил исключительно интересами своего класса — класса банкиров, класса крупных капиталистов, класса, защищавшего колониальное господство над другими странами.

Общими интересами Ф. Рузвельта и И. Сталина были:

- строительство безопасного и справедливого миропорядка;
- образование ООН как главного инструмента поддержания международного мира и безопасности;
- деколонизация человечества и предотвращение геноцида народов;
- обеспечение надёжной безопасности своих стран и предотвращение войн;
- послевоенное устройство Европы и судьба Германии.

Все остальные вопросы отходили на второй план и были предметом уступок и компромиссов.

Ф. Рузвельт начиная с 1942 года стремился к встрече с И. Сталиным. Он понимал, чем будет Советский Союз после окончания Второй мировой войны. Сталин также делал ответные шаги навстречу, он доверял Рузвельту хоть и не до конца, но явно больше, чем Черчиллю. И по настоянию Рузвельта он сделал ряд шагов, отвечавших также советским интересам, например: роспуск Коминтерна, изменение гимна, восстановление в правах Русской православной церкви, отмена комиссаров в армии, а также изменение статуса офицерского корпуса, введение погон, возвращение традиций русской армии, образование офицерских собраний.

На следующем слайде видно, какое значение Крымской конференции придавал сам Ф. Рузвельт, цитирую: *«На Крымской конференции три ведущие державы совместными усилиями смогли найти точки соприкосновения для достижения мира. Это должно означать конец системы односторонних действий, исключительных союзов, сфер влияния, баланса сил и всех других средств, которые были опробованы на протяжении многих веков — и всегда неудачно. Мы предлагаем заменить всё это всемирной организацией, к которой наконец-то смогут присоединиться все миролюбивые государства».*

Иосиф Виссарионович Сталин также подчёркивал важность сотрудничества с «империалистическими государствами» во имя мира и, несмотря на упреки в сдаче классовых позиций, в частности от Вячеслава Михайловича Молотова, Сталин крепко стоял на своём. В исторической ретроспективе действительно становится ясно, что такой курс был действительно обусловлен совсем не беспринципностью, а твёрдым политическим курсом на укрепление мира, на укрепление безопасности СССР. Всё, что И. Сталин делал на конференции и после неё, было направлено на предотвращение новой войны против советского народа, что было обусловлено тя-

жёлыми последствиями для России двух мировых и кровопролитной Гражданской войн.

Прекрасно видно, что эта твёрдая линия двух лидеров возобладали на конференции, что отразилось в Коммюнике конференции руководителей трёх союзных держав — США, Советского Союза и Великобритании. Рузвельт и Сталин осознавали всю важность этой конференции для будущего мироустройства.

Мнение третьей стороны, Черчилля, разительно отличалось от двух других лидеров. Он открыто негативно высказывался о ней. Цитата: *«Ялтинская конференция — приятная в гастрономическом отношении, бесполезная — в военном, угнетающая — в политическом... Я стал первым министром короля не для того, чтобы председательствовать на церемонии распада Британской империи».*

В июне 1945 года его партия закономерно проиграла, так как Черчиллю элита, правящий класс и олигархат не простили «проигрыша» в Ялте, особенно того, что он позволил провести деколонизацию мира. Его отношение к колонизированным народам, которое также показано на слайде, прекрасно отражает мировоззрение правящего класса Великобритании. Цитата личного секретаря Черчилля — Джона Колвилла: *«Премьер заявил (через несколько недель после Ялтинской конференции. — Л. И.), что индусы гнилая раса, которая спасается своим безудержным размножением от полной гибели. Он бы желал, чтобы Берт Харрис (маршал ВВС) послал несколько лишних бомбардировщиков для их уничтожения».*

Именно близость позиций по вопросам послевоенного мироустройства и политической стратегии обеспечения безопасности народов вызывала у двух лидеров взаимное уважение. Кроме того, американский президент ценил в Сталине твёрдость духа и верность данному слову, чего явно не хватало Черчиллю. Вот оценка Ф. Рузвельта личности Иосифа Виссарионовича и поклонение русскому народу: *«Под ру-*

ководством маршала Иосифа Сталина русский народ показал такой пример любви к Родине, твёрдости духа и самопожертвования, какого ещё не знал мир. После войны наша страна всегда будет рада поддерживать отношения добрососедства и искренней дружбы с Россией, чей народ, спасая себя, помогает спасению всего мира от нацистской угрозы».

Также представлю вам фразу Сталина из телеграммы соболезнования вдове президента США Элеоноре Рузвельт: *«Президент Рузвельт был великим организатором борьбы свободолубивых наций против общего врага и... лидером в деле обеспечения безопасности всего мира».* С уходом из жизни 12 апреля 1945 года Ф. Д. Рузвельта мир потерял этого лидера. Тяжёлой была эта утрата и для Иосифа Виссарионовича, для советского народа.

Гарри Ллойд Гопкинс, ближайший соратник Рузвельта, в телеграмме Сталину пророчески написал: *«Россия потеряла своего самого большого друга в Америке».*

Смерть Ф. Рузвельта стала трагедией и для Америки, которую практически сразу втянули в борьбу за мировое господство его преемники во главе с Гарри Трумэном, к ним присоединился Черчилль, по сути объявивший Советскому Союзу холодную войну в Фултоне в 1946 году.

Позиция по судьбе послевоенной Германии у советской стороны была неоднозначной. С одной стороны, Сталин понимал, что не немецкий народ развязал две мировые войны и провозгласил: *«Гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ остаётся».* Он говорил это командующим, солдатам и офицерам, чтобы остановить жестокую месть за зверства нацистов. Но в марте 1945 года, встречаясь с чешской делегацией, Сталин тем не менее подчеркнул, что немцы для славян были и остаются опасным врагом. По сути дела, здесь он чётко стоял на позициях Николая Яковлевича Данилевского.

Оба — и Сталин, и Рузвельт — придавали огромное значение ООН, детищу, которое трудно рождалось здесь, в Ялте. И здесь же были заложены основные принципы Устава ООН,

и, опять же, в преамбуле и в первой статье речь шла о предотвращении, избавлении грядущих поколений от бедствий войны. Здесь, в Ялте, обсуждалось предназначение вооружённых сил как института мира. Рузвельт даже предлагал оставить четырёх «полицейских» — четыре государства: США, СССР, Великобритания и Китай, сохранявшие за собой право содержать вооружённые силы, которые бы подавляли акты агрессии и использовались бы только в интересах мира и международной безопасности.

Что получили мы в итоге в Ялте? Послевоенная структура мира впервые в истории человечества обрела классический геополитический характер: два глобальных полюса с примерно равными геополитическими потенциалами, с различными типами государств и социальными системами общества, идеологиями и экономическими моделями, разными смыслами жизни и целями развития. Историческим ядром одного полюса выступал центр континентального ареала (хартленд — по теории Х. Маккиндера) — Россия. Его отличительными особенностями по отношению к другому глобальному центру являлись: мессианско-идеалистический подход к жизнеполаганию и развитию, попытки построить справедливую социальную структуру общества на планете Земля, приоритет интеллектуально-духовного начала над материалистическим, коллективизма над индивидуализмом, стремление к обеспечению своей и международной безопасности на принципах баланса сил и коллективных систем.

Второй полюс был антиподом первого. Доминирующими принципами здесь прочитывались: рациональный прагматизм в жизнедеятельности, крайний индивидуализм, стремление к комфорту и материальному благополучию как высшему смыслу жизни, безопасность, построенная на силовом превосходстве, агрессии и экспансии. Центром этого полюса стали после 1945 года Соединённые Штаты Америки. Геополитической идеей Советского Союза и стран, входящих в социалистическую геополитическую цивилизацию, про-

читывается мессианская идея социальной справедливости в глобальном измерении. Сущность геополитической идеи англосаксов и стоящего за ними глобального финансового капитала — мировое господство.

Между двумя ведущими полюсами существовал и третий полюс — балансир, так называемый третий мир, политически оформившийся в Движение неприсоединения. Этот полюс (страны, освободившиеся от колониализма, избравшие путь народной демократии, не вступившие в военно-политические блоки) имел своим приоритетом духовно-коллективистскую ориентацию, принципы социальной справедливости, конвергируемую модель экономики (сочетание плана и рынка), национальную независимость. Он не играл решающей роли в формировании мировых процессов, но серьёзно корректировал повестку дня международных проблем, предлагаемую первым или вторым полюсом, и активно действовал в ООН.

Такая геополитическая структура мира была сбалансированной, относительно безопасной, имела перспективу развития, позволяла народам выбирать свой исторический путь. Кроме того, она стимулировала восстановление и возрождение мировых этнокультурных цивилизаций.

Правомерно сделать следующие геополитические выводы Ялтинской конференции.

- Оформился биполярный равновесный миропорядок. Во главе «полюсов» стояли различные смыслы жизни и пути развития человечества.
- СССР был признан великой мировой державой, одним из двух полюсов послевоенного миропорядка, а И. В. Сталин — политической фигурой номер один.
- И. В. Сталин и Ф. Д. Рузвельт сделали геополитическую попытку выстроить глобальный безопасный и справедливый миропорядок в интересах всех стран и народов.

- У. Черчилль представлял интересы не британского народа, а интересы крупного капитала, расизма и колониальной мировой элиты. У. Черчилль придерживался тезиса Х. Д. Маккиндера, что «мировая история есть непрерывная борьба двух начал, двух цивилизаций — океанской и континентальной».

- Вице-президент США Г. Трумэн и его политические сторонники не были вовлечены непосредственно в процесс послевоенного мироустройства и сразу после смерти Ф. Д. Рузвельта предприняли действия с целью сломать ялтинские договорённости (доктрина Трумэна).

- В окружении И. В. Сталина также было много противников сотрудничества с «американским империализмом». Но в целом результаты Ялты-1945 продолжают жить и влиять позитивно на развитие мировой ситуации, на судьбы человечества. Наметившееся мировое лидерство Китая может придать ялтинскому процессу второе дыхание.

Несколько слов о роли Ялты и Крыма в послевоенном переустройстве мира.

Жаль, что наша конференция не носит международного характера. Полагаю, в следующем году, к 75-летию, это случится, ибо Ялта — это реальная столица послевоенного миропорядка. Ливадия проявила себя как гостеприимный, я бы сказал «божественный», храм, несущий народам мира импульсы безопасности, дружбы, мира и равноправия. И Крымскую землю можно — и это будет справедливо — считать плацдармом деколонизации человечества, его освобождения от рабства, насилия и колоний.

М. В. Ильин

*доктор политических наук, ординарный профессор
департамента политической науки
факультета социальных наук
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (г. Москва)*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ РАЗМЕЖЕВАНИЙ ОТ ЗАВЕРШЕНИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ ДО НАШИХ ДНЕЙ

Аннотация. В статье используются концептуальная карта Европы Стейна Роккана, а также концепция размежеваний (cleavages) как замороженных конфликтов, которые создают структурные основания для позиционирования политических акторов, регулирования конфликтов, достижения соглашений и долгосрочного сотрудничества. Используются геополитические модели В. Л. Цымбурского («Остров Россия», «Похищение Европы» и т. п.), а также авторские модели и концепции (кольцевая структура мировой геополитики, Большое Средиземноморье, Балто-Черноморская система и т. п.). Выделяются этапы трансформации межгосударственных и цивилизационных размежеваний на протяжении семи с лишним десятилетий. Анализ динамики трансформаций геополитических размежеваний позволяет выявить устойчивые тренды развития, порой выходящие за пределы семи десятилетий и уходящие к началу прошлого века, их связь со среднесрочными тенденциями, разворачивающимися на протяжении отдельных этапов. Эти этапы охватывают время с середины 40-х годов по середину 70-х, затем до рубежа 80–90-х, с начала текущего столетия до начала нынешнего десятилетия. В рамках нынешнего кризисного момента мирового развития рассматриваются резкие колебания геополитической конъюнктуры, связь этих мелких колебаний с среднесрочными и долгосрочными геополитическими ритмами.

Помимо глобальной рамки, используются членения на Европу и Россию с последующими зонами Балто-Черноморья, Понто-Каспия и Балкан, а также комплексного пространства Большого Средиземноморья.

Ключевые слова: *концептуальная карта Европы, Стейн Роккан, размежевание, Остров Россия, Похищение Европы, Балто-Черноморье, Понто-Каспий, Большое Средиземноморье, глобализация.*

В исследовании, о котором пойдёт речь в выступлении, в качестве методологического основания используется концепция размежеваний (cleavages). Это понятие было внесено в социальные науки выдающимися учёными прошлого века — норвежцем Стейном Рокканом и американцем Сеймуром Мартином Липсетом [4]. Они использовали слово *кливаж* (англ. *cleavage*, фр. *clivage*) для концептуализации весьма далёких от первоначальных явлений и смыслов. Первоначальную идею расщепления, раздвоения они использовали для того, чтобы представить связь между мощными сдвигами западноевропейской модернизации на протяжении XV–XX веков и их конкретными результатами в политике XX веков. В частности, они показали, что четыре мощные социальные революции, попутно вызвавшие острейшее противоборство вплоть до религиозных и гражданских войн, способствовали возникновению ключевых концептуальных различий между светским — духовным (государство — церковь), центром — периферией, городом — деревней, собственниками — трудящимися, а сами эти различия после «остывания» (т. н. *freezing thesis*) конфликтов стали инструментально использоваться для институционализации политического состязания и конструирования партийных систем и процессов [3; 4; 7; 12]. В результате последствия кровавых конфликтов и непримиримой борьбы были сняты, созданы структурные основания для позиционирования политических акторов, регулирования конфликтов, достижения соглашений и долгосрочного сотрудничества.

Данный подход может с успехом использоваться для концептуализации и изучения геополитических столкновений и противоборства, постепенного выстраивания международного порядка и регулярных форм конструктивного геополитического взаимодействия. Собственно, сам Стейн Роккан создал для этого основу постепенно, исторически (и эволюционно!) углубив послынную от поколения до поколения реконструкцию современной западноевропейской конфигурации не только на пять веков, но примерно на два тысячелетия. Он создал так называемую концептуальную карту Европы (Conceptual map of Europe) [1; 2; 5; 6; 8; 9; 10], зафиксировав свою реконструкцию серединой 70-х годов. В её основе лежит исходное разделение на имперско-цивилизованную (римскую) и варварскую Европы, соединённые переходной полосой лимеса — транслятора цивилизации в варварство и варварства в цивилизацию. На месте этого лимеса возникает сначала так называемый пояс городов, а потом и структурное ядро европейской интеграции (Бенилюкс, Швеция, франко-германские пограничья, а далее их продолжение — североитальянская Падания и британский Мидлендз).

Выявленные Рокканом структуры могут быть дополнены географически укоренёнными геоморфологическими, бассейновыми и климатическими членениями. Это создаёт ещё более изощрённую основу для геополитических взаимодействий. Концептуальная карта Роккана расширяется пространственно и цивилизационно за счёт учёта (меж)цивилизационных взаимодействий между коренной (Западной) Европой и Россией (Северной Евразией). Эта работа была проделана В. Л. Цымбурским за счёт создания двойной цивилизационной системы Россия — Европа [24], выделения России как особой цивилизационной и геополитической величины «Остров Россия» [24; 26; 29], а также преимущественной локализации этих взаимодействий в промежуточном поясе Балтийско-Черноморской системы [27]. Данные

реконструкции и построения имеют меньшую историческую глубину, чем роккановская концептуальная карта, фиксируют процессы на их поверхностных, в основном военно-политических контрверзах и фактически отражают результаты рубежа последних столетий.

Многочисленны попытки расширить и эволюционно историческую глубину, и многослойные масштабы взаимодействия на разных уровнях [13; 15–17; 19–23]. В данном выступлении намечаются этапы трансформации межгосударственных и цивилизационных размежеваний на протяжении семи с лишним десятилетий.

Анализ динамики трансформаций геополитических размежеваний позволяет выявить устойчивые тренды развития, порой выходящие за пределы семи десятилетий и уходящие к началу прошлого века, их связь со среднесрочными тенденциями, разворачивающимися на протяжении отдельных этапов [14].

Что касается основного временного континуума семи с лишним десятилетий, то в его рамках выделяются три основных этапа.

Первый охватывает период с середины 40-х по середину 70-х годов. Его начальной, ещё кризисной фазой являются послевоенные годы вплоть до начала 50-х. Пик этого этапа приходится на начало 60-х годов с их крупнейшими достижениями первой версии разрядки и конфликтами типа Карибского. Новая полоса кризисных явлений нарастает с конца 60-х. Геополитическое содержание этого периода в основном характеризуется поисками баланса между ялтинскими и ооновскими рамками, гегемонией сверхдержав и неприсоединением в его различных формах.

Второй этап вырастает из череды кризисов 1967, 1968 и последующих годов и достигает символической кульминации в 1975 году в виде подписания Хельсинкских соглашений и простирается до рубежа 1980–1990-х годов. Этот период отмечен новой, более зрелой волной разрядки, вы-

движением принципов конвергенции в пику принципам гегемонии.

Третий этап растянулся от рубежа двух последних десятилетий XX столетия до начала нынешнего десятилетия. Он характеризуется сломом поворота к конвергенции и нарастанием гегемонии США вплоть до начала нынешнего десятилетия. Символической датой является 11 сентября 2001 года, когда произошла террористическая атака на здания Всемирного торгового центра и Пентагона. Далее идёт эрозия американской гегемонии. Завершается этап чередой кризисов и революций.

Нынешняя кризисная полоса мирового развития демонстрирует резкие колебания геополитической конъюнктуры. Связь этих мелких колебаний со среднесрочными и долгосрочными геополитическими ритмами весьма прихотлива. Различные ритмы накладываются друг на друга и варьируются по регионам в различных масштабах от макро до микро. Данное обстоятельство настоятельно требует учёта не только общей глобальной рамки, представленной выше, но также выделения двойной системы Европа — Россия с последующей зоной Балто-Черноморья. Для многих аспектов геополитической динамики, помимо Балто-Черноморья, важен учёт ещё двух междуморий — Понто-Каспия и Балкан.

Следует признать, что полная картина потребовала бы рассмотрения фактически тройной конструкции: Северная Америка — Европа — Россия, а также учёта иных регионов вплоть до тихоокеанского. Однако в данном исследовании заокеанские «крылья» Европы не учитываются, анализ сосредотачивается в основном в пределах Старого Света, точнее его структурной оси, связанной с комплексным пространством Большого Средиземноморья.

Использованные источники и литература

1. *Aarebrot F., Berglund S.* Statehood, secularization, cooptation: explaining democratic survival in inter-war Europe — Stein Rokkan's conceptual map revisited // *Historical Social Research / Historische Sozialforschung*. 1995. P. 210–225.
2. *Allardt E.* Reflections on Stein Rokkan's conceptual map of Europe // *Scandinavian Political Studies*. 1981. Vol. 4. №. 4. P. 257–271.
3. *Kriesi H.* The transformation of cleavage politics The 1997 Stein Rokkan lecture // *European journal of political research*. 1998. Vol. 33. №. 2. P. 165–185.
4. *Lipset S. M., Rokkan S.* (ed.). Party systems and voter alignments: Cross-national perspectives. N. Y. : Free Press, 1967. 553 p.
5. *Rokkan S.* Cities, states and nations: A dimensional model for the study of contrast in development // *Building states and nations: Method and data resources* / ed. by S. N. Eisenstadt, S. Rokkan. Beverly Hills, L. : Sage, 1973. Vol. 1. P. 73–97.
6. *Rokkan S.* Dimension of state formation and nation-building: A possible paradigm for research on variations within Europe // *The formation of nation states in Western Europe* / ed. Ch. Tilly. Princeton : Princeton university, 1975. P. 562–600.
7. *Rokkan S. et al.* Citizens, elections, parties. Approaches to the Comparative Study of the Processes of Development. Oslo : Universitetsforlaget, 1970. 470 p.
8. *Rokkan S.* State formation, nation-building, and mass politics in Europe: The theory of Stein Rokkan. Based on his collected works / ed. by P. Flora. Oxford : Oxford University, 1999. 422 p.
9. *Rokkan S.* Territorial structures in Western Europe: An overview and possible model // *Center periphery structures in Europe: An ISSC workbook in comparative analysis*. Frankfurt a.M. : Campus, 1987. 483 p.
10. *Rokkan S.* Territories, centres, and peripheries: Toward a geoethnic-geoeconomic-geopolitical model of differentiation within Western Europe // *Centre and periphery. Spatial variation in politics* / ed. by J. Gottmann. Beverly Hills, CA; L. : Sage, 1980. P. 163–204.

11. *Rokkan S.* The center-periphery polarity // Center periphery structures in Europe: an ISSC workbook in comparative analysis. Frankfurt a.M. : Campus, 1987. P. 17–50.

12. *Zuckerman A.* Political cleavage: A conceptual and theoretical analysis // British Journal of Political Science. 1975. Vol. 5. № 2. P. 231–248.

13. *Ильин М. В.* Геохронополитика Балто-Черноморья // Вестник МГИМО Университета. 2009. № 1.

14. *Ильин М. В.* Волны трансформации мирового порядка: 1970–2000-е годы // Сравнительная политология: трансформация мирового, порядка, региональных режимов и государственности / под общ. ред. О. В. Гаман-Голутвина. М. : МГИМО (У) МИД РФ. 2013. С. 17–22.

15. *Ильин М. В.* Диалог об островах и проливах, междуморьях и междумирьях // Тетради по консерватизму. 2015. № 1. С. 128–135.

16. *Ильин М. В.* Кольцевая модель глобального геополитического пространства. // Полис. Политические исследования. 2011. № 2. С. 129–133

17. *Ильин М. В., Мелешикина Е. Ю.* Балто-Черноморье: времена и пространства политики. Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010. 385, [1] с., [6] л. цв. ил. : ил., табл. ; 21 см.

18. *Ильин М. В.* Геохронополитика // Политический лексикон / под ред. А. И. Соловьёва. М. : РОССПЭН, 2007. С. 37–49.

19. *Ильин М. В.* Проблемы формирования «острова России» и контуры его внутренней геополитики // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. 1995. № 1. С. 37–45.

20. *Ильин М. В.* Этапы становления внутренней геополитики России и Украины // Полис. 1998. № 3. С. 82–94.

21. *Ильин М. В.* Формирование и контуры внутренней геополитики Европы в двойной системе Евразия — Европа // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. 1999а. № 5. С. 60–76.

22. *Ильин М. В.* Геохронополитические членения (cleavages) культурно-политического пространства Европы и Евразии: сходства и различия // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России : материалы семинара (Тверь, 5–7 марта 1999 г.) / под ред. И. М. Бусыгиной, М. В. Ильина. М. : МОНФ, 1999б.

23. Ильин М. В. Семейное дело Левиафанов. Государства в международных системах // Политическая наука. М., 2016. № 4. С. 22–42.
24. Цымбурский В. Л. Остров Россия (перспективы российской геополитики) // Полис. 1993. Т. 5. С. 6–30.
25. Цымбурский В. Л. От великого острова Руси (К прасимволу российской цивилизации) // Полис. 1997а. №. 6. С. 34–56.
26. Цымбурский В. Л. Народы между цивилизациями // Pro et contra. 1997b. № 3. 41–54.
27. Цымбурский В. Л. Как живут и умирают международные конфликтные системы (судьба балтийско-черноморской системы в XVI–XX веках // Полис. 1998. № 4. С. 52.
28. Цымбурский В. Л. «Европа — Россия»: «третья осень» системы цивилизаций // Полис. 1997. № 2. С. 56–76.
29. Цымбурский В. Л. Сердцевина Земли, или Остров на материке. // Россия. 1991. № 51. С. 5–6.

Ilyin M. V.

Transformation of Geopolitical Cleavages from the End of the Second World War to Current Times

Abstract. *The article departs from Stein Rokkan's conceptual map of Europe, as well as his idea of cleavages as frozen conflicts, which create structural framework for positioning political actors, conflict management and long-term cooperation. It also recourses to geopolitical models of V. L. Tsymbursky ("Island of Russia", "Rape of Europe", etc.), as well as author's models and concepts (ring structure of world geopolitics, the Greater Mediterranean, the Balto-Pontic system, etc.). It highlights the stages of transformation of interstate and civilizational divisions over more than seven decades. Analysis of the dynamics of transformations of geopolitical divisions allows to identify sustainable development trends, sometimes going beyond seven decades. The timespans extend to the beginning of the last century. The further analysis covers the time from the mid-40s to the mid-70s, then to the turn of the 80s and 90s, from the beginning of this century to the beginning of this decade. It identifies the current moment as a crisis in global development and relates resent fluctuations in the geopolitical conjuncture with medium-and long-term geopolit-*

ical rhythms are considered. The spatial terms of analysis include East-West and Europe-Russia divides as well as the Balto-Pontic and Ponto-Caspian intermaria along with a new concept of the Greater Mediterranean.

Keywords: *conceptual map of Europe, Stein Rokkan, cleavage, Island of Russia, Rape of Europe, Balto-Pontic intermarium, Ponto-Caspian intermarium, Greater Mediterranean, globalisation.*

Исследование проведено в рамках научного проекта № 19-011-31332 «Морфологический подход к изучению современных геополитических процессов: критическое развитие концептуальной карты Ст. Роккана, моделей В. Л. Цымбурского и концепций Балто-Черноморья и Большого Средиземноморья», получившего поддержку РФФИ и АНО ЭИСИ.

И. А. Исак

аспирант кафедры истории России
Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский
федеральный университет имени В. И. Вернадского»
(г. Симферополь)

СОСТАВ 11-Й АРМИИ МАНШТЕЙНА В СЕНТЯБРЕ 1941 ГОДА

Аннотация. В статье «Состав 11-й армии Маништейна в сентябре 1941 года» ставится задача рассмотреть более подробно состав воинских формирований, которые входили в состав 11-й армии на момент её принятия Маништейном. В статье раскрываются проблемы определения точного состава 11-й армии, так как с момента начала войны он неоднократно менялся. Учитывается фактор назначения нового главнокомандующего, который привнёс свои коррективы в состав 11-й армии. Основное внимание автор уделяет составу отдельных корпусов и их укомплектованности, а также составу моторизованных частей, так как существует мнение, что данных частей было намного больше.

Ключевые слова: Маништейн, 11-я армия, Крым, пехотная дивизия, Перекоп, армейский корпус.

В сентябре 1941 года командующим 11-й армией, которая находилась на юге Украины, вблизи Перекопа, был назначен генерал от инфантерии Эрих фон Манштейн. Назначение являлось вынужденным из-за гибели в авиационной катастрофе генерал-полковника Риттера фон Шоберта. Если бы не гибель Шоберта, возможно, Манштейн занял бы должность начальника Генерального штаба. После провального наступления под Москвой Вальтер фон Браухич был переведён в резерв, так как Гитлер считал его виновником неудачного наступления, после чего среди молодых немецких генералов появилась надежда, что на смену Браухичу придёт Манштейн.

Гитлер решил сам занять этот пост, хотя ещё некоторое время обдумывал вопрос о назначении Манштейна начальником Генерального штаба, но позже отказался от этой идеи, сделав вывод, что с Гальдером будет легче ладить, чем с Манштейном [2, с. 84].

Приняв командование 11-й армией 17 сентября 1941 года, Манштейн в первую очередь ознакомился с документами штаба, определил план и стратегию захвата Крыма и дальнейшего продвижения в направлении Ростова-на-Дону [3, с. 156].

11-я армия была укомплектована хорошо образованными и грамотными офицерами, из которых большинство придерживалось идеологии «моторизованной войны», сторонником которой был и сам Манштейн. 11-я армия создавалась перед войной в Румынии, куда из Германии были направлены офицеры из штаба военных округов Лейпциг и Мюнхен. Возможно, это объясняет наличие хорошо подготовленных немецких и румынских войск, входивших в состав армии. Наиболее значимыми офицерами были генерал-майор Отто Вёллер, который являлся начальником штаба 11-й армии, и полковник Теодор Бюссе — начальник оперативного отдела (отдел 1А) 11-й армии [1, с. 52].

В период с начала войны и на момент подхода к Крымскому полуострову состав армии очень сильно изменился.

В состав 11-й армии входили следующие формирования:

- 54-й армейский корпус, в состав которого входили 20-я артиллерийская комендатура, 73-я пехотная дивизия и моторизованная бригада СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер»; командовал корпусом генерал кавалерии Эрик Оскар Харсен;
- 49-й горный корпус находился под командованием генерала горных войск Людвиг Кюблера; в составе действовали 132-я артиллерийская комендатура, 170-я пехотная дивизия и 1-я горнострелковая дивизия (последняя действовала на другом направлении);

- 30-й армейский корпус генерала от инфантерии Ганса фон Зальмута состоял из 22-й и 46-й пехотных дивизий и 110-й артиллерийской комендатуры [6, р. 54];
- 3-я румынская дивизия, состоящая из 5, 6 и 8-й румынских кавалеристских бригад и 1, 2 и 4-й румынских горных бригад.

В прямом подчинении находились 50-я пехотная дивизия, 72-я пехотная дивизия и 4-я горная дивизия немцев [9]. Единственным моторизованным формированием в 11-й армии была бригада СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер», которая была полностью укомплектована и готова к сражениям.

В своём составе бригада имела следующие подразделения:

- батальон разведки на мотоциклах и бронетранспортёрах;
- четыре батальона пехоты на бронетранспортёрах;
- полк артиллерии, в который входило два дивизиона моторизованных 15 см орудий, а также два дивизиона штурмовых орудий и взвод танковой разведки [8, р. 202];
- противотанковые самоходки PanzerjagerI с 47 мм орудием входили в отдельный противотанковый дивизион;
- батальон панцерсапёров;
- моторизованные батальоны связи и ПВО;
- медицинский, транспортный и учебный батальоны [10].

После прорыва Перекопского перешейка Манштейн планировал использовать бригаду для наступления на Севастополь, однако в конце сентября 1941 года, поучаствовав в боях всего два дня, она была переброшена в Запорожскую область для ликвидации прорыва у села Балки.

Все вышеперечисленные артиллерийские комендатуры являлись штабом управления артиллерией, в который входили артиллерия корпусного подчинения и артиллерия

дивизий. Состав артиллерии постоянно менялся по мере изъятия её из одного соединения и передаче в другое. Артиллерийские комендатуры могли передаваться в подчинение дивизий, действовавших на направлении главного удара для их поддержки [7, р. 202].

11-й армии, кроме дивизий и артиллерийских комендатур, также подчинялось большое количество сапёрных, строительных частей, а также частей снабжения, которые по необходимости могли подчиняться отдельным корпусам или дивизиям [5, р. 48].

Прекрасно оценивая ситуацию, Манштейн начал перестраивать переданные ему соединения с целью нанесения наиболее эффективного удара по советским армиям, которые расположились на Перекопском перешейке и в самом Крыму. Манштейн прекрасно понимал, что в случае провала операции по прорыву советские войска смогут нанести удар по румынским нефтепромыслам и тем самым откроется серьёзная угроза удара по правому флангу группы немецких армий «Юг» [4, с. 223].

Использованные источники и литература

1. *Виниковский Л. И.* Борьба за Крым в 1941–1942 годах. М. : Воениздат НКО, 1943. 52 с.
2. *ЛидделХарт Б.* Битвы Третьего рейха: воспоминания высших чинов генералитета нацистской Германии / пер. с англ. С. В. Лисогорского. М. : ЗАО Центрполиграф, 2004. 367 с.
3. *Маништейн Э.* Утерянные победы / сост.: С. Переслегин, Р. Исмаилов. М. : АСТ ; СПб TerraFantastica, 1999. 156 с.
4. *Ортенберг Д.* Год 1942. М. : Изд-во полит. лит., 1988. 223 с.
5. *Axworthy M., Serbanescu H.* The Romanian Army of World War 2. OspreyMilitary, 1991. 48 p.
6. *Bidermann, G. H.* Krim—Kurland mit der 132. Infanterie-Division 1941–45. Selbstverlag, 1995. 54 p.
7. *Kurowski F.* Sturmgeschuetztor! (Assault Guns to the Front!) J. J. FedorowiczPublishing, 1999. 282 p.

8. Jentz Tomas L. Panzertruppen 1933–1942. SchifferMilitary History, 1996, 202 p.
9. NARA Rol. T315-932 46ID fr. 0312.
10. NARA Rol. T314-1340 54AK fr. 0492.

Isak I. A.

The Structure of the 11th Army of Manstein in September, 1941

Abstract. *In article “The Structure of the 11th Army of Manstein in September, 1941” the task to consider in more detail structure of military formations which were a part of the 11th army at the time of its acceptance by Manstein is set. In article problems of determination of exact structure of the 11th army as from the moment of the beginning of war it repeatedly changed reveal. The factor of appointment of the new commander-in-chief which introduced the amendments in the structure of the 11th army is considered. The author pays the main attention to structure of certain buildings and their completeness and also on structure of the motorized parts as there are opinions that these parts were one many more.*

Keywords: *Manstein, 11th Army, Crimea, Infantry Division, Perekop, Army Corps.*

Н. А. Марецкая

*ведущий эксперт отдела международного образования
управления международной деятельности
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
им В. И. Вернадского» (г. Симферополь)*

**ИМИДЖ УКРАИНЫ В ЗАРУБЕЖНЫХ
И РОССИЙСКИХ НОВЫХ МЕДИА:
КОНТЕНТ-АНАЛИЗ ЗА 2008–2018 ГОДЫ
(доклад)**

В условиях сложной внешнеполитической ситуации и усиливающейся информационной войны Запада против России вопросы информационной безопасности и формирования привлекательного имиджа выступают на первый план. Однако для государства важно не только формировать свой положительный образ, но и участвовать в формировании имиджей контрагентов.

Выборка стран основывалась на их степени влияния на политические процессы, происходящие на Украине: Россия, США, Германия и Великобритания. Так, Россия является соседом в географическом плане; более того, с Украиной её связывает общее историческое прошлое. Соединённые Штаты Америки являются одними из самых влиятельных игроков на международной политической арене после распада СССР, и по сегодняшний день они оказывают существенное влияние на восточноевропейские страны с целью разделения и создания геополитического барьера между европейскими странами и Россией. Выбор Германии обусловлен тем, что данная страна является лидером и одной из основателей Европейского союза, который оказывает в первую очередь политическое влияние на Украину. Говоря о выборе Великобритании, стоит отметить, что она имеет особые отношения с США, которые

находят своё выражение во внешнеполитических действиях, в частности в создании всё того же геополитического барьера между Украиной и Россией. Сгруппированы шесть факторов, которые оказывают влияние на процесс формирования имиджа исследуемой страны: политический, экономический, социальный, спортивный, культурный и экологический.

Сравнивая количество публикаций по годам и по странам, можно сделать вывод, что наибольший интерес к имиджу Украины проявляет Россия, далее следуют США, Великобритания и Германия.

Факторы, оказывающие влияние на имидж Украины

Говоря о качественной характеристике исследуемых материалов, можно отметить, что на протяжении всего темпорального отрезка доминируют упоминания факторов, которые негативно сказываются на имидже Украины. Рост количества упоминаний приходится на 2012 (Евро-2012), 2014 (антиконституционный переворот и последовавшее воссоединение Крыма с Россией, начало военных действий в Донбассе), 2015 (эскалация военного конфликта в Донбассе) и 2018 годы (эскалация информационной войны Запада с Россией).

Проанализировав новые медиа России, США, Великобритании и Германии, можно заключить, что за исследуемый пе-

риод большинство факторов — 67% — оказывают негативное влияние на имидж Украины, 29% — позитивное и 4% факторов упоминаются в нейтральном контексте.

Положительная сторона имиджа Украины выражается в следующей характеристике в исследуемых новых медиа: молодая демократичная, маловлиятельная и малоизвестная европейская страна, которая находится в поисках своего места в мире. Революционные преобразования: «оранжевая революция», Майдан, Евромайдан — в ряде случаев преподносятся как положительные социально-политические преобразования. Украина — это «пространство свободы, возможностей и потенциала». Это родина красивых женщин, всемирно известных спортсменов и звёзд шоу-бизнеса, таких как братья Кличко, А. Н. Шевченко, С. Н. Бубка, Я. А. Клочкова, Верка Сердючка, Руслана, Джамала.

Негативная составляющая имиджа Украины раскрывается через следующий образ: Украина — националистическое государство, «жертва», которая находится в состоянии войны с Россией. Наркотрафик, секс-туризм, нелегальные поставки оружия боевикам ИГИЛ, трансплантация на органы, отстрел собак усугубляют имидж Украины. Это государство неполных реформ, где коррупцией пронизаны все сферы политической и общественной жизни, а экономические показатели являются очень низкими. Прозападная ориентация страны обусловлена финансовой и политической поддержкой её политической элиты Соединёнными Штатами Америки, которые посредством Украины противостоят России. Украина является аграрной страной с плохой экологией. Более того, в зарубежных медиа отмечается низкий уровень культуры украинцев. «Нестабильная страна» является ключевым словосочетанием.

Можно заключить, что, поскольку Украина лояльна к глобальному либерально-демократическому проекту, положительная сторона её имиджа ретранслирует и продвигает западные смыслы, такие как демократия, права человека, толерантность и др.

М. В. Масаев

*доктор философских наук, профессор кафедры философии
и социальных наук Гуманитарно-педагогической академии
(структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский
федеральный университет имени В. И. Вернадского»
(г. Ялта)*

ЧТО МЕШАЕТ СТАНОВЛЕНИЮ И РАЗВИТИЮ СОВРЕМЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА (В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКИХ УРОКОВ ЯЛТИНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ 1945 г.)

Аннотация. *Рассматривая помехи становлению и развитию современного международного права, автор приходит к выводу, что развитию международного права в связи с созданной в 1945 году Уставом ООН парадигмой мешают силы, организовавшие в мире «управляемый хаос». Для обеспечения развития международного права в соответствии с заданной парадигмой необходимо строгое соблюдение Устава ООН и всего действующего международного права, недопущение подмены его норм противоречащими ему доктринами и наспех сформированными СМИ псевдоморальными нормами.*

Ключевые слова: *международное право, парадигма, «управляемый хаос», классический фашизм, либеральный фашизм, доктрина, мораль, фейк.*

Объект нашего исследования — становление и развитие современного международного права.

Предмет исследования — помехи становлению современного международного права как права народов на мир и взаимовыгодное международное сотрудничество.

Цель работы — выявление помех становлению и развитию современного международного права.

Для достижения этой цели представляется необходимым решить следующие задачи:

- проследить этапы становления современного международного права и определить содержание его сегодняшнего этапа;
- выявить направление развития современного международного права;
- определить помехи развитию международного права в этом направлении;
- наметить пути преодоления этих препятствий.

То, что в 60-е годы ежегодное собрание Российской ассоциации международного права избрало проблему становления и развития современного международного права в качестве основной проблемы обсуждения, само за себя говорит о том, что степень её исследованности далеко не достаточна.

Основоположником науки международного права справедливо считается голландец Гуго Гроций (1583–1645). Его трактат «О праве войны и мира», опубликованный впервые в 1625 году, и в наше время пользуется всемирной известностью [1]. Это дало английскому юристу-международнику Л. Оппенгейму основание делить науку международного права на периоды «до Гроция» и «после Гроция» [2, с. 85].

И. И. Лукашук делит историю международного права на: а) предысторию (с Древнего мира до конца Средневековья — классическое международное право); б) с конца Средневековья до создания Лиги Наций; в) переходный период к современному международному праву (до Устава ООН); г) современное международное право — начиная с Устава ООН [3, с. 30].

Украинский автор М. Ю. Черкес, отдавая дань уважения ленинскому Декрету о мире, считает, что современное международное право создавалось в период между 1917 и 1945 годами, начиная от Декрета о мире и заканчивая Уставом ООН [4, с. 21]. С последней точкой зрения нельзя не согласиться.

Мы считаем, что принятие Устава ООН не только создало современное международное право, но и задало парадигму его развития [5, с. 296–304].

Учебник международного права Б. Р. Тузмухамедова делит историю международного права на:

- международное право рабовладельческого периода (примерно IV тыс. до н. э. — V в. н. э.);
- международное право феодального периода (примерно V в. — середина XVII в.);
- международное право (середина XVII в. — начало XX в.);
- современное международное право, зародившееся в период окончания Первой мировой войны, Октябрьской революции и создания Лиги Наций и сложившееся в его нынешнем виде на основе Устава ООН [6, с. 36–37].

Б. Р. Тузмухамедов связывает формирование современного международного права не с капитализмом, а с новой исторической эпохой, эпохой перехода человечества от капитализма к коммунизму. Кому-то может показаться, что эпоха эта закончилась, но она только начинается. Первой экономикой мира стала экономика более чем полуторамиллиардного Китая. Ушли от капитализма КНДР, СРВ, ЛНДР, Куба. Пытаются уйти от капитализма Венесуэла, сильны социалистические тенденции в других латиноамериканских странах, в Народных Республиках Ангола и Мозамбик.

Свою периодизацию становления международного права дают Г. В. Игнетенко и О. И. Тиунов: Древний мир [6, с. 48–50]; от падения Римской империи до Вестфальского мира [7, с. 50–55]; от Вестфальского мира до Гаагских конференций мира [7, с. 55–61]; от Гаагских конференций мира к созданию Организации Объединённых Наций и формированию современного международного права [7, с. 61–67]. Эта периодизация представляется нам более юридической. Но

для практического применения более целесообразна периодизация М. Ю. Черкеса.

Что касается направления развития современного международного права, то его парадигму задал Устав ООН, о чём мы уже писали [5, с. 226–304; 16, с. 29–30; 17, с. 78–82].

Эта парадигма сделала общей тенденцией и направлением развития современного международного права демократизацию его норм, их широкую кодификацию и прогрессивное развитие, направленное на предотвращение войн и обеспечение мирного, взаимовыгодного сотрудничества государств.

На современном этапе своего развития международное право испытывает благотворное влияние многих факторов:

- укрепление демократических принципов законодательства государств (признание общепризнанных принципов и норм международного права частью правовой системы государства; закрепление нормы о первоначальной ценности основных прав и свобод человека и т. д.);
- расширение круга субъектов международного права, в том числе появление большого количества межправительственных организаций;
- прекращение идеологического противоборства на международной арене и, как следствие этого, прекращение холодной войны;
- гигантский прорыв в научно-техническом прогрессе, открывающий дорогу для международно-правового регулирования в новых сферах сотрудничества;
- разносторонняя международная хозяйственная кооперация и интеграция;
- осознание человечеством своего единства в решении глобальных проблем (ограничение и ликвидация вооружений, экологическая безопасность, решение вопросов энергетики и обеспечения продовольствием, исследование Мирового океана и космоса, борьба с международным терроризмом и т. п.).

Международное право продолжает развиваться под благотворным воздействием этих факторов.

Вместе с тем действуют и такие неблагоприятные явления, как глобализация международной жизни с тенденцией создания однополярного мира, угрозы терроризма, попытки ряда стран НАТО опираться на политику двойных стандартов, расширение НАТО на Восток, попытки создать зону «управляемого хаоса» на Ближнем и Среднем Востоке (Сомали, Ливия, Сирия, Ирак, Афганистан), а также на Дальнем Востоке (Корейский полуостров), стремление распространить эти зоны путём наводнения Европы эмигрантами (количество эмигрантов и стран «управляемого хаоса» достигло уже 60 миллионов человек [8, с. 10; 9, с. 9]). Примечательно, что теорию «управляемого хаоса» разработал американец Стивен Манн.

За всеми этими явлениями, за действиями, мешающими прогрессивному развитию международного права, направленному на предотвращение войн и обеспечение мирного, взаимовыгодного сотрудничества государств, стоит такое явление, которое американский исследователь Джона (Иона) Голдберг назвал «либеральным фашизмом» [10].

Если на этапе создания современного международного права «между 1917 и 1945 гг., начиная от Декрета о мире и заканчивая Уставом ООН» [4, с. 21], попыткой остановить прогрессивное развитие международного права был фашизм классический, по определению Георгия Димитрова, «открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических, наиболее империалистических элементов финансового капитала» [11, с. 64], то после военного разгрома фашизма в 1945 году фашизм либеральный вынужден действовать деликатно, прибегая к войнам лишь в крайнем случае. Например, попытка уничтожить СССР фашизмом военным путём закончилась в 1945 году сокрушительным поражением фашизма классического, попытка же уничтожить СССР без войны в 1991 году закон-

чилась мирным распадом СССР и мирной реставрацией на постсоветском пространстве капитализма. Перевод книги Джона Голдберга, где он открытым текстом назвал Хиллари Клинтон фашисткой, вышел в России, но на эту книгу никто не обратил внимания. Мы попытались сделать это в Киеве [12, с. 416–417] и Тамбове [13, с. 7]. Но и наши публикации были оставлены учёными и политологами без внимания. Не обратили внимания на эту разновидность фашизма и после фашистского переворота на Украине в феврале 2014 года. Израильский политолог Авигдор Эскин призывает Россию, Израиль, всё мировое сообщество применить против украинского фашистского государства те же меры, что в своё время были применены против фашистской Германии. Но его никто не слушает [14, с. 7; 15, с. 3].

Современный фашизм не сразу вылился в государственный переворот в Киеве в феврале 2014 года, в сожжение заживо одесситов 2 мая 2014 года, в акты геноцида против населения Крыма, а также в войну в Донбассе. В феврале 2014 года была уже вторая «оранжевая революция», а до неё была непрекращающаяся борьба Киева против Республики Крым. Ещё в 1995 году мы обращали внимание парламента Крыма на возможность воспользоваться полномочиями, предоставленными международным правом [18, с. 1], напоминали, какие законы нарушила Украина, выйдя из СССР [19, с. 1].

Но для крымской элиты, в том числе и пророссийской, это было гласом вопиющего в пустыне. Она ждала действий России. И дождалась только в 2014 году, после фашистского переворота в Киеве и возникновения реальной угрозы геноцида русского населения Крыма, а поскольку русское население составляет в Крыму подавляющее большинство, то геноцид этот мог коснуться всего населения Крыма. Правовой нигилизм наших интеллектуальных элит заставил даже обратиться к проблеме дефицита правопонимания в русской философии, дефицита, от которого мы страдаем до наших дней [20, с. 310–314]. В результате общественное мнение на

многих, если не на всех уровнях оказалось информационно и юридически не готово к такому акту исторической справедливости, как присоединение Крыма к России. При этом многочисленные публикации, в том числе и наши [21–30], оказываются в этом плане малоэффективными. Либеральный фашизм и развязанный им по всему миру «управляемый хаос» — враг серьёзный. Поражение на президентских выборах в США Хиллари Клинтон (либеральной фашистки, по определению Джоны Голдберга) мы рассматривали как поражение либерального фашизма [31, с. 7]. Но пришедший к власти в США Дональд Трамп столкнулся с таким бешеным сопротивлением либерально-фашистской элиты, что буквально ничего не может сделать из того, что обещал и что наметил. Продолжает оставаться у власти украинский фашизм. Геноцид против населения ДНР и ЛНР не прекращается. Продолжается лишение населения российских Республики Крым и Севастополя водоснабжения и электроэнергии, а это тоже геноцид. И никто не направляет никаких жалоб ни в ООН, ни в ОБСЕ, ни в Международный суд. А вот Украина 19 апреля 2017 года направила иски в Международный суд ООН против России за «поддержку терроризма и расовую дискриминацию». Иски против России были отклонены. Но против Украины никто никуда никаких исков не направлял.

Доктор юридических наук из Воронежа П. Н. Бирюков с сожалением констатирует, что «Россия в области МП (международного права. — М. М.) слишком «законопослушна». Наше государство стремится не нарушать нормы МП, следовать устоявшейся практике. В то же время США и страны Запада полностью «развязали себе руки». Они чувствуют себя свободными от международных обязательств, если те противоречат их интересам. Они создают новые международно-правовые доктрины (например, концепция гуманитарной интервенции), чтобы оправдать военное вторжение на территорию иных государств (Югославия). И смело заменяют их новыми (ответственность за защиту), когда те перестают их

устраивать (Ливия). Они не признают легитимными выборы в Сирии на том основании, что «там идёт гражданская война», но признают выборы на Украине, несмотря на то что «там идёт гражданская война». К сожалению, остальной мир следует этой логике.

В таких условиях Россия, отстаивая классическое МП, фактически обрекает себя на проигрыш. Мы всегда «ходим чёрными». В этом главная проблема отечественной внешней политики.

Необходимо коренным образом пересмотреть своё отношение к таким, с позволения сказать, нетрадиционным способам изменения действующего МН.

Необходимо активнее использовать имеющиеся международно-правовые механизмы. Если США и ЕС применяют секторальные санкции в отношении России, нужно использовать возможности по рассмотрению споров в рамках ВТО.

Таким образом, задача нашей дипломатии заключается в активном формулировании норм МП, отвечающих интересам России и её граждан и юридических лиц» [32, с. 14]. Следует добавить сюда и интересы государств — союзников России.

Россия не торопится создавать новые нормы международного права, даже в развитие действующих норм, обеспечивающих мирные и взаимовыгодные отношения между государствами. Строго-то говоря, это требует очень больших усилий. Либеральный фашизм, создающий по всему миру «управляемый хаос», стремится создать новые, помогающие функционированию этого хаоса нормы. Нормы создать трудно — создаются международно-правовые доктрины. А доктрина, в соответствии со статьёй 38 Статута Международного суда ООН, может быть вспомогательным источником международного права для создания новых норм.

Параллельно создаются нормы моральные. Их не надо проводить ни через Генеральную Ассамблею ООН, ни через международные договоры с многочисленными ратификаци-

ями и вступлением в законную силу — эти нормы создаёт общественное мнение, а его формируют продажные СМИ. Так складывается антигуманная, аморальная по своей сути мораль, а у морали по отношению к праву есть старшинство (по возрасту). Мораль древнее права.

Незаконно, преступно убивать одесситов, крымчан, жителей Донбасса. Харькова, Херсона, Николаева, Запорожья, Днепропетровска, жителя Киева, писателя Олеса Бузину. Незаконно, но... «морально». Незаконно убивать сирийцев, иракцев, афганцев. Незаконно, но... «морально».

На антиобщественную функцию некоторых норм морали обращали внимание Гуго Гроций [1, с. 62, 72], Ф. Энгельс [33, с. 177], тамбовский философ Н. М. Аверин [34, 35]. Писали об этом и мы [36, с. 7]. Пользуясь лёгкостью создания моральных норм (с помощью продажных СМИ), режиссёры «управляемого хаоса» фабрикуют эти нормы для замены норм действующего международного права. Применяется также метод подмены неугодных норм выгодной международно-правовой доктриной, хотя она сама по себе нормой международного права быть не может, она может быть только вспомогательным источником международного права для создания новых норм, не больше. Но кто из политиков это знает и кого это волнует?

И последнее. Всё чаще и чаще в качестве юридических фактов фигурируют совсем не факты, а фейки. Не на основе международного права, а на основе фейков были уничтожены государства в Ираке и Ливии и их лидеры. На основе фейка был нанесён удар американскими томагавками по Сирии в начале апреля 2017 года.

Но вся эта гамма псевдоюридических норм и псевдоюридических фактов не просто тормозит развитие международного права — она тормозит развитие всего человеческого общества. На пятнадцать государств и пять государственных образований разбит «великий и могучий» Советский Союз, при этом Россия оказалась разделена на почти 100 го-

сударств — членов Федерации. На шесть государств и одно государственное образование разбита Югославия, при этом одно из государств, Босния и Герцеговина, оказалось разделено в свою очередь на три государственных образования. На два государства поделили Чехословакию. На годы была залита кровью территория и бывшей Югославии, при этом Сербия подверглась «законным» и «вполне моральным» бомбардировкам НАТО. Подверглась натовским бомбардировкам и Ливия. До сих пор залиты кровью Сомали, Ливия, Ирак, Сирия и Афганистан. Затеянная Западом «революция» в Египте отступила, а в Турции переворот не удался. Но удался переворот на Украине, удалось также залить Украину кровью. По миру рассеяно 60 миллионов мигрантов из поражённых «управляемым хаосом» стран [8, с. 10; 9, с. 9]. И это очевидные и бесспорные факты, которых, к сожалению, многие и многие жертвы бессовестных информационных манипуляций не замечают. *Jazemnos fossosas vitimas dum credo enao sees got ao sangueda monada* — «Лежат в могилах доверчивые жертвы, и не перестаёт литься кровь стада», — писал португальский поэт и композитор Жозе Афонсу о фашистской Португалии. В результате «революции гвоздик» 25 апреля 1974 года перестала быть фашистской Португалия. Но в настоящее время жертвой уже не классического, а либерального фашизма становится весь мир. Не только 60 миллионов вынужденных мигрантов, но и население принявших их стран. Не только жители Германии, Франции, Англии, но и жители ни в чём не повинной Швеции, а также России гибнут в непрекращающихся терактах.

Конечно, одних юридических мер в борьбе с этой бедой недостаточно. Но действующее международное право может и должно помочь в этой борьбе. Надо только не допустить его эрозии и обеспечить развитие международного права в парадигме, заданной «в период между 1917 и 1945 гг., начиная от Декрета о мире и заканчивая Уставом ООН» [4, с. 21].

Таким образом, можно сделать следующие **выводы**:

1. Сложившееся в период между 1917 и 1945 годами международное право не хотят признавать и мешают его развитию (в связи с заданной в 1945 г. Уставом ООН парадигмой) те силы, которые организовали в мире «управляемый хаос» (американский исследователь Джона Голдберг назвал их либеральным фашизмом).

2. Для обеспечения развития международного права в соответствии с заданной в 1945 году Уставом ООН парадигмой необходимо: а) строгое соблюдение Устава ООН и всего действующего международного права; б) недопущение подмены норм действующего международного права противоречащими парадигме его развития доктринами и сфабрикованными продажными СМИ «моральными нормами».

3. Ликвидировать угрозу всех перечисленных нами отрицательных факторов можно было бы, вернув мир в парадигму развития, созданную Октябрьской революцией и победой советского народа в Великой Отечественной войне. Но это уже не вопрос науки международного права.

Использованные источники и литература

1. *Гроций Г.* О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права / пер. с лат. А. Л. Саккетти. М. : Госюриздат, 1957. 867 с.

2. *Оппенгейм Л.* Международное право. М. : Госиздат иностран. лит., 1948. Т. 1, полутом 1: Мир. 407 с.

3. *Лукашук И. И.* Международное право. Общая часть : учеб. М. : БЕК, 1997. 371 с.

4. *Черкес М. Ю.* Міжнародне право : підруч. 3-тє вид., випр. і доп. Київ : Т-во «Знання», КОО, 2003. 292 с.

5. *Масаев М. В.* Место и роль ООН в парадигмальном об-разе грядущей эпохи // Международное право. 2001. № 4 (13). С. 296–304.

6. Международное право : учеб. / отв. ред. Б. Р. Тузмухамедов. 4-е изд., перераб. М. : Норма ; ИНФРА-М, 2015. 576 с.

7. Международное право : учеб. / отв. ред.: Г. В. Игнатенко, О. И. Тиунов. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Норма ; ИНФРА-М, 2016. 752 с.

8. *Петросян А. Д.* Международная миграция и «цветные революции» // Евразийский юридический журнал. 2017. № 2 (105). С. 10–14.

9. *Фархутдинов И. З.* Миграционный разлом Европы // Евразийский юридический журнал. 2017. № 2 (105). С. 8–9.

10. *Голдберг Дж.* Либеральный фашизм : пер. с англ. М. : Рид Групп, 2012. 512 с.

11. *Димитров Г. М.* Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма. Доклад на VII Всемирном конгрессе Коммунистического Интернационала 2 августа 1935 года // Димитров Г. Избранные произведения : в 3 т. : пер. с болг. Т. 2: Май 1934 — август 1944 гг. М. : Политиздат, 1983. 448 с. С. 63–137.

12. *Масаев М. В.* Призраки символов выброшенного на свалку истории фашизма маячат на горизонте в новых образах. Фашистское полицейское государство Вашингтона: либеральный фашизм глазами американского автора. Рецензия на монографию: Голдберг Дж. Либеральный фашизм : пер. с англ. М. : Рид Групп, 2012. 512 с. (Серия «Политическое животное») // Гилея : научный вестник : сб. науч. работ / гл. ред. В. Н. Вашкевич. Киев : ВИР УАН, 2013. Вып. 74 (№ 7). 430 с. С. 416–417.

13. *Масаев М. В.* Фашистское полицейское государство Вашингтона // Наш голос. 2012. 15 нояб. (№ 46). С. 7.

14. *Масаев М. В.* В Израиле намекают на необходимость лишить Украину суверенитета // Наш голос. 2015. 24 сент. (№ 39). С. 7.

15. *Масаев М. В.* Почему думать об угрозе украинского фашизма надо не только в Израиле // Наш голос. 2015. 8 окт. (№ 41). С. 3.

16. *Масаев М. В.* 70-летие Устава ООН и перспективы развития науки международного права // Апробация : ежемес. науч.-практ. журн. 2015. № 7 (34). С. 29–30.

17. *Масаев М. В.* Международное право в условиях глобализации // Апробация : ежемес. науч.-практ. журн. 2015. № 7

(34). С. 78–82 (XV Международная научно-практическая конференция «Право и проблемы функционирования современного государства», г. Махачкала, 19 июля 2015 г.).

18. Масаев М. Когда парламент Крыма воспользуется полномочиями, представленными ему самим международным правом? // Голос избирателя. 1995. 1 марта (№ 6). С. 1.

19. Масаев М. Какие законы нарушила Украина, выйдя из СССР // Свободный Крым. 1995. 15 апр. (№ 10). С. 1.

20. Масаев М. В. Проблема дефицита правопонимания в русской философии (философско-исторический анализ) // Гілея : наук. вісник : зб. наук. пр. / гол. ред. В. М. Вашкевич. Київ : ПП «Видавництво «Гілея», 2014. Вип. 89 (№ 10). С. 310–314.

21. Масаев М. Демократия в лице США, Великобритании и Франции в Совете Безопасности ООН разрешила нарушать международное право // Наш голос. 2014. 19 июня (№ 25). С. 3.

22. Масаев М. События на Украине и пробуждение сознания польской общественности // Наш голос. 2014. 19 июня (№ 25). С. 7.

23. Масаев М. К вопросу постижения фактов «мирного» возрождения фашизма через 70 лет после его военного разгрома // Наш голос. 2014. 25 дек. (№ 52). С. 2–3.

24. Масаев М. Преступление без наказания // Наш голос. 2015. 5 марта (№ 10). С. 3.

25. Масаев М. Воссоединение Крыма с Россией — юридические аспекты // Наш голос. 2015. 21 мая (№ 21). С. 3.

26. Масаев М. Французские парламентарии признали воссоединение Крыма с Россией // Наш голос. 2015. 13 авг. (№ 33). С. 7.

27. Масаев М. В. Эстимационно-философский анализ юридических аспектов эпохальных событий крымской истории — присоединения Крыма к России в конце XVIII столетия и воссоединения Крыма с Россией в 2014 году // Крым в международных отношениях : сб. науч. ст. по материалам круглого стола от 28 апреля 2016 г. / под общ. ред. проф. А. В. Крапивина ; отв. ред. доцент Д. В. Горобец. Ялта, изд. ГПА (филиал КФУ им. В. И. Вернадского в г. Ялта), 2016. С. 10–16.

28. Масаев М. Воссоединение Крыма с Россией — удар по агрессивным планам США // Наш голос. 2016. 19 мая (№ 20). С. 8.

29. Масаев М. В. Юридические аспекты присоединения Крыма к России в конце XVIII столетия и воссоединение Крыма с Россией в 2014 году // Ялта 45: уроки истории. Крым в истории международных отношений в XIX–XXI вв. : материалы науч. конф. (Крым, Ялта, Ливадийский дворцово-парковый музей-заповедник, 25–26 февраля 2016 г.) : сб. науч. ст. Ялта, 2016. С. 99–109.

30. Масаев М. В. Эстимационно-философский анализ юридических аспектов эпохальных событий крымской истории — присоединения Крыма к России в конце XVIII столетия и воссоединения Крыма с Россией в 2014 году // I Ялтинские научные чтения. Крым в контексте истории России : материалы регион. науч.-практ. конф. (Ялта, 27–29 апреля 2016 г.) [Электронный ресурс] / Минобрнауки РФ, ГПА (ф) КФУ им. В. И. Вернадского ; редкол.: А. В. Глузман, Э. Ш. Бекирова, Л. П. Нелина (отв. ред.) и др. Ялта, 2017. 145 с. С. 120–125 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gpa.cfuv.ru/attachements/article/2890/I-YNc.pdf>

31. Масаев М. Президентские выборы в США: поражение либерального фашизма // Наш голос. 2016. 24 нояб. (№ 47). С. 7.

32. Бирюков П. Н. Современное международное право: взгляд из России // Евразийский юридический журнал. 2017. № 1 (104). С. 10–14.

33. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства в связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана // Карл Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Изд. 2-е. Т. 21. М. : Политиздат, 1961. 746 с. С. 23–178.

34. Аверин Н. М. Природа общечеловеческого в морали // Философские науки. 1973. № 2. С. 33–40.

35. Аверин Н. М. Мораль нельзя сводить только к оценочной функции // Философские традиции и современность. 2016. № 1 (9). С. 23–30.

36. Масаев М. Как «европейские ценности» угрожают миру и безопасности и самой жизни человеческой цивилизации // Наш голос. 2016. № 43 (994). С. 7.

Masaev M. V.

**What does Impede Formation and Development
of the Contemporary International Law
(in the Context of Historical Lessons
of Yalta Conference 1945)**

Abstract: *Considering the hindrances information and development of the contemporary international law the author comes to the conclusion that the forces which impede the development of the contemporary international law are the forces organizing in the world the “controlling chaos” for the guaranteeing the development of the international law in conformity to the given paradigm is necessary to keep strictly the UNO Charter and the whole international law currently in force, not permit the substitution of the norms of the contemporary international law currently in force for the contradictories doctrines and in a hurry formed by mass media pseudo moral norms.*

Keywords: *international law, paradigm, “controlled chaos”, classic fascism, liberal fascism, doctrine, moral, fake.*

О. А. Мирошников

*доктор философских наук, профессор,
Гуманитарно-педагогическая академия (филиал)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского» в г. Ялте
(г. Ялта)*

«БУЛАТ», «ЗЛАТО» И ДИПЛОМАТИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые последствия Ялтинской конференции. Отмечается, что судьба трёх стран-победительниц — Британской империи, Союза Советских Социалистических Республик и Соединённых Штатов Америки — была предопределена решениями Ялтинской конференции относительно побеждённых (равно как и освобождённых) стран. Решения конференции были своего рода вызовом, на который последовал ответ, одинаковый для всех трёх стран: вначале — распад Британской империи, затем, в конце XIX века, — распад СССР, наконец (это ещё впереди), распад США.

Ключевые слова: Ялтинская конференция, вызов, ответ, Британская империя, СССР, США, доктрина, распад.

Советский Союз, Соединённые Штаты и Англия совместными усилиями одержали победу над державами «оси» Берлин — Рим — Токио. Однако вклад каждой из стран-победительниц был различен. Это различие определяется не только военными успехами или неудачами, людскими и материальными жертвами, но и функциями, выполняемыми каждым из союзников. Главной ударной силой антигитлеровской коалиции был Советский Союз, его армия. Экономически победу обеспечивали Соединённые Штаты. Дипломатическую функцию выполняла Англия. Это определило название нашей работы.

Когда в победном исходе уже не оставалось сомнения, страны-победительницы определили контуры будущего мира и своё место в нём. В документах Ялтинской конференции об этом было сказано так: «Три правительства будут совместно помогать народам в любом освобождённом европейском государстве или в бывшем государстве — сателлите «оси» в Европе, где, по их мнению, обстоятельства этого потребуют: а) создавать условия внутреннего мира; в) проводить неотложные мероприятия по оказанию помощи нуждающимся народам; с) создавать временные правительственные власти, широко представляющие все демократические элементы населения и обязанные возможно скорее установить правительства, отвечающие воле народа...» [1, с. 23].

Тем самым все три государства-победителя подписали документ, объективно представляющий вызов для каждого из них. Ведь каждое из государств-победителей имело сложную структуру и было окружено сонмом стран-сателлитов. Подтверждая независимость последних, все три державы, не осознавая этого, предопределили и свою судьбу.

Глава британского правительства У. Черчилль первым почувствовал это. Он и ранее демонстрировал способность лучшего предвидения будущего, чем два других участника Большой тройки. Достаточно вспомнить его шаги по втягиванию Соединённых Штатов во Вторую мировую войну на стороне Британии.

Президент США Ф. Рузвельт был противником нацизма и предвидел неизбежность участия Америки в борьбе против него. Однако открытое вмешательство в борьбу своей страны он стремился по возможности отсрочить.

Но вот Черчилль в декабре 1940 года предлагает Рузвельту использовать корабли американского торгового флота для военных поставок Англии, а корабли американского военного флота — для охраны этих последних. Предвидя опасения американцев, британский премьер спешит успокоить своего корреспондента: «Он, Черчилль, не верит в то,

что Гитлер использует такое положение Америки для объявления войны и повторит ошибку кайзеровской Германии» [3, с. 76].

Однако Черчилль видит социалистическую систему как уже свершившийся факт. И её возникновение, полагает он, является страшным бедствием. Голод и разруха, доставшиеся в наследство от войны, — это, по мнению Черчилля, второстепенное. Главную угрозу он видит в том, что от Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике на континент опустился железный занавес.

На деле это был призыв к вмешательству во внутренние дела государств Восточной Европы. Практическим его воплощением были гонка вооружений, сколачивание военных блоков, создание сети военных баз вокруг границ Советского Союза.

Черчилль нашёл себе благодарных слушателей по ту сторону Атлантики. Однако то обстоятельство, что открыто враждебная в отношении Советского Союза политика нашла поддержку в Штатах буквально сразу же после войны, требует объяснения.

Что в самом деле произошло? Г. Трумэн, сменивший Ф. Рузвельта на посту президента, был ведь демократом, как и его предшественник. Можно объяснить радикальное изменение политической позиции страны (например, сменой партии, находящейся у власти, другой, соперничающей с ней партией), но чем объяснить столь радикальное изменение политики правящей партии?

Вот как объясняли это советские историки: «Казалось, трумэновская администрация вставала на путь социального реформаторства в духе «нового курса»... Но уже в конце 1945 года эта тенденция застопорилась. Тому было много причин. Важнейшие из них — укрепление монополий, начало холодной войны, усиление позиций реакционных республиканцев и консервативных демократов за счёт либералов...» [1, с. 24].

Это был также результат веры во всемогущество «злата», в то, что оно и только оно может обеспечить превосходство на международной арене — в том числе и военное. А это, как выяснилось, не совсем так.

В основе начавшегося после войны противостояния Америки Советскому Союзу лежали две доктрины (проявившиеся в многочисленных доктринах частного характера, каждая из которых была привязана к правлению того или иного президента). Это — доктрина сдерживания и доктрина отбрасывания. В самом общем виде первую из этих доктрин можно связать с политикой демократов, вторую — с политикой республиканцев.

Доктрина сдерживания родилась в правление демократа Трумэна, и, пожалуй, ни один из последующих президентов не применял эту доктрину в столь грубой форме, как Трумэн. Именно на основе доктрины сдерживания возникают и доктрина Трумэна, и план Маршалла.

Доктрина Трумэна явилась первым официальным развёрнутым изложением стратегии сдерживания коммунизма, политики объединения сил всех капиталистических государств под эгидой Штатов для борьбы против складывающейся мировой системы социализма [2, с. 263].

Открыто воинствующий и гегемонистский характер позиции Трумэна, вызывавший недовольство даже у близких к Вашингтону правительств, был несколько закамуфлирован планом Маршалла, представленном летом 1947 года в качестве чисто экономического и бескорыстного акта американской помощи. Фактически же этот план призван был способствовать осуществлению главных задач политики силы и сдерживания — изоляции России и вытеснения её из Европы, стабилизации и сплочению капиталистических государств, вовлечению их в военный союз под эгидой Штатов.

Под прикрытием разговоров о необходимости сдерживания коммунизма США повели наступление на позиции своих западноевропейских союзников, стремясь вытеснить их в тех

регионах мира, где в результате антиколониальных революций создавались, по американской терминологии, «вакуумы силы». Это прежде всего наследие «старых» колониальных держав, в том числе Британской империи. Здесь продолжался спор «злата» и «булата».

Пришедшую к власти в 1953 году республиканскую администрацию Д. Эйзенхауэра не устраивала политика сдерживания коммунизма, которая, по словам Даллеса, не оправдала себя. Тогда же, в 1953-м, Даллес выдвинул доктрину освобождения. Она явилась выражением более решительного курса республиканцев на борьбу с Россией и её союзниками. «Это была линия на организацию экспорта контрреволюции...» [2, с. 264].

Одна из главных задач внешнеполитического курса Эйзенхауэра — Даллеса состояла в том, чтобы связать как можно большее число освободившихся от колониального ига государств Ближнего Востока и Азии военными обязательствами с Соединёнными Штатами, завершить окружение социалистических стран кольцом военных блоков и баз.

Штаты выступали с резкой критикой движения неприсоединения. Кульминацией этой критики стало заявление Даллеса об «аморальности нейтралитета». Всё это было тесно связано с политикой балансирования на грани войны. «Если... вы не сможете проводить такой политики, то вы пропали» [2, с. 265], — утверждал Даллес.

Основными пунктами доктрины Эйзенхауэра — Даллеса были стандартные обвинения Союза в стремлении добиться господства в регионе Ближнего Востока.

С приходом к власти правительства Дж. Кеннеди эта тяжеловесная доктрина была заменена стратегией гибкого реагирования (программа «Союз ради прогресса», создание «Корпуса мира»).

Позже появляется доктрина Джонсона. Её основные элементы заключались в подтверждении решимости Соединённых Штатов выполнять свои обязательства в Азии

в качестве тихоокеанской державы. Согласно доктрине, США брали на себя обязательство добиться умиротворения, порядка и процветания Азии. На деле же в рамках этой доктрины Штаты развязали широкомасштабную агрессию в Индокитае.

После поражения во Вьетнаме возникает доктрина Никсона (1969 г.), суть которой в том, что США будут участвовать в обороне и развитии своих союзников и друзей, но они не смогут и не будут разрабатывать все планы, программы, выполнять все решения и брать на себя во всём объёме заботу об обороне стран. Доктрина обосновывала право Штатов определять формы и сферы своего вмешательства в региональные события исходя из собственной оценки реальной необходимости обстоятельств и времени такого вмешательства и своих национальных интересов.

В доктрине нашёл отражение прагматизм администрации Никсона. Он проявился в попытке учесть военно-стратегический паритет с Союзом. Американскому руководству пришлось признать, что в ядерный век не существует иной основы для поддержания отношений между Штатами и Союзом, кроме мирного сосуществования, что, несмотря на коренные различия в социальном характере двух систем и их идеологий, между ними существует довольно широкая сфера совпадения интересов.

После Р. Никсона правые силы обеих партий США сконцентрировали усилия на критике политики разрядки.

В конце 1975 года появляется доктрина Г. Форда, где, наряду со стратегической опорой на Японию, указывается на необходимость нормализации отношений с Китаем. Эта доктрина подчёркивала необходимость закрепиться Штатам на новых рубежах «для последующего перехода в наступление» [2, с. 269].

Во время администрации Картера на передний план выходит концепция трёхсторонности. «Трёхсторонность», не названная доктриной, но, по существу, ею являющаяся, озна-

чала «попытку создать лигу высокоразвитых капиталистических стран — Западной Европы и Японии — под эгидой США для противостояния мировому социализму...» [2, с. 270].

На рубеже 1970–1980-х годов определённая шовинистически настроенная часть американского правящего класса восприняла внешнеполитические провалы как вызов Штатам. «Ультрапатриотическая» агитация правых сил получила мощную поддержку со стороны военно-промышленного комплекса, заинтересованного в новом раунде гонки вооружений.

Появляется доктрина неоглобализма. Основу её следует усматривать в попытке решать глобальные проблемы внешней политики США на региональном уровне, в стремлении изменить в пользу Штатов соотношение военных сил в различных частях земного шара. Этот подход связан с попыткой выйти из положения военно-стратегического паритета, обойти его на региональных направлениях американской внешней политики. «Доктрина вновь поставила во главу угла концепцию национальной безопасности в её неограниченно расширенном толковании» [2, с. 270].

Но если президент США Р. Рейган начинал с регионального уровня (агрессия против Гренады, затем против Ливии), то это можно характеризовать лишь как разведку боем. Главной целью для него было сокрушить «империю зла» (так, в духе «Звёздных войн», именовал он Советский Союз). И здесь он чувствовал себя скорее преемником У. Черчилля, чем Г. Трумэна или Д. Эйзенхауэра с А. Даллесом.

Это был апогей политики холодной войны. Последнюю же правильнее считать не политикой, а именно войной, новизной войны как продолжения политики. Странное, затянувшееся на десятилетия, переходное состояние, когда политики уже нет, а «горячей» войны ещё нет. Холодная война может быть охарактеризована именно как балансирование на грани войны. И странным выглядит тот вывод, который М. Горбачёв сделал из этого балансирования в своей

книге о перестройке. Он утверждал, что постольку в течение истекших десятилетий это балансирование не завершилось «горячей» войной, то и формула Клаузевица о войне как продолжении политики безнадежно устарела. Вывод по меньшей мере странный.

Однако советский лидер 1980-х годов не только писал подобные вещи, но и действовал вполне в духе им написанного. Это было причиной (вернее, одной из целого ряда причин) того, что произошло с нашей страной и с Соединёнными Штатами тогда, в 1980-е и 1990-е годы.

Агрессивные, как, пожалуй, никогда ранее, Штаты не встретили в тот период достойного отпора. «Булат» утратил свою остроту, в то время как «злато» получило полную свободу рук. Распад социалистической системы продолжился распадом Союза. То, что спасло тогда нашу страну от полного краха, следует усматривать скорее в наследии Российской империи, чем в наследии Советского Союза. Устояло и смогло воспрянуть вновь именно то, в чём ещё Бисмарк усматривал основу российской мощи, — десятки миллионов славян, которых невозможно разъединить никакими международными договорами.

Итак, организация послевоенного устройства мира явилась тем вызовом, на который ни одна из стран-победительниц не могла найти достойного ответа. Соединённым Штатам в ближайшие два-три десятилетия предстоит пережить распад, подобный тем распадам, которые уже пережили Британская империя и Советский Союз.

Сейчас трудно представить этот процесс распада всё ещё могучей державы. Одно можно утверждать с достаточной долей уверенности: процесс распада будет страшен, гораздо страшнее, чем распад Британской империи и Советского Союза. И вполне может статься, что в будущем человечество окажется в худшей ситуации, чем сейчас: ведь ему придётся иметь дело уже не с Соединёнными, а с Разъединёнными Штатами Америки.

Использованные источники и литература

1. История США : в 4 т. Т. 4. М. : Наука, 1988.
2. Современные Соединённые Штаты Америки. М. : Политиздат, 1988. 542 с.
3. *Туннельский К.* История Второй мировой войны. М. : Аст ; СПб. : Полигон, 1999. 796 с.

Miroshnikov O. A.

“Bulat”, “Gold” and Diplomacy

Abstract. *The consequences of Yalta conference decisions are studied in the article. It is considered, that the destiny of three winners countries — the British Empire, the Union of Soviet Socialist Republics and the United States of America was determined by the Yalta Conference decisions towards defeated and liberated countries.*

The Yalta conference decisions were like a challenge and there was the same reaction for all three countries. First of all there was disintegration of the British empire, then, at the end of XIX century here was disintegration of the Union of Soviet Socialist Republics and finally (in the future) disintegration of the United States of America.

Keywords: *Yalta Conference, challenge, reaction, the British empire, the Soviet Union, the USA, disintegration, doctrine.*

Д. В. Омельчук

*кандидат исторических наук, доцент кафедры
политических наук и международных отношений
философского факультета*

*Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет им. В. И. Вернадского» (г. Симферополь)*

«ЕСЛИ БЫ ЛЬВЫ ЗАГОВОРИЛИ...»: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ АЛУПКИНСКОГО ДВОРЦА-МУЗЕЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

***Аннотация.** В статье рассматривается деятельность С. Г. Щеколдина в должности руководителя Алупкинского дворца-музея в период нацистской оккупации Крыма. Приводится сравнение информации, изложенной в воспоминаниях самого С. Г. Щеколдина и в архивных документов, проливающих свет на реальное положение дел в музее.*

***Ключевые слова:** оккупация, музей, коллаборационизм, конфабуляция.*

В последние годы явно активизировался интерес к событиям Великой Отечественной войны. С одной стороны, это проявление народной инициативы (например, движение «Бессмертный полк», активизация поисковых отрядов), с другой — государственная политика, нацеленная на повышение уровня патриотического воспитания населения, прежде всего молодого поколения. В книгах, фильмах, телепередачах больше внимания стали уделять человеку на войне: его мыслям, переживаниям, поступкам, социальным связям в то непростое время. Всплыли многие новые имена, о которых ранее как-то не принято было говорить, поскольку они не вписывались в традиционные контрастные советские рамки «чёрное или белое». В этой положительной во всех от-

ношениях тенденции нет-нет да и засвечиваются далеко не бесспорные личности, из которых сознательно или по недомыслию некоторые авторы пытаются лепить образы новых героев. Это тот случай, когда поиски правды уводят в сторону от поставленной задачи.

Так определённая группа лиц пытается создать образ героя из фигуры Степана Щеколдина. В годы нацистской оккупации он руководил Алупкинским дворцом-музеем. После освобождения Крыма был осуждён к десяти годам лагерей за сотрудничество с фашистами. Долго и безуспешно пытался добиться реабилитации. Сумел это сделать только после распада СССР. Все эти годы он стремился убедить общественное мнение в том, что является спасителем дворца и его сокровищ. В преклонном возрасте, ещё до официальной реабилитации, приезжал в Алупку, дважды выступал перед сотрудниками музея, рассказывая о своих подвигах. Написал книгу «О чём молчат львы» [3]. Вышло несколько публикаций о нём в газетах, а недавно московская группа приехала снимать фильм о Щеколдине, который затем (правда, только две части из четырёх заявленных) показали на крымском телевидении. Появление этого фильма и стало толчком к написанию данного материала. По сюжету, герой-одиночка спасает дворец от всех: и наших и не наших; противостоит жестоким фашистам, которые хотели бы разграбить сокровища музея, но отступают перед стойкостью советского смотрителя. И как награда за подвиг — арест и незаслуженно жестокое осуждение.

На чём основывались авторы фильма и ряда других публикаций? Собственно говоря, источник только один — это воспоминания самого С. Щеколдина, изложенные в его книге. Но даже самый посредственный студент истфака знает, что к любому источнику надо относиться критически (а к мемуарам — особенно), проверяя и сопоставляя информацию по другим каналам. В данном случае никому из пользовавшихся книгой «О чём молчат львы» такое, к сожалению, даже

не пришло в голову. А зря. Во-первых, в ней присутствуют совершенно нереальные сведения, вроде того что во дворец приезжал сам Гитлер. Как достоверно известно, в Крыму его никогда не было. Но картинка так понравилась корреспонденту «Комсомольской правды», что он опубликовал статью под громким названием «В грязных сапогах к нему не зашёл бы сам Гитлер» [2, с. 49]. Абсурдность заголовка, не говоря уже об остальном, никого не смутила. Во-вторых, рассказ о том, как за Гиммлером «гналась английская разведка по всему его пути и обстреляла (в Ялте в 1942 году!!! — Д. О.) коммандатуру» [3, с. 69]. В-третьих, Степан Григорьевич любил повторять, что сам Сталин объявил ему благодарность за спасение музея. Он об этом якобы услышал по радио, находясь в камере под следствием. Сомнительный аргумент, тем более что все тексты радиопередач хранятся по сей день в архиве и ничего подобного историки советского радио не находили. В-третьих, внимательное прочтение книги может лучше понять и личность самого автора: на 90 страницах книги более 420 раз встречается местоимение «я», то есть в среднем пять раз на каждой странице. Скромностью автор явно не страдает. Разумеется, некоторые сюжеты книги проверке не поддаются — например, поданные в изложении автора задушевные беседы с некоторыми немецкими офицерами, в ходе которых автор убеждал своих собеседников весной 1942 года (!), что «Германия проиграет и эту войну» [3, с. 55]. Или его рассказ о разговоре на повышенных тонах с немецким «шефом СС Крыма», после которого Щеколдину «ничего не было». Впечатляюще воспринимается версия Степана Григорьевича о том, как он спас здание дворца от уничтожения его фашистами при отступлении. Но вот незадача: в разные годы автор излагает её в разных вариантах. Первоначально привезённые немцами снаряды превращаются в мины, в более поздних версиях появляется бикфордов шнур. В беседе с автором этих строк участник тех событий, тогда ещё юноша Амди Усеинов, о котором автор очень хорошо отзывался

в своей книге, изложил иную картину событий, совершенно не совпадающую с щеколдинской. И в целом чем дальше, тем более значимой рисовал свою роль в спасении дворца Степан Григорьевич. Но об этом известно только из рассказов самого Шеколдина. Писатель Л. Соболев, написавший о директоре хвалебную статью, сделал это на основании рассказа опять-таки самого Шеколдина [3, с. 68]. То же касается и газетных публикаций.

Что же было на самом деле? Какова роль его в истории Алупкинського дворца периода оккупации? Кто он сам? Герой? Предатель? Просто жертва обстоятельств? Наиболее полный документ, в котором содержатся ответы на эти вопросы, — это материалы начатого в 1944 году следственного дела Шеколдина, последнюю точку в котором поставили только в 1991-м. Предвижу возражения: мол, как можно доверять этим документам? Дела массово фальсифицировали сотрудники НКВД, и об этом много написано. Действительно, дела были разные. Однозначной оценки их быть не может. Уже в девяностые годы минувшего столетия учёные, работавшие с этими документами, разработали определённую методологию, позволяющую объективно отделять достоверную информацию от фальсификаций. Хотя субъективный фактор — **что хочет увидеть** конкретный исследователь, остаётся. Так же и с делом Шеколдина. Детально с ним ознакомились два человека: уважаемый профессор Таврического университета и автор этих строк. Профессору понравилась версия Шеколдина-спасителя, и её он изложил в одной из своих публикаций. Факты иного порядка оставлены им без внимания.

Так кем же был человек, без сомнения сыгравший важную роль в жизни Алупкинського дворца-музея в период нацистской оккупации, осуждённый к десяти годам лишения свободы и отбывший срок практически от звонка до звонка? Тяжёлым обвинением Шеколдину были факты «антисоветской деятельности» при немцах. Главным пунктом была

речь Степана Григорьевича на похоронах бывшего директора музея Корнева в мае 1942 года. В мемуарах Шеколдин пишет, что речь произносил, но ничего в ней не было, к тому же на похоронах, по его словам, было всего несколько человек. На самом деле проводить Корнева в последний путь собралось немало людей, пришли и сотрудники музея. В ходе следствия в 1944 году были допрошены практически все сотрудники, работавшие в музее в период оккупации, кроме Усеинова и Минакова, которых к тому времени уже призвали в действующую армию. С протоколами допросов этих людей в качестве свидетелей ознакомили Шеколдина. Об этом есть его расписка в деле. Возражений со стороны обвиняемого тогда не последовало. Стоя у могилы бывшего директора, Шеколдин благодарил немецкую власть за то, что после десятилетий большевистской деспотии, которая больше никогда не вернётся, люди наконец получили справедливую власть, которая принесла свободу и надежду на будущее. Служивцы также показали, что у их директора были «прекрасные отношения с немцами»: его часто домой подвозили на мотоцикле, обеспечивали продуктами, спиртным, и вообще он был у них на хорошем счету. Возможны возражения: мол, люди дали показания под нажимом следователя НКВД. Такое действительно бывало, особенно в годы большого террора 1937–1938 годов. Но когда началась реабилитация, на повторных допросах свидетели массово отказывались от прежних показаний. Шеколдин в 1949, 1956, 1968 годах обращался с заявлениями о пересмотре дела. Каждый раз проводилось расследование, в том числе опрашивались и лица, проходившие как свидетели в 1944 году. И каждый раз они почти дословно повторяли свои показания — случай крайне редкий и свидетельствующий о том, что нажима не было, уж больно крепко засела в людях ненависть к оккупантам и тем, кто им прислужничал. К делу приобщена и статья в оккупационной газете «Голос Крыма» авторства директора музея.

Поводом для ареста Щеколдина стал, как он пишет, донос одного из знакомых. Этого человека, по его словам, он спас, убедив немцев, что тот не является евреем. Если это действительно так, то налицо ещё одно подтверждение о влиятельности директора в среде оккупантов, иначе кто бы его слушал в таком деликатном вопросе. Теперь о самом термине «донос». Как известно, после освобождения люди массово стали подавать заявления в органы милиции о лицах, активно сотрудничавших с фашистами. Делали это открыто, не таясь, требуя справедливого возмездия тем, кто осуществлял оккупационный режим и часто был более жестоким, чем сами немцы. Ненависть к предателям принимала порой самые жестокие формы, до самосудов включительно. Слишком тяжёлый след оставил нацистский «новый порядок». Выявляли изменников не только граждане. Были у органов НКВД и другие источники информации о том, кто как себя проявил в период оккупации. В Крыму были арестованы и осуждены директора всех музеев, действовавших в 1942–1944 годах. Так что даже ни будь «информации» со стороны, Щеколдин вряд ли избежал бы ареста.

Сложным остаётся вопрос о спасении экспонатов музея. Воронцовский дворец оккупанты всё-таки разграбили основательно. Это признавал и сам Щеколдин, об этом есть материалы в следственном деле, находим упоминание и в книге. Наверное, ни будь в музее Щеколдина, потери были бы куда больше. Вклад директора в сохранение ценностей музея, несомненно, есть, но считать его спасителем — явное преувеличение собственного вклада. Через его книгу красной нитью проходит ощущение собственной избранности для выполнения некой мистической миссии. То, что Щеколдин не дал уничтожить дворец в 1941 году чекистам, а в 1944-м фашистам — явное преувеличение. Возможно, немцы и планировали взрывать здание. Но для уничтожения такого большого сооружения необходимо огромное количество взрывчатки, закладываемой во многих местах. Для этого требуется

большое количество людей и времени. Ни того, ни другого в апреле 1944-го у немцев уже не было. К тому же завезённые мины (или снаряды — в разные годы говорилось о разном) были заложены не у самого здания дворца, а возле флигеля, где располагалось гестапо.

Многое, очень многое в рассказах Щеколдина вызывает сомнение. Обида за несправедливое, по его мнению, наказание, годы, проведённые в заключении, мотивировали человека доказать несправедливость, совершённую по отношению к нему. Но при этом многое придумывалось, реально происходившее обрастало несуществовавшими деталями. С годами эта тенденция только усиливалась. В психологии есть такой термин — *конфабуляция*, когда человек начинает сам верить в то, что придумал. К Щеколдину это применимо в полной мере. Чем дальше, тем более героической представляет он свою деятельность в период оккупации, появляются новые эпизоды, обогащаются подробностями уже известные. Вершиной стало появление книги воспоминаний, о которой шла речь выше. Возможно, автор был уверен в отсутствии других источников информации о его жизненном пути. Книга названа «О чём молчат львы». Но вот если бы эти львы заговорили, как бы не пришлось автору краснеть за многое в ней написанное.

Степан Щеколдин не был предателем. По его вине никого не казнили, не отправили в концлагерь. Но и героем его делать нет никаких оснований. Просто у человека, не сделавшего карьеру при советской власти, появился шанс реализовать себя в новых условиях. Свой звёздный час он использовал в полной мере. Типичный пример коллаборационизма со всеми вытекающими последствиями. Такие люди находятся во все времена и повсеместно. Ради выживания они готовы служить любой власти и успешно перестраиваться под новые требования. У них нет никаких убеждений, принципов. И каждый раз делают это искренне, не ощущая угрызений совести. Но наказание чаще всего

бывает неотвратимым. В случае со Щеколдиным, возможно, с высоты сегодняшнего дня оно может показаться чересчур суровым, но было совершенно в духе времени.

Использованные источники и литература

1. Архив Главного Управления Службы безопасности Украины в Автономной Республике Крым. Д. 018458 (дата обращения 1995, 2002 гг.).

2. Фролов Ф. В грязных сапогах к нему в музей не вошёл бы даже Гитлер / Известия Крымского краеведческого музея. 1996. № 13. С. 49–51.

3. Щеколдин С. Г. О чём молчат львы: Крым. Алушка. 1941–1944 / сост. Г. Г. Филатова. Симферополь : Н. Оріанда, 2009. 112 с.

Omelchuk D. V.

“If the Lions Spoke...” Some Aspects of the History of Alupka Palace Museum during the Great Patriotic War

Abstract. *The article discusses the activities of Shekoldin in the position of the head of Alupka Palace — a museum during the Nazi occupation of the Crimea. A comparison is made of the information presented in the memoirs of Shekoldin himself and archival documents that shed light on the real situation in the museum.*

Keywords: *occupation, museum, collaborationism, confabulation.*

А. Н. Оранский

научный сотрудник ГАУК РК «Ливадийский дворец-музей»
(г. Ялта)

«ЗАЩИТИМ ИХ ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ!»: КАК АМЕРИКАНСКИЕ ЛЁТЧИКИ ЗАЩИЩАЛИ СВОЕГО ПРЕЗИДЕНТА

Аннотация. Доклад посвящён миссии, выполненной пилотами 94-й истребительной эскадрильи в конце января — начале февраля 1945 года. Рассказывается о специфике охраны американского президента в ходе его путешествия по Средиземному морю на Крымскую (Ялтинскую) конференцию глав держав антигитлеровской коалиции. Сообщаются имена и детали миссии, порученной лётчикам. Также приводятся малоизвестные факты об организации и обеспечении переговоров Большой тройки — президента США Ф. Рузвельта, премьер-министра Великобритании У. Черчилля, главы Советского Союза И. Сталина.

Ключевые слова: 94-я эскадрилья, истребитель, Средиземное море, Локхид Р-38, «Аргонавт», Франклин Д. Рузвельт, миссия, «Куинси».

На бескрайних просторах Всемирной сети я наткнулся на статью некоего Альфреда Эберхардта (H. Alfred Eberhardt) с весьма интригующим названием: «My Most Secret Mission: the Untold Story of Yalta» [1], что, как мы прекрасно понимаем, можно перевести так: «Моя самая секретная миссия: нерассказанная история о Ялте». От названия в голову сразу приходит миссия «Аргонавт», то есть встреча Большой тройки в феврале 1945 года. Вчитываясь в текст данной статьи, я для себя открыл некоторые подробности того, как шла служба определённой части американских военных лётчиков, более того, как лётчики определённого звена американских ВВС эскортировали в конце января 1945 года американский тяжёлый крейсер «Куинси» в Средиземном море.

Но сначала несколько слов об авторе. Альфред Эберхардт — инженер-механик, изобретатель, бизнесмен. До войны учился в Государственном университете штата Пенсильвания (Pennsylvania State University). В ходе войны прошёл ряд учебных заведений авиационного профиля. В сентябре 1944 года лейтенант Эберхардт поступил в 94-ю эскадрилью истребительной авиации в Италии. Награждён отличительными знаками как военного, так и послевоенного времени.

Разобравшись с нашим героем, мы можем заняться «подвигами» его самого и его товарищей. Господин Эберхардт нёс службу на авиабазе Сальсола в нескольких милях от Фоджа — Юго-Западная Италия. Там располагались тяжёлые американские истребители «Локхид-Мартин» Р-38, которые немцы уважительно называли «двуххвостый дьявол» (der Gabelschwanz-Teufel) [3] за своеобразную форму корпуса. В середине января командир авиакрыла, к которому был причислен наш герой, полковник Френсис Харрис (которого сослуживцы по-дружески называли «Баки»), пропал без объяснения причин. По подразделению ширились самые разные слухи, вплоть до того, что командир отправлен за линию фронта или, что ещё хуже, отправлен в отставку. Единственным, кто наверняка знал, где Харриса точно нет, был командир медсанчасти майор Уолш, который заявил, что в лазарете Баки точно нет. Среди военнослужащих крепло мнение, что надвигаются важные события, могущие приблизить окончание войны.

Полковник Харрис вернулся так же внезапно, как и пропал. Оказалось, что эскадрилье поручено некое задание чрезвычайной важности и секретности, а Баки лично на своём Р-38 («Джинни») проверял базы, которые предстоит использовать в ходе операции. Полковник рассказал, как трудно было ему общаться с начальниками баз союзников. Почти везде приходилось предъявлять секретные приказы, подписанные лично Айрой Икером — командующим ВВС союзников на сред-

земноморском театре военных действий. В ходе краткого совещания полковник озвучил поставленную задачу: три звена истребителей (одно из них Баки возглавит лично) отправляются по маршруту Тунис — Алжир — Гибралтарский пролив на военную базу англичан. «Я очень рад, что эта миссия поручена нам, ребята», — завершил инструктаж полковник, добавив, что больше сказать он ничего не может. Самолёты вылетели морозным утром 28 января.

Перелёт совершался в обстановке секретности, в эфире поддерживался режим радиотишины, и только по прибытии в пункт назначения стала известна суть миссии — эскортирование и охрана с воздуха конвоя, в который входили тяжёлый крейсер «Куинси», малый крейсер «Саванна» и три эсминца; им предстояло пересечь Средиземное море, направляясь к советским берегам. Кто будет находиться на борту — не озвучивалось, но по кодовому имени «Адмирал» всем стало ясно, что речь идёт ни много ни мало о самом президенте Соединённых Штатов Франклине Д. Рузвельте. Во время патрулирования рекомендовалось не зависать над кораблями, а те самолёты, которые приблизятся на расстояние менее двух миль от кораблей и не будут реагировать на сигналы, — сбивать без промедления.

Нужно отметить, что причины для опасений были весьма серьёзные. Немцы предполагали, что встреча глав антигитлеровской коалиции должна состояться, но вот когда и где — им известно не было. Существовал целый ряд рисков, с которыми могли встретиться лётчики, выполняя задачу, в частности: 1) конвой может быть атакован пилотами-камикадзе; 2) в налёте могут быть использованы трофейные самолёты союзников с соответствующей маркировкой. Так что полковник Харрис и его английский коллега имели все основания для того, чтобы напутствовать пилотов словами: «Мы должны защитить их любой ценой!»

Суть патрулирования заключалась в следующем: Средиземное море разбивается на три оперативных сектора с запада

на восток (Гибралтарский пролив — Западное Средиземноморье; центральная часть; восточная часть Средиземного, Эгейское море, пролив Босфор). Лейтенанту Эберхардту и его сослуживцам был отведён первый сектор.

Как вспоминал автор, «всё проходило в штатном режиме до того, пока я не увидел на горизонте приближающуюся чёрную точку. По мере приближения стало видно, что это был ДеХевилленд Москито — английский многоцелевой истребитель с английскими же опознавательными знаками [4]. На наши отчаянные сигналы изменить курс не реагировал, опасно приближаясь к крейсеру. Тогда я судорожно нажал на гашетку, молясь, чтобы не сбить своего. Прошли доли секунды (а мне показалось, целая вечность), пока он не увидел следы моих трассеров прямо над головой, после чего резко ушёл в сторону. Это были самые ужасные мгновения в моей жизни».

Далее господин Эберхардт сообщает, что больше никаких чрезвычайных происшествий в его секторе не было. Обратно лётчики сопровождали «Куинси» в том же режиме. Соответственно, находиться в Крыму в ходе конференции Большой тройки наш герой не мог. Но в своей статье он делится впечатлениями, которые оставили его сослуживцы. К примеру, приводится такой эпизод: первые четыре дня работы конференции лётчики, обеспечивавшие безопасность американских союзников, находились на аэродроме Саки под жёсткой охраной советских солдат, вооружённых автоматами. Только вмешательство высокопоставленных военных изменило ситуацию — и эскорт перевели на аэродром в Симферополе, где условия были гораздо комфортнее.

В завершение своего рассказа господин Эберхардт приводит такие сведения: он сам благополучно дослужил до мая 1945 года и вернулся в США, где продолжил учёбу. Но треть американских пилотов, участвовавших в обеспечении операции «Аргонавт», погибли на завершающем этапе войны. По именам автор называет Джона Д. Флессингера из Буффало,

штат Нью-Йорк, Р. Дж. Гиллена из Техаса. Можно предположить, что эти люди оставили важный след в биографии нашего героя. Их памяти посвящена статья, послужившая материалом для данного сообщения.

Использованные источники и литература

1. My most secret mission: the untold story of Yalta [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.thefreelibrary.com/My+most+secret+mission%3A+the+untold+story+of+Yalta.-a086875803> (дата обращения: 23.03.2019).
2. Самолёты Второй мировой войны / ред. Дж. Винчестер ; пер. с англ. С. С. Сокольского. М. : АСТ ; Астрель, 2007. 256 с.
3. Многоцелевой истребитель P-38 «Lightning» // Военное обозрение [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://topwar.ru/83599-mnogocелеvoy-istrebitel-p-38-lightning.html> (дата обращения: 23.03.2019).
4. Уголок неба. Mosquito В [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.airwar.ru/enc/bww2/dh98.html> (дата обращения: 23.03.2019).

Oranskiy A. N.

“We must Protect them at All Costs!”:

How American Fighters Protected the President

***Summary.** The report is about the mission of 94th fighting squadron at period end of January — beginning of February 1945. It tells about specifics of security of american president Franklin D. Roosevelt during his trip through the Meditterrenian sea to meet leaders of Antihitler’s coalition on the Crimean (Yalta) Conference. Names of pilots and details of their mission are spoken. Olso there are given some little known facts on organization and security of Great three leaders: the president of the United States F. Roosevelt, the prime minister of the Great Britain U. Churchill and the head of the Sovet Union J. Stalin.*

***Keywords:** 94th squadron, fighter, Medditerranian sea, Lockheed P-38, “Argonaut”, Franklin D. Roosevelt, mission, “Quincy”.*

Н. А. Пахомова

научный сотрудник

ГАОУК РК «Ливадийский дворец-музей» (г. Ялта)

ЛИЧНОСТЬ У. ЧЕРЧИЛЛЯ И ЕГО ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Аннотация. *Статья представляет собой обзор основных тенденций в истории изучения отечественными исследователями британского премьер-министра У. Черчилля и его деятельности. Определяются основные историографические направления, в контексте которых анализируются и оцениваются решения, принятые британским лидером в годы Второй мировой войны 1939–1945 годов. Отдельным комплексом выделяются работы крымских исследователей, в основном освещающие различные стороны англо-советских и англо-американских отношений и работу британской делегации в рамках Крымской конференции 1945 года.*

Ключевые слова: *У. Черчилль, премьер-министр, отечественная историография, исследование, Ливадийский дворец, Крымская конференция, Ялта 1945.*

Уинстон Черчилль (1874–1965) — известный политический лидер Великобритании, деятельность которого на протяжении многих десятилетий изучается западными и отечественными исследователями. Историография вопросов, посвящённых его работе в правительстве, смене его политических взглядов и решений, а также отражающих положение стран-союзников и в целом ход событий Второй мировой войны, включает неисчерпаемое количество монографий и статей. В истории Южного берега Крыма второй половины XX века премьер-министр также занимает видное место — как один из трёх главных участников Крымской (Ялтинской) конференции. Традиционно этой тематике уделяется боль-

шое внимание сотрудниками научных отделов Ливадийского и Воронцовского дворцов-музеев.

Данная работа не предполагает изучение всей отечественной историографии — исследование такого масштаба, ввиду огромного количества опубликованного материала, будет иметь характер объёмной многостраничной монографии. Цель статьи — очертить круг наиболее известных и значительных русскоязычных исследований, выявить основные изменения в представлениях и оценке британского политика, а также охарактеризовать тематику вопросов, рассмотренных на конференциях южнобережных дворцов-музеев.

Отечественные исторические работы, в рамках которых упоминается британский лидер XX века, можно разделить по объекту изучения: 1) работы, посвящённые истории Англии; 2) исследования вопросов международных отношений XX века; 3) труды по истории Второй мировой войны (1939–1945 гг.) и Великой Отечественной войны (1941–1954 гг.); 4) биографические исследования; 5) тематические работы, связанные с пребыванием У. Черчилля в Крыму.

В представленную классификацию не включаются сборники документов, так как подобные издания представляют собой отдельный комплекс источников и выходят за рамки аналитических исследовательских работ.

Наиболее раннее упоминание У. Черчилля в послевоенный период находим в брошюре популяризаторского характера «Фальсификаторы истории», вышедшей в 1948 году в ответ на издание Госдепа США сборника дипломатических документов «Нацистско-советские отношения, 1939–1941 гг.» («Nazi-Soviet relations, 1939–1941»). В публикации приводятся несколько цитат У. Черчилля, отмечается его «проницательность» в вопросе необходимости требований Советского Союза в создании Восточного фронта: «...в своём выступлении по радио 1 октября 1939 года [У. Черчилль], после ряда недружелюбных выпадов против Советского Союза, заявил: «То, что русские

армии должны были находиться на этой линии, было совершенно необходимо для безопасности России против немецкой угрозы. Во всяком случае, позиции заняты и создан Восточный фронт, на который нацистская Германия не осмеливается напасть. Когда г-н фон Риббентроп был вызван на прошлой неделе в Москву, то это было сделано для того, чтобы он ознакомился с этим фактом и признал, что замыслам нацистов в отношении Балтийских государств и Украины должен быть положен конец» [1]. Данная публикация заложила своеобразную основу для дальнейших пропагандистских работ.

В историографии конца 1940-х — середины 1950-х годов отмечаются крайняя политизация и выраженный антагонизм в отношении западных государств, характерный в целом для исторической науки этого периода. У. Черчилль, один из влиятельнейших лидеров, представитель империалистического Запада и автор Фултонской речи, отмечался И. В. Сталиным как главный враг Советского Союза и «преемник Гитлера».

Со второй половины 1950-х годов сложились более благоприятные условия для развития исторической науки, хотя методология, основанная на принципах марксизма, заметно ограничивала круг вопросов исследований советских историков. Изучение истории XX века и, в частности, Второй мировой войны было скреплено марксистскими догматами, политизировано и максимально идеологизировано. К общим трудам этого периода можно отнести издания по истории Англии, в которых упоминается деятельность представителей рода Черчиллей: работа Е. В. Тарле «Европа в эпоху империализма. 1871–1919» (1958) и «Борьба за господство в Европе. 1848–1918» А. М. Тейлора (1958). В многотомных трудах по истории Второй мировой войны (12 томов, издавались с 1973 по 1982 г.) У. Черчилль обвинялся в задержке открытия второго фронта. В основном действия британского правительства в лице премьер-ми-

нистра традиционно трактовались как главные негативные факторы, влияющие на оказание помощи СССР. Что касается изучения англо-американской стратегии, в советской историографии практически не уделялось внимания анализу взаимосвязи внешней политики с внутренним положением государств.

В таком же ракурсе были написаны работы советских авторов 1970–1980-х годов: И. Н. Ундасынова [2], В. И. Секистова [3; 4], В. Л. Исраэляна [5] и многих других.

Биографические работы как отдельный комплекс исследований появляются во второй половине 1960-х годов. Наиболее известным является труд В. Г. Трухановского «У. Черчилль», в котором автор сделал попытку осветить внутреннее положение Великобритании через деятельность выдающегося политика [6]. Несмотря на то что книга написана в разгар холодной войны (этот фактор, несомненно, наложил определённый отпечаток), работа представляет большую ценность в отечественной историографии и сегодня не теряет актуальности для широкого круга читателей.

В последующие десятилетия в исторической науке отмечается возрастающий интерес к изучению западных государств и их политических лидеров. Наблюдается своеобразная оттепель в вопросах оценки деятельности представителей правительств. Публикуются труды И. Н. Земскова по истории дипломатии [7], общие работы по истории Англии: «Колониальная политика Великобритании и трансформация традиционных обществ Южной Африки в конце XVIII — начале XX века» (2003) А. В. Воеводского, «Колониальная политика Великобритании в Судано-Египетском субрегионе (вторая половина XIX — первая половина XX века)» (1998) К. А. Киселёва, «Судьба империи» (1983) П. П. Черкасова и другие.

В 1990-е годы известный историк А. И. Уткин посвящает У. Черчиллю работы, основанные на многочисленных ис-

точниках. Исследования по праву занимают значительное место в истории изучения британского премьер-министра.

Обращаясь к крымским работам 2000-х годов, необходимо выделить фундаментальный труд С. В. Юрченко «Ялтинская конференция 1945 года: хроника создания нового мира», в котором автор подробно раскрывает все стороны события начиная от политической обстановки и подготовки к встрече и заканчивая анализом вопросов и решений конференции. В отдельной главе приводится подробное описание состава делегаций и участников, их политических интересов и взаимоотношений [8]. Целый ряд статей С. В. Юрченко посвящены рассмотрению отдельных вопросов, имеющих отношение к Крымской конференции. В работе «Внешнеполитические принципы Уинстона Черчилля и их реализация на Ялтинской конференции 1945 г.» исследователь характеризует британского премьер-министра как одного из немногих, «кто после прихода нацистов к власти в Германии быстро осознал угрозу британским интересам и требовал принятия мер по укреплению обороны страны». Автор детально рассматривает интересы и принципы британского лидера во внешней политике, приводит причинно-следственные связи внутреннего положения страны с принятыми решениями лидера. В 2010 году вышла книга Н. А. Нарочницкой «Ялта-45», где в контексте истории конференции автор также отмечает государственные интересы Великобритании в годы активной деятельности У. Черчилля на посту премьер-министра [9].

В сборниках конференций «Ялта-45» с 2003 по 2017 год советско-британским и американо-английским отношениям в целом и У. Черчиллю в частности посвящено 12 работ. В 2003–2005 годах были опубликованы статьи Е. Н. Дорошенко в «Учёных записках Таврического национального университета им. В. И. Вернадского» и сборниках «Ялта-45». Работы посвящены англо-американским отношениям в годы

Второй мировой войны, встрече руководителей ведущих стран антигитлеровской коалиции (СССР, США и Великобритания) в Тегеране в 1943 году и другим политическим аспектам. В основе исследований использованы источники личного происхождения (мемуары А. Ведемейера, переписка У. Буллита с президентом Ф. Рузвельтом) и опубликованная литература, в том числе англоязычная [10; 11; 12]. В 2004 году вышла статья А. Ноубл «Ялтинська конференція, британське бачення», в которой рассматривается отношение Черчилля к ряду сложных вопросов послевоенного мироустройства, в частности к оккупации Германии, территориальным и правительственным вопросам в Польше, репарациям [13]. О. А. Шамрин — автор четырёх статей, изданных в сборниках дворца-музея с 2006 по 2008 год. Научный работник рассмотрел начало распада Британской империи после окончания Второй мировой войны, «имперские ценности» У. Черчилля, его взгляд на колониальную политику и перспективы англо-индийских отношений [14].

В сборнике за 2017 год А. Д. Пятков публикует работу «Портреты лидеров великих держав в художественном отображении», в которой рассматривает основные этапы и специфические особенности развития официальной портретной живописи в странах-победителях во Второй мировой войне. В числе прочего автор приводит информацию о многочисленных портретах У. Черчилля (от парадных, военных со всеми регалиями до карикатурных). Отмечаются «любимый» и «самый нелюбимый» портреты: к первому относится работа У. Орпена (хранится в Национальной картинной галерее), второй исполнен Г. Сазерлендом и подарен к 80-летию юбилею У. Черчилля от имени членов парламента и кабинета министров [15].

В 2015 году сотрудники Алупкинского дворцово-паркового музея-заповедника подготовили книгу «Уинстон Черчилль в Воронцовском дворце. 4–11 февраля 1945 г.». Приведены тексты воспоминаний премьер-министра на разные

темы: погода, описание местности и дворцов, впечатления. Приведены записи заседаний представителей советского правительства с английским и др. Книга имеет характер популярного издания для широкого круга читателей, так как отсутствуют какой-либо анализ и оценка деятельности по подготовке и организации мероприятий накануне прибытия (и во время пребывания) британского премьер-министра в город Алупку [16].

Подводя итоги, следует отметить в крымских работах последних лет незначительный охват источниковедческих материалов. Всё больше внимания исследователей уделяется малозначительным (в сравнении с масштабами геополитических процессов) вопросам, что объясняется труднодоступностью англоязычной литературы и довольно узкой источниковедческой базой по тематике исследования. В 2006 году сотрудник Ливадийского дворца-музея О. А. Шамрин опубликовал краткую справку о создании мемориального кабинета-библиотеки У. Черчилля. Автор отметил, что в соответствии с «Положением о работе Мемориального кабинета-библиотеки У. Черчилля» все материалы, касающиеся деятельности британской делегации на Крымской конференции 1945 года, британской истории, внешней политики, дипломатии и исторического наследия У. Черчилля, которые поступают в Ливадийский дворец-музей, должны концентрироваться в Мемориальном кабинете-библиотеке У. Черчилля «в качестве дополнений к экспозиции или для научных исследований». Возможность работать с материалами данного кабинета позволяла дворцу-музею осуществлять научную деятельность согласно концепции «открытой истории», в рамках которой перед специалистами и широкой публикой открывается целый пласт материалов [17, с 72]. Возможно, дальнейшее изучение документов и печатных изданий кабинета-библиотеки позволило бы возродить интерес к исследованию различных аспектов политической истории Великобритании.

Говоря об общих тенденциях в отечественной историографии изучения У. Черчилля последних лет, можно выделить некоторый спад в количестве публикаций, как научных и научно-популярных, так и художественных. В последние годы пополнение историографической базы ограничивается переводами англоязычных романов и политических биографий на русский язык.

Использованные источники и литература

1. Фальсификаторы истории (историческая справка). М. : Главполитиздат, 1948. 48 с.
2. *Ундасынов И. Н.* Рузвельт, Черчилль и второй фронт / Акад. наук СССР ; Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. М. : Наука, 1965. 136 с.
3. *Секистов В. И.* Война и политика (военно-политический очерк военных действий в Западной Европе и бассейне Средиземного моря (1939–1945). М. : Воениздат, 1970. 496 с.
4. *Секистов В. И.* Большая ложь о войне: критика новейшей буржуазной историографии Второй мировой войны. М. : Воениздат, 1971. 369 с.
5. *Израэлян В. Л.* Дипломатия в годы войны: 1941–1945 гг. М., 1985. 480 с.
6. *Трухановский В. Г.* Уинстон Черчилль. 3-е изд. М., 1982. 464 с.
7. *Земсков И. Н.* Дипломатическая история второго фронта в Европе. М. : Политиздат, 1982. 319 с.
8. *Юрченко С. В.* Ялтинская конференция 1945 года: хроника создания нового мира. Симферополь : ИД «Крым», 2005. 340 с.
9. Ялта-45: начертания нового мира / отв. ред. Н. А. Нарочницкая. М. : Вече, 2010. 288 с.
10. *Дорошенко Е. Н.* Проблемы американско-английских отношений в переписке У. Буллита с президентом Ф. Рузвельтом // Учёные записки ТНУ им. В. И. Вернадского. Симферополь, 2003. Т. 16 (55), № 1. С. 58–64.
11. *Дорошенко Е. Н.* Первая встреча Большой тройки: личностный аспект // Материалы научной конференции, Ли-

вадийский дворец-музей (Ялта, 28 ноября 2003 г.) / под ред. С. В. Юрченко. Симферополь : Магистр, 2004. С. 20–26.

12. *Дорошенко Е. Н.* Американо-английские отношения во Второй мировой войне: проблемы трансформации мирового лидера // Политические аспекты Второй мировой войны и проблемы современных международных отношений : материалы заседания круглого стола (г. Симферополь, 6 мая 2004 г.) / сост. Э. И. Малиенко. Севастополь : Мир, 2004. С. 22–26.

13. *Нойбл А.* Ялтинская конференция, британское видение // Три подхода к войне и миру: Сталин, Рузвельт, Черчилль на Крымской (Ялтинской) конференции 1945 г. и уроки для формирования новой системы международной безопасности / под ред. С. В. Юрченко. Симферополь : ИПЦ «Магистр», 2004. С. 9–23.

14. *Шамрин О. А.* Поколение У. Черчилля и Британская империя: взгляд человека викторианской эпохи // Вторая мировая война: человек, общество, государство (Крым, Ялта, Ливадийский дворец-музей, 11–12 мая 2006 г.) : материалы междунар. науч. конф. / под ред. С. В. Юрченко. Симферополь: Крым, 2006. С. 27–32 ; *Шамрин О. А.* Уинстон Черчилль и Британская колониальная империя: лишний человек на закате эпохи // Материалы научной конференции «Ломоносовские чтения» 2006 г. и международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов-2006» / под ред. В. А. Иванова [и др.]. Севастополь : ННЦ «ЭКОСИ — Гидрофизика», 2006. С. 256–258 ; *Шамрин О. А.* Британская империя и содружество наций глазами У. Черчилля: диалектика взаимодействия (первое послевоенное десятилетие) // Современный мировой порядок и интеграционные процессы на постсоветском пространстве : материалы междунар. науч. конф. (Крым, Ялта, Ливадийский дворец-музей, 5–9 февраля 2008 г.) : сб. науч. ст. / под ред. С. В. Юрченко. Симферополь : Антиква, 2008. С. 26–34.

15. *Пятков П. Г.* Портреты лидеров великих держав в художественном отображении // Ялта 45: уроки истории. Система международных отношений в XX–XXI вв. и её будущее : сб. материалов науч. конф. (Ялта, 21–22 февраля 2017 г.). Ялта : РИБЕСТ, 2017. С. 107–115.

16. Уинстон Черчилль в Воронцовском дворце. 4–11 февраля 1945 г. / сост.: Г. Г. Филатова, И. В. Чернуха. Симферополь : Н. Орианда, 2015. 92 с.

17. Шамрин О. А. Мемориальный кабинет-библиотека У. Черчилля в контексте концепции «открытой истории» как новая форма музейной деятельности // Южнобережный дом Романовых и вопросы сохранения культурно-исторического наследия в Ливадии : материалы междунар. науч. конф. (Крым, Ялта, Ливадийский дворец-музей, 27–29 сент. 2006 г.) : сб. науч. ст. / под ред. С. В. Юрченко. Симферополь : Крым, 2006. С. 71–72.

Pakhomova N. A.

W. Churchill's Personality and his Political Portrait in Russian Historiography

Abstract. *The article presents the main trends in the study of British Prime Minister William Churchill and his activities in Russian-language literature. The main historiographic directions in which decisions made by the British leader during the Second World War 1939–1945 are analyzed and evaluated are determined. In addition, the article lists the work of the Crimean researchers. These studies mainly cover various aspects of Soviet-British and British-American relations and the work of the British delegation in the framework of the 1945 Crimea Conference.*

Keywords: *Winston Churchill, Prime Minister, Russian historiography, research, Livadia Palace, Crimean Conference, Yalta 1945.*

П. И. Пашковский

кандидат политических наук, доцент кафедры
политических наук и международных отношений
Таврической академии (СП) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный
университет им. В. И. Вернадского» (г. Симферополь)
e-mail: petr.pash@yandex.ru

КОНСТАНТЫ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ РОССИИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ СИСТЕМАХ

Аннотация. В статье рассматривается исторический опыт позиционирования России в системах международных отношений с позиций мир-системного анализа. Показано, что, являясь интегрированной в мир-систему, Россия всегда позиционировалась как полупериферия, находящаяся в большей или меньшей зависимости от государств ядра, представляющих «Западный мир», что наблюдалось в условиях Вестфальской и Венской систем. Учитывая расхождения во взглядах исследователей касательно проблемы позиционирования СССР в рамках Версальско-Вашингтонской системы международных отношений, аргументируется справедливость понимания «советского эксперимента» как автаркической модели. Обосновано, что Ялтинская международная система продемонстрировала пример выхода СССР из мир-системы путём создания альтернативной политико-идеологической и экономической системы, в рамках которой он являлся безусловным центром. В этот период существовало биполярное мироустройство в виде масштабной конфронтации двух блоков — США и СССР, а также их союзников — на основе чётких идеологических разногласий. Разрушение Советского Союза способствовало исчезновению одного из полюсов указанной международной системы и её последующему значительному изменению. Российская Федерация занимает полупериферийное положение, а большинство государств постсоветского пространства становятся периферией современной мир-системы.

Ключевые слова: Россия, СССР, международные системы, позиционирование, мир-система.

В современных обстоятельствах увеличения международной напряжённости, обострения конфликта России и Запада, а также последствий антироссийских санкций особое значение приобретают исследования перспектив и возможностей развития нашего государства. Поэтому актуальным представляется изучение опыта позиционирования России в условиях различных систем международных отношений, позволяющее выделить константы [10; 11; 12], проводя определённые исторические параллели, способствующие объективной оценке современного состояния и разработке функциональных прогнозов. Вместе с тем, руководствуясь сентенцией известного американского исследователя Г. Киссинджера, при осуществлении международно-политического анализа необходимо помнить, что «история учит по аналогии, проливая свет на сходные последствия сопоставимых ситуаций. Однако каждое поколение должно определить для себя, какие обстоятельства на самом деле являются сопоставимыми» [7, с. 19].

Анализ исторического опыта показывает, что, являясь интегрированной в мир-систему (капиталистическую мир-экономику), Россия всегда позиционировалась как полупериферия, находящаяся в большей или меньшей зависимости от государств ядра, представляющих «Западный мир» [1]. Подобное наблюдалось в периоды функционирования Вестфальской и Венской международных систем [10, с. 43–44]. Отмечая дискуссионность проблемы позиционирования СССР в рамках Версальско-Вашингтонской системы международных отношений [4], следует признать справедливость понимания «советского эксперимента» как автаркической модели [6, с. 571–572], начавшей формироваться в условиях форсированной индустриализации конца 20-х — начала 30-х годов XX века [5, с. 551–564].

Ялтинская международная система продемонстрировала пример выхода Советского Союза из капиталистической мир-экономики путём создания альтернативной политико-

идеологической и экономической системы, в рамках которой он являлся безусловным центром. В указанный период существовало биполярное мироустройство, наблюдалась масштабная конфронтация двух блоков — США и СССР, а также их союзников — на базе конкретных идеологических расхождений [15, с. 3]. Каждый из полюсов представлял собой самостоятельную систему, обладавшую специфическими характеристиками. Капиталистический мир, где лидерские позиции занимали Соединённые Штаты Америки в ранге первой сверхдержавы, носил черты современной мир-системы (капиталистической мир-экономики). Советский Союз, являясь второй сверхдержавой, возглавлял государства, избравшие социалистическую модель развития. Этот расклад сил существовал на протяжении почти пяти десятилетий.

Определённые изменения в нём стали очевидными в начале 1970-х годов, когда СССР оказался перед необходимостью модернизации для преодоления периферийных процессов, чтобы соответствовать уровню мир-системы, вступившей в постиндустриальную эру [9, с. 40]. Опасаясь «реформистской угрозы», советская бюрократическая элита поворачивается в сторону капиталистической мир-экономики, что выражалось в торговле сырьём в 1970-е годы, а затем — в форсированном реформировании времён перестройки второй половины 1980-х и противоречивых преобразованиях постсоветской России 1990-х годов [6; 8].

Это оборачивается нарастанием кризисных проявлений в Советском государстве при падении цен на сырьё (в частности, на нефть), усилившихся в результате последствий перестроечных процессов, что, учитывая влияние ряда других внутренних и внешних факторов, в конечном счёте приводит к дезинтеграции Советского Союза. Российская Федерация оказывается в положении полупериферии мировой капиталистической системы, а большинство государств постсоветского пространства становятся её пери-

ферией. Отмеченная ситуация, несмотря на постепенный рост российской экономической и военной мощи, а также международного авторитета, продолжается до настоящего времени.

Исторический опыт свидетельствует, что «догоняющая» модернизация российского образца оборачивалась как положительными последствиями, так и социально-экономическим дисбалансом, дезинтеграцией империи. Позитивными представляются результаты первого (1698–1811 гг.) и третьего (1929–1941 гг.) — с оговорками относительно репрессий тоталитарной системы — циклов модернизации, демонстрирующих её имперскую (консервативную) модель и характеризующихся социально-экономическим оживлением, общественно-политической централизацией и расширением территории государства. Условия, в которых протекали эти циклы, отличались позиционированием России в мир-системе, спецификой её социально-политического уклада, характером реформ и их временной протяжённостью. Если первый, наиболее длительный цикл модернизации как «вестернизации» проходил в рамках полупериферийного статуса Российской империи, включая три «волны» (1698–1725, 1741–1796, 1801–1811 гг.) с последующими «откатами» (1725–1741, 1796–1801, 1811–1859 гг.), то третий, значительно более короткий цикл протекал в форме форсированной индустриализации в условиях автаркии советской системы [12], что проявлялось в жёстком государственном контроле над интегрированным и отсоединённым от капиталистической мир-экономики пространством, а также в комплексном его реформировании за счёт внутренних ресурсов. Это позволило нашей стране выйти из полупериферийного положения, почти на полстолетия обеспечив себе экономическую и политическую независимость, после чего, однако, данная замкнутая система требовала временного «открытия» для проведения модернизации.

Второй (1859–1911 гг.) и четвёртый (1985–1990-е гг.) циклы модернизации, относимые к либеральной модели и приведшие во многих сферах к отрицательным последствиям, которые обусловили дезинтеграцию государства, также отличались по ряду параметров. Более продолжительный второй цикл (включавший повышательные фазы в 1859–1873, 1905–1911 гг. и понижательные — в 1873–1905, 1911–1920 гг.) осуществлялся в рамках полупериферийного статуса Российской империи [12, с. 18–19]. Помимо форсированной модернизации и «перегибов» местных властей, к негативным результатам привело наложение данного цикла на период «циклического сжатия» капиталистической мир-экономики вследствие зависимости от неё. В свою очередь форсированное и во многом непоследовательное реформирование в рамках четвёртого цикла было осложнено внезапным и хаотичным открытием советской системы для современной мир-системы (капиталистической мир-экономики), что способствовало активизации периферийных процессов и последующей дезинтеграции СССР.

Происходящее в последние годы увеличение конфликтности во взаимоотношениях России и стран Запада, проводящих политику её изоляции и геополитического сдерживания, побуждает обратиться к историческому опыту подобных ситуаций, показывающему целесообразность выбора нашим государством имперской модели модернизации с целью построения авторитарной системы, функциональный пример которой (с оговорками относительно известных «минусов») продемонстрировало существование Советского Союза в период до начала 1970-х гг. Это должно проявиться во внутренней мобилизации и многостороннем реформировании России в контексте курса на минимизацию её зависимости от находящейся в глубоком кризисе капиталистической мир-экономики, которая пытается решать проблемы своего ядра (центра) за счёт ресурсов полупериферии и периферии. В противном случае увеличивается

вероятность того, что итогом глобальной геополитической конкуренции стран ядра мир-системы с нашим государством, занимающим в ней полупериферийное положение, станет поражение России.

Прогнозируемые экспертами изменения во внешнеполитических подходах США в сторону изоляционистских тенденций [2; 3; 13; 14; 16], по-видимому, приводят Вашингтон не к абсолютному отказу от глобальных обязательств, но к частичной их передаче региональным союзникам, по крайней мере на какой-то период. В этом отношении, исключив непосредственное давление на Россию, Соединённые Штаты, скорее всего, реализуя стратегию «удалённого сдерживания» путём задействования стран-партнёров, попытаются обострить их противоречия с нашим государством. Вместе с тем в условиях грядущих десятилетий реалистичным представляется сценарий, когда несколько сильных держав будут формировать новый полицентричный мировой порядок. Поэтому лишь в случае обретения самодостаточности в результате проведения масштабной модернизации в рамках имперской модели и последующего достижения независимости от западнцентричной мир-экономики, Россия сможет рассчитывать на достойное место в международной системе будущего.

Использованные источники и литература

1. *Валлерстайн И.* Россия и капиталистическая мир-экономика, 1500–2010 // Свободная мысль. 1996. № 5. С. 30–42.
2. *Гаджиев К.* Слово в защиту верховенства Вестфальских принципов // Международная жизнь. 2018. № 11. С. 156–172.
3. *Ефременко Д., Понамарёва А.* Трамп: начало [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Trump-nachalo-18575> (дата обращения: 10.02.2019).
4. *Завалько Г.* Мировой капитализм глазами И. Валлерстайна [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.situation.ru/app/j_art_825.htm (дата обращения: 10.02.2019).

5. История России : в 2 т. Т. 2: С начала XIX века до начала XXI века / А. Н. Сахаров, Л. Е. Морозова, М. А. Рахматуллин и др. ; под ред. А. Н. Сахарова. М. : АСТ ; Ермак ; Астрель, 2003. 862 с.
6. Казарлицкий Б. Ю. Периферийная империя: циклы русской истории. М. : Алгоритм ; Эксмо, 2009. 576 с.
7. Киссинджер Г. Дипломатия : пер. с англ. М. : Ладомир, 1997. 848 с.
8. Кононов И. Ф. Трансформационный опыт Украины, России и Беларуси: поиск интерпретативных моделей // Вісник Луганського національного університету ім. Т. Шевченка. Серія: Соціологічні науки. 2010. Т. 2. Ч. I. № 12 (199). С. 84–108.
9. Ливен Д. Россия как империя и периферия // Россия в глобальной политике. 2008. Т. 6. № 6. С. 36–46.
10. Пашковский П. И. Россия в международных системах: исторический опыт позиционирования // Теории и проблемы политических исследований. 2016. № 1. С. 41–53.
11. Пашковский П. И. Россия на международной арене: взгляд в будущее // 1917–2017: Россия в поисках будущего : монография / науч. ред. И. И. Кальной. Симферополь : ИТ «Ариал», 2018. С. 73–92.
12. Пашковский П. И. Циклы модернизации и проблемы национальной безопасности России // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2016. № 1 (13). С. 14–20.
13. Роуз Г. Четвёртое основание. Соединённые Штаты и либеральный порядок [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/global-processes/Chetvertoe-osnovanie-19934> (дата обращения: 10.02.2019).
14. Соловьёв Э. Трампизм и международные отношения: мир на пороге деидеологизации? // Международная жизнь. 2017. № 10. С. 70–86.
15. Юрченко С. В. США и международные кризисы в биполярном мире (1940–1960-е годы). Севастополь : Флот України, 2000. 104 с.
16. Haass R. How a World Order Ends and What Comes in Its Wake // Foreign Affairs. January/February 2019. Vol. 98. № 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2018-12-11/how-world-order-ends/> (дата обращения: 10.02.2019).

Pashkovskiy P. I.

RUSSIA POSITIONING CONSTANTS IN INTERNATIONAL SYSTEMS

Annotation. *The article deals with the historical experience of Russia's positioning in the systems of international relations from the standpoint of world-systems analysis. It is shown that, being integrated into the world-system, Russia has always been positioned as a semi-periphery, which is more or less dependent on the core states representing the "Western world", which was observed in the conditions of the Westphalian and Vienna systems. Taking into account the diverging views of researchers regarding the problem of positioning the USSR within the Versailles-Washington system of international relations, the validity of the understanding of the "Soviet experiment" as an autarkic model is argued. It is substantiated that the Yalta international system has demonstrated an example of the USSR leaving the world-system through the creation of an alternative political-ideological and economic system, within the framework of which the USSR was an unconditional center. During this period, there was a bipolar world order in the form of large-scale confrontation between two blocs — the USA and the USSR, as well as their allies — on the basis of clear ideological differences. The destruction of the Soviet Union contributed to the disappearance of one of the poles of this international system and its subsequent significant changes. The Russian Federation occupies a semi-peripheral position, and the majority of the post-Soviet states become the periphery of the world-system.*

Keywords: *Russia, USSR, international systems, positioning, world-system.*

П. Б. Плужник

*старший научный сотрудник
ГАУК РК «Ливадийский дворец-музей» (г. Ялта)*

ЛИВАДИЯ В ПЕРИОД НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ И СОСТОЯНИЕ ДВОРЦА К ВЕСНЕ 1944 ГОДА

Аннотация. *Статья посвящена проблеме изучения военного периода истории Ливадии. Автор приводит сведения, отражающие события, происходившие на территории бывшего Ливадийского курорта накануне, в период и после немецко-фашистской оккупации 1941–1944 годов. Особое внимание уделено драматическим событиям 5 июля 1942 года и функционированию ялтинского районного Государственного имения № 102 санаторно-курортного хозяйства «Ливадия», созданного немецкой администрацией с целью обеспечения сохранности имущества бывших южнобережных здравниц и производства сельскохозяйственной продукции, а также организации жизнедеятельности ливадийской общины в период оккупации. В статье приведена краткая характеристика материального ущерба, нанесённого санаторному комбинату имени Сталина № 10 НКЗ СССР и Ливадийскому дворцу в период оккупации. Затронутая тема мало изучена и требует дальнейшего исследования.*

Ключевые слова: *Ливадия, климатическая здравница, военный период, оккупация, сельское управление, госимение, ущерб, эвакогоспиталь.*

Ливадия, несомненно, имеет свою особую энергетику. Её чувствует каждый, кто хоть раз дышал воздухом этого уникального уголка Южного берега Крыма, история которого наполнена глубоким смыслом и отмечена яркими судьбоносными событиями. Начиная с середины XIX века Ливадия, ставшая любимой летней резиденцией российских императоров, уже не сходит со страниц документаль-

ных хроник. Особую известность она получила в 1911 году, после завершения строительства здесь талантливым ялтинским архитектором Н. П. Красновым нового Ливадийского дворца. В советский период славу Ливадии принесла Крымская конференция глав государств антигитлеровской коалиции — СССР, США и Великобритании, состоявшаяся в феврале 1945 года и заложившая на долгие годы основы нового миропорядка. Не утратила своего значения Ливадия и в наше время.

Широкая популярность этой местности связана прежде всего с её целебным климатом, благотворно влияющим на здоровье людей, страдающих лёгочными заболеваниями, и прежде всего туберкулёзом, надёжных средств борьбы с которым в конце XIX — начале XX века ещё не существовало. Именно южнобережный климат определил основную медицинскую специализацию Ливадии, ставшей на долгие годы климатической здравницей не только для царской семьи, но и для простого народа.

Перед войной на территории Ливадии размещалось девять здравниц, включая санаторный комбинат имени товарища Сталина, занимавший все здания дворцового типа. В начальный период войны в двух здравницах Ливадийского курорта — санаториях ВЦСПС № 2 и Наркомзема — были развёрнуты эвакуационные госпитали для раненных в ходе кровопролитных боёв за Одессу, оборона которой продолжалась недолго. После оставления советскими войсками Одессы участь Крыма была предрешена. В конце октября 1941 года, после месяца тяжёлых боёв, войска вермахта прорвали советскую оборону на Перекопе и вступили на территорию полуострова.

Командующий 11-й немецкой армией генерал-полковник Эрих Манштейн был поражён красотой Южного берега Крыма, при этом Ливадия привлекла его особое внимание. В своих мемуарах позже он писал: «...Южный берег Крыма, часто сравниваемый с Ривьерой, пожалуй, превосходит

её по красоте... В районе Ялты, недалеко от которой расположен царский дворец, Ливадия, горы покрыты чудеснейшим лесом, какой только можно себе представить... Всюду произрастают тропические растения, а в особенности в чудесном парке, окружающем Ливадийский дворец. Чувствуешь себя, как в райских садах...» [1, с. 238]. Привязанность Э. Манштейна к Ливадии едва не поставила её архитектуру на грань физического уничтожения. Именно Ливадийский дворец был выбран командующим 11-й армией для торжественных мероприятий, организованных по случаю взятия Крыма 5 июля 1942 года. В своих мемуарах Э. Манштейн так описал эти события: «После того как наша задача была завершена такой победой, я испытал внутреннюю потребность сказать слово благодарности своим соратникам, для чего пригласил всех командиров <...> на торжественный акт в парк бывшего царского дворца в Ливадии. Несколько советских самолётов, прилетевших с Кавказа, угостили нас бомбами; к счастью, всё обошлось без жертв» [1, с. 289–290].

Кроме воспоминаний Э. Манштейна, сохранились свидетельства об этих событиях ветерана крымского подполья А. Лебедева и штурмана одного из экипажей 452-го бомбардировочного авиаполка Г. Булацкого. По воспоминаниям А. Лебедева, «в один из первых дней июля к портику главного входа в Ливадийский дворец стали припарковываться тяжёлые машины с изящной мебелью. Через партизанский центр информация о подготовительных мероприятиях была передана командованию Закавказского фронта. Для нанесения удара по Ливадии было выделено несколько бомбардировщиков, при этом сам дворец не пострадал — по фотоконтролю на аэродроме выяснилось, что главная цель была определена неверно...» [2]. Лично принимавший участие в этой операции Г. Булацкий свидетельствует: «За взятие Севастополя фюрер удостоил Эриха Манштейна звания фельдмаршала. По этому поводу в Ливадийском дворце был

устроен торжественный бал, на котором вручались ордена и медали фашистским генералам и офицерам. О месте и времени пиршества гитлеровцев стало известно нашему командованию. С Большой земли в воздух поднялись лётчики 6-го бомбардировочного полка под командованием В. Лукина и семь экипажей самолётов-торпедоносцев авиации Черноморского флота под командованием старшего лейтенанта М. Буркина. Погода не благоприятствовала. Видимость была плохая. Сделав несколько заходов с запада, мы нанесли по объекту ряд мощных бомбово-торпедных ударов. Как сообщили потом крымские партизаны, в ту памятную ночь в Ливадии нашли свою могилу около 300 фашистских головорезов» [3].

Известные нам мемуарные источники подтверждают главное, но существенно расходятся в деталях, что лишний раз напоминает о недостаточной изученности военного периода истории Ливадии. Также открытым остаётся вопрос о планах использования Ливадийского дворца оккупантами. Существуют версии о том, что первоначально он предназначался для гостевого дома имперского министра по делам оккупированных восточных территорий А. Розенберга, в то же время армия намеревалась использовать его в качестве санатория. По некоторым сведениям, проявлял к нему личный интерес даже фюрер, однако доказательств длительного использования Ливадийского дворца немецкой армией нет.

Среди местных краеведов до сих пор можно услышать утверждение о том, что во дворце размещался госпиталь немецких офицеров. Но уже сам факт использования его Э. Манштейном для торжественных мероприятий сразу после окончания боевых действий полностью исключает такую возможность. Кроме того, в период осады Севастополя в распоряжении вермахта находились оставленные без эвакуации многочисленные здравницы Симеиза и Алупки, расположенные в непосредственной близости от театра военных

действий. По свидетельству документов крымских архивов, лазарет немецкого командования до осени 1943 года находился в Кореизе, в менее приметном Юсуповском дворце, служившем до войны санаторием НКВД имени Ф. Э. Дзержинского, а позже, в феврале 1945 года, резиденцией советской делегации в период Крымской конференции [4, л. 2].

С первых дней своего пребывания в Крыму завоеватели уделяли особое внимание дворцам и окружающим их паркам, надеясь на щедрую послевоенную колонизацию полуострова, который воспринимался ими как неотъемлемая часть их исторической родины Готланд, земли их легендарных предков, покоривших Крым в III веке н. э. С целью эффективного управления захваченной территорией оккупанты сформировали на полуострове, ещё до окончания Крымской кампании, разветвлённую сеть местных органов власти. Для руководства ливадийской общиной уже к началу 1942 года было образовано сельское управление во главе со старостой, подчинявшимся Ялтинской районной управе. В конце 1942 года по ведомственной линии в Симферополе было образовано областное сельскохозяйственное управление (Wi. Kdo. 105 Krim) Главного земельного управления Германии, в состав которого, наряду с прочими, вошло управление государственными имениями, одним из структурных подразделений которого было ялтинское районное Государственное имение № 102 санаторно-курортного хозяйства «Ливадия». Главной задачей этого учреждения, первым руководителем которого стал староста ливадийской общины А. П. Сухорук, было обеспечение сохранности имущества сорока шести курортных здравниц Ялтинского района. После тщательной инвентаризации все учтённые материальные ценности были закреплены за штатными смотрителями, а территории здравниц взяты под круглосуточную сторожевую охрану.

Повседневная деятельность здравниц и расположенных в их границах территориальных общин, включая ливадий-

скую, была строго регламентирована инструктивными указаниями оккупационной власти. Значительная часть южно-бережных здравниц, преимущественно Алупки и Симеиза, временно использовалась для размещения воинских частей, преимущественно румынских, и первоначально не была включена в состав Госимения, но отходила ему по мере убытия воинских формирований.

К началу 1944 года штат Государственного имения № 102 «Ливадия» включал 134 человека, в том числе пять человек управления. Остальной личный состав был распределён между двумя основными производственными отделами — консервации (74 чел.) и обработки земли (55 чел.). Кроме штатных рабочих, к производству сельскохозяйственной продукции было привлечено всё трудоспособное население ливадийской общины. Лица, не получившие штатной должности, использовались управляющим имением по его личному усмотрению, как правило, на сезонных или временных работах. Часть пригодной для эксплуатации земли, преимущественно неудобья, сдавалась сельским общинам или частным лицам в аренду по договорам.

Вот некоторые из них:

«Договор № 44

Ливадия

от 8 июля 1943 года

Мы нижеподписавшиеся ГИ № 102 «Ливадия» в лице Управляющего г-на Сухорук А. П. с одной стороны и Старосты деревни Кореиз Эмир Асан Четко с другой стороны, заключили настоящий договор в следующем: ГИ «Ливадия» сдаёт в арендное пользование участок площадью 1 га под огород и 7 га под виноградник на территории деревни Кореиз, бывший санаторий НКВД. Срок аренды с 1 апреля по 1 декабря 1943 года. В счёт оплаты арендатором с 1 июля ежемесячно вносится 25% от суммы арендной платы. Окончательный расчёт производится не позднее 1.XI.1943 года» [5, л. 28].

«Договор № 25

Ливадия

от августа 20 дня 1943 года

ГИ № 102 «Ливадия» сдаёт в аренду господину Бай Мемет проживающему в санатории НКВД земельный участок при б. санатории НКВД для использования под огород площадью 170 м². В оплату за пользование огородным участком г-н Бай Мемет оплачивает ГИ № 102 «Ливадия» за каждый кв. метр огородной площади 50 копеек, а всего за 170 м² = 85 рублей в следующие сроки: 50% — при подписании сторонами договора, а остальную сумму не позднее 15 сентября с. г. Настоящий договор составлен по 1.XII 1943 года после чего участок изымается из арендного пользования» [5, л. 21].

В целом при относительно небольших объёмах ассортимент производимой продукции был достаточно широк. На продажу в городе выращивали даже цветы. В отчёте о произведённой и реализованной санкурхозом «Ливадия» сельхозпродукции за июль — август 1943 года указано, что только цветов за это время было реализовано на сумму 10 560,50 руб. Довольно значительная сумма, если учитывать, что стоимость свежего винограда составляла в среднем 2 руб. за один килограмм, письменный стол стоил 25 руб., а рояль — 1000 руб. [6, л. 59].

В состав Госимения, кроме основных структурных подразделений, входил целый ряд подсобных хозяйств: мельница производительностью до трёх тонн муки в сутки (штат — 7 чел.), хлебопекарня (3 чел.), молочная ферма на восемь дойных коров (5 чел.), две общественные столовые: столовая № 1 (5 чел.: завстоловой с должностным окладом 450 руб., повар — 300 руб., два кухонных рабочих — по 150 руб., подавальщица — 150 руб.) и столовая № 3 (2 чел.), транспортное хозяйство, материальный склад, а также склад изъятых и конфискованных вещей. Кроме того, в Ливадии функционировало несколько частных предприятий: комиссионный магазин, реализовывавший главным образом мебель, буфет

и три сапожных мастерских. С проживавших на территории Ливадийского поселения ежемесячно взыскивались подушный налог и квартирная плата за пользование жилфондом.

Определённый интерес для исследователей представляет смета доходов и расходов госимения «Ливадия» за период с 1 июля по 31 декабря 1943 года.

Доходы всего: 81 500 руб., в том числе от реализации цветов — 26 000 руб.; от реализации овощей, фруктов и другой сельхозпродукции — 40 000 руб.; поступления от арендной платы — 15 500 руб.

Расходы всего: 392 033 руб., в том числе заработная плата — 289 633 руб.; топливо (дрова для отопления) — 40 000 руб.; текущий ремонт зданий и инвентаря — 33 000 руб.; транспортные расходы — 15 600 руб.; командировочные расходы на служебные командировки в Симферополь и по Ялтинскому району — 6000 руб.; канцелярские расходы — 1800 руб.; прочие мелкие расходы — 6000 руб. Из расчётов видно, что лишь пятая часть расходов Госимения (около 20%) покрывалась за счёт результатов их собственной хозяйственной деятельности, остальное (около 80%) дотировалось из бюджета.

Общая численность служащих Госимения регулировалась штатным расписанием, утверждённым вышестоящей организацией. Оплата труда штатных служащих производилась в пределах должностных окладов, установленных распоряжением Рейхкомиссариата, а сезонных и временных рабочих — по договору. Оплата труда производилась советскими рублями, находившимися в свободном обращении весь период оккупации. Сверх установленных окладов штатным сотрудникам ежеквартально выплачивалась надбавка в размере 10% должностного оклада за добросовестный труд, политическую благонадёжность и хорошее поведение. Лицам, не работающим переводчиками, кроме того, могла выплачиваться надбавка за освоение немецкого языка в размере до 25% оклада. Этническим немцам из местного населения за хорошее поведение и добросовестную работу могла быть на-

значена надбавка в размере 50% оклада. Штрафы за недобросовестное отношение к работе составляли до 50% оклада. Продолжительность рабочего дня равнялась 10 часам. В случае болезни штатные сотрудники получали социальные выплаты по больничным листам. Все лица, получавшие хлебные карточки, обязаны были ежемесячно уплачивать подоходный налог [6, л. 1, 45, 65, 83, 128].

Согласно актам обследования южнобережных здравниц, подготовленным комиссией Управления госимениями Крыма, в период с января по июнь 1943 года на территории Ливадийского курорта воинские части не размещались и все здравницы входили в состав Госимения № 102 «Ливадия» [7, л. 12–23]. К концу 1943 года, в связи с обострением обстановки на фронтах, немецким командованием было принято решение усилить охрану побережья и активизировать борьбу с партизанами. Противодесантная оборона на участке от Ялты до Севастополя была возложена на 1-ю румынскую горно-стрелковую дивизию, горно-егерские батальоны которой равномерно размещались вдоль всего побережья. Один из них дислоцировался в Ливадии, о чём свидетельствует оригинальный документ, сохранившийся в крымском архиве. На четвертушке серой обёрточной бумаги от руки написано следующее заявление: «Г-ну майору румынского батальона. Просим Вашего разрешения на взятие навоза с в/конюшни в Ливадии для оранжерей и цветочно-огородного хозяйства госимения № 102 в Ливадии. Управляющий П. Реутов. 10/XII 43 г.».

Кроме того, в Ливадии были размещены отдельные подразделения полевой, береговой и зенитной артиллерии, а также вспомогательное формирование из местных добровольцев [8]. Где конкретно размещались перечисленные подразделения, автору неизвестно, но, по свидетельству архивных документов, все здания дворцового типа, включая Ливадийский дворец, находились на консервации и не эксплуатировались [9, л. 78].

Отдельные источники, касающиеся военного периода истории Крыма, содержат информацию о том, что Э. Манштейн получил от фюрера не только звание фельдмаршала, но и один из южнобережных дворцов. В мемуарах маршала А. М. Василевского об этом сказано: «Фашисты, отступая, взрывали и сжигали всё, что только успевали. Пострадали, в частности, многие дворцы на Южном берегу Крыма. Уцелело лишь здание неподалёку от Ялты — его Гитлер «подарил» в 1942 году Э. Манштейну, командовавшему тогда войсками, захватившими Севастополь» [10]. Ряд исследователей полагает, что речь идёт о «Кичкине» — дворце в имении великого князя Дмитрия Константиновича, дяди Николая II, но версию относительно Ливадийского дворца также нельзя полностью исключить. В её пользу свидетельствует расположение дворца — он действительно находится ближе остальных к Ялте и почти не пострадал при отступлении немцев, да и сам фельдмаршал, как известно, особо выделял именно Ливадию. Весной 1944 года отступавшие части вермахта действительно разрушали уцелевшие коммуникации, однако прямого указания уничтожать дворцовые постройки бывших имений их приказы не содержали.

Когда речь заходит об ущербе, причинённом Ливадии в годы войны, прежде всего на память приходят получившие широкую известность газетные публикации послеоккупационного периода. Яркие, эмоциональные, построенные на свежем мимолётном впечатлении, они отлично передают общее настроение времени, мало заботясь об отражении фактического положения дел. «Все здания санаториев загрязнены настолько, что порой трудно сказать, кто здесь находился — люди или животные. Нет большой разницы между санаториями, которые немцы использовали под конюшни, и теми, где жили сами...» [11]. Более детальную информацию о послеоккупационном состоянии Ливадийского курорта содержит «Акт ущерба, причинённого немецко-фашистскими захватчиками санаторию № 10 имени Сталина НКЗ СССР»

№ 23 от 30 июня 1944 года, подготовленный комиссией под председательством директора Ливадийской курортной конторы Р. Р. Назарова [12, л. 89–93]. В нём, в частности, говорится: «За период немецкой оккупации, за время с 7 ноября 1941 года по 16 апреля 1944 года, в результате хищнической эксплуатации помещений и инвентаря, а также его вывоза, намеренного уничтожения и порчи, санаторию был нанесён огромный ущерб. Как отдельные факты, характеризующие варварское отношение к ценностям, можно привести следующее: а). В зиму 1941–1942 года мебелью производили топку печей. Из мебели делали ящики для посылок награбленного в Германию. б). Декоративный парк вырубался на топливо и устройство оборонительных сооружений. в). В разное время были уничтожены жилые дома на топливо и оборонительные сооружения, в том числе частично уничтожен Ливадийский зимний театр. г). В бывшем восточном корпусе дворцового типа в помещении рентгенкабинета содержались свиньи. д). В бывшем царском Большом дворце осенью 1943 года были сорваны все бронзовые художественные перила лестниц, дверные ручки, оконные шпингалеты, печные приборы и всё это было вывезено в Германию. е). При бегстве под натиском Красной Армии 12–14 апреля 1944 года были подожжены бывшие Свитский и Восточный корпуса дворцового типа, которые пострадали от пожара частично лишь потому, что местное население пожары ликвидировало. Кроме того, оккупанты производили стрельбу по окнам помещений, разбивали мебель, музыкальные инструменты, трюмо и прочие украшения». Огнём действительно была уничтожена часть полов, оконных и дверных переплётов в одном из помещений Свитского корпуса, а также повреждены интерьер и мебель парадного приёмного кабинета в Ливадийском дворце [13, л. 50; 14, фото 1080].

Согласно сделанному комиссией выводу, общий размер ущерба, причинённого Ливадийскому курорту, составил 15 992 905 руб., третью часть которого — 5 296 691 руб. —

составили оставленное без эвакуации, полностью уничтоженное и разграбленное медицинское оборудование, транспортные средства, запасы продуктов питания, топлива, белья и пр. Суммарная стоимость полностью разрушенных зданий и сооружений составила около 3 % общей суммы ущерба — 551 771 руб. Таких объектов в Ливадии насчитали 27 единиц, включая 15 построек хозяйственного назначения (коровники, конюшни, складские помещения и пр.), восемь объектов культурно-бытового назначения (курортный зал с киносценой, танцплощадка, медпавильон и навесы на пляже и пр.), а также четыре жилых дома, в том числе один каменный. При этом полностью выгоревший в период безвластия в начале ноября 1941 года Малый Ливадийский дворец в этот перечень по непонятным причинам не вошёл. Особый интерес представляют сведения о состоянии самого Ливадийского дворца, включённого в группу семи построек культурно-бытового назначения, принадлежавших санаторию № 10 имени Сталина Наркомздрава РСФСР. Согласно акту ущерба, из зданий «дворцового типа» наиболее пострадал именно Большой дворец, получивший повреждение 22,7% площади (7831,5 куб. м), оценённое в 3 915 750 руб. При этом каких-либо конкретных сведений о выявленных повреждениях документ не содержит. «Все помещения требуют очистки...» — вот главный вывод комиссии о состоянии Ливадийского дворца! [15, л. 50]. При подготовке здравницы к эксплуатации выяснилось, что все основные её инженерные коммуникации, включая электрооборудование, водопровод, канализацию, находятся в удовлетворительном состоянии и функционируют. Всё это позволило уже к середине мая 1944 года на базе главной ливадийской здравницы, включая Большой дворец, при минимальных затратах на его ремонт, составивших 42 145 руб. 23 коп. (около 1 % суммы ущерба), развернуть 1200 коек для первой очереди раненых специализированного эвакогоспиталя № 2343 4-го Украинского фронта [16, л. 2, 3, 5–7].

Использованные источники и литература

1. Маништейн Э. Утерянные победы : пер. с нем. Ростов н/Д : Феникс, 1999. 640 с.
2. Крымская газета. 2002. 23 окт.
3. Вечерний Минск. 1982. 23–26 сент.
4. ГАРК. Ф. Р-1473. Оп. 1. Д. 2.
5. ГАРК. Ф. Р-1473. Оп. 1. Д. 4.
6. ГАРК. Ф. Р-1473. Оп. 1. Д. 1.
7. ГАРК. Ф. Р-1473. Оп. 1. Д. 5.
8. История городов и сёл Украинской ССР : в 26 т. Крымская область. Киев : Глав. ред. УСЭ, 1974. 624 с.
9. ГАРК. Ф. Р-1473. Оп. 1. Д. 2.
10. Василевский А. М. Дело всей жизни. М. : Изд-во полит. лит., 1974. 530 с.
11. Красный Крым. 1944. 30 апр.
12. ГАРК. Ф. Р-3868. Оп. 1. Д. 4.
13. ГАРК. Ф. Р-4093. Оп. 1. Д. 384.
14. ГАРК. Ф. Р-4262. Оп. 5. Д. 3.
15. ГАРК. Ф. Р-4093. Оп. 1. Д. 384.
16. ГАРК. Ф. Р-3868. Оп. 1. Д. 17.

Pluzhnik P. B.

LIVADIA DURING THE NAZI OCCUPATION AND THE STATE OF THE PALACE BY THE SPRING OF 1944

The article is devoted to the study of the military period in the history of Livadia. The author provides information reflecting the events that took place on the territory of the former Livadia resort before, during and after the Nazi occupation of 1941–1944. Particular attention is paid to the dramatic events of July 5, 1942 and the functioning of the Yalta district state estate № 102 sanatorium-resort economy “Livadia”, created by the German administration to ensure the safety of the property of the former South coast health resorts and the production of agricultural products, as well as the organization of life of the Livadia community during the occupation. The article presents a brief description of the material damage caused to the sanatorium plant. Stalin № 10 NKZ of the USSR and Livadia Palace during the occupation. The topic is poorly understood and requires further research.

Keywords: Livadia, climatic health resort, military, occupation, rural management, hoshimina of the damage to the hospital.

А. Д. Попов

*кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России
исторического факультета Таврической академии
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского» (г. Симферополь)*

МЕТАМОРФОЗЫ ПАМЯТИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАЗДНОВАНИЯ ДНЯ ПОБЕДЫ В 1955 И 1985 ГОДАХ¹

Аннотация. В статье на основе материалов публичного дискурса и эго-источников автор даёт сравнительную характеристику празднования Дня Победы в 1955 и 1985 годах на общесоюзном и региональном уровне, уделяя особое внимание городам-героям. Проведённый анализ сценариев и общественного контекста празднования позволяет утверждать, что после брежневского «мемориального поворота» символический статус Дня Победы в СССР многократно повысился и в 1985 году юбилейные торжества достигли своей кульминационной точки за весь советский период.

Ключевые слова: публичная история, коллективная память, Великая Отечественная война, День Победы, юбилей, праздник, город-герой, СССР.

В процессе формирования коллективной памяти о событиях прошлого огромное значение имеет мемориальный календарь, который представляет собой иерархичную матрицу памятных дат, годовщины и особенно юбилеи которых становятся катализаторами активных коммеморативных практик. Для памяти о Великой Отечественной войне начиная с 9 мая 1945 года главным событием мемориального календаря является День Победы. Однако при анализе исторической по-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-09-00576).

литики государства по отношению к этой дате очевидными становятся обусловленные различными причинами метаморфозы празднования Дня Победы. Именно поэтому актуальной представляется попытка сравнить празднование 10-летия (1955 г.) и 40-летия (1985 г.) Победы, чтобы чётко зафиксировать характерные для празднования этой исторической даты атрибуты в советской культуре памяти до и после так называемого брежневского мемориального поворота 1960–1970-х годов [подробнее см.: 1; 2; 17; 18].

В 1945–1947 годах День Победы советского народа в Великой Отечественной войне (9 мая) официально являлся нерабочим днём. Затем, вплоть до 1965 года, при сохранении праздничного статуса он не был выходным днём. Поэтому в 1955 году основные праздничные мероприятия состоялись не 9 мая (понедельник), а в воскресный день 8 мая. Именно тогда в Москве, в здании Большого театра, состоялось торжественное собрание представителей советских, партийных, общественных организаций, Советской армии и Военно-морского флота, посвящённое Дню Победы. Несмотря на присутствие в зале высшего государственно-партийного руководства страны (Н. А. Булганин, К. Е. Ворошилов, Н. С. Хрущёв), с основным докладом выступил главнокомандующий сухопутными войсками, маршал Советского Союза И. С. Конев. В своей речи он всего дважды кратко упомянул имя Сталина, профиль которого (вместе с профилем В. И. Ленина) всё ещё являлся центральным визуальным элементом праздничного оформления зала [подробнее см.: 1, с. 116]. Главным лейтмотивом этого доклада была констатация огромного значения Победы для Советского Союза и всего прогрессивного человечества. Говорилось о том, что эта Победа была достигнута благодаря совместным усилиям советского народа и его Вооружённых сил, советского правительства и Коммунистической партии, причём последняя называлась «вдохновителем и организатором всех наших побед» [13, 1955, 9 мая]. Кроме того, для этой речи была характерна присущая советскому

публичному дискурсу в целом мобилизационная риторика, которая, как справедливо отмечает исследовательница А. Кирзюк, всегда имела два основных вектора: «на ударный труд» и «на разгром врага» [7, с. 51–52]. С одной стороны, докладчик подчеркнул, что «советский народ упорно трудится над выполнением величественных задач, поставленных нашей Коммунистической партией и направленных на дальнейшее укрепление могущества нашей Родины и повышение благосостояния советского народа. Наша страна находится в полном расцвете своих творческих сил и уверенно идёт вперёд по пути строительства коммунизма». С другой стороны, он заявил, что «если империалистический лагерь навяжет нам войну, то советский народ и его Вооружённые силы [вновь] сумеют постоять за свободу и независимость» [13, 1955, 9 мая]. Таким образом, нельзя согласиться с утверждением Г. Бордюгова, что в своём докладе И. С. Конев «говорил исключительно о военных аспектах Великой Отечественной [войны] и одержанной в ней Победы» [2, с. 180].

Парадоксально, но на тот момент в Москве (в отличие от столиц других стран социалистического блока — Восточного Берлина, Праги и др.) не существовало ни одного статусного мемориального сооружения или комплекса, посвящённого памяти о Великой Отечественной войне. В этих условиях главным центром общественной коммеморации стал Центральный парк Советской Армии. По всей видимости, ключевую роль в выборе именно этого места имело то обстоятельство, что он примыкал к Центральному музею Советской Армии, где хранилось Знамя Победы. 8 мая 1955 года тысячи трудящихся Москвы и военнослужащих Московского гарнизона посетили этот парк, где экспонировалось Знамя Победы, были организованы выступления Героев Советского Союза, а также состоялись народные гулянья [13, 1955, 9 мая; 14, 1955, 10 мая]. Но в целом, как утверждает Г. Бордюгов на основе анализа периодики, отмечавшееся накануне (7 мая 1955 г.) празднование 200-летия Московского государ-

ственного университета имело даже больший размах народных гуляний москвичей, чем празднование 10-летия Победы [2, с. 181–182].

Единственным знаковым событием непосредственно 9 мая 1955 года стал традиционный праздничный артиллерийский салют тридцатью залпами, который по приказу министра обороны Советского Союза Г. К. Жукова был произведён в Москве, столицах союзных республик и городах-героях Ленинграде, Сталинграде, Севастополе и Одессе [13, 1955, 9 мая].

Благодаря интернет-ресурсу «Прожито», содержащему значительный корпус дневниковых записей XIX–XX веков, можно реконструировать повседневность людей в 10-ю годовщину Победы. Большинство из них было занято интенсивным трудом: например, главный агроном колхоза «Рассвет» Л. Я. Горелик в своей дневниковой записи от 9 мая 1955 года описывает рутинные агрономические мероприятия по вспашке и удобрению полей [3]. Только в дневнике советского писателя Э. Г. Казакевича (1913–1962) присутствует чёткая рефлексия по поводу отмечаемой даты: «10 лет со дня победы над Германией. Это гордое чувство — быть одним пусть из миллионов победителей, участников этой самой тяжёлой и самой великой из войн» [5].

На местном уровне праздничные мероприятия также не отличались особой пышностью и массовостью. В праздничном номере областной газеты «Крымская правда» были перепечатаны сообщения советских информационных агентств об официальных мероприятиях в Москве и в берлинском Трептов-парке, но ни слова не было сказано о том, как отмечали этот знаменательный день крымчане. Судя по другим источникам, наибольшие масштабы среди крымских городов имело празднование в Севастополе. Здесь, помимо общегородского торжественного собрания в Доме офицеров, состоялись собрания и митинги на кораблях Черноморского военно-морского флота. Севастопольцы массово возлагали венки

и цветы к обелиску на Сапун-горе и к другим военным памятникам, а на Историческом и Приморском бульварах прошли народные гулянья [13, 1955, 9 мая].

Поскольку празднование 40-летия Победы в 1985 году на общесоюзном и региональном уровне уже подробно описано в одной из работ автора [12], в данной статье хотелось бы акцентировать внимание только на самых ключевых моментах. Масштабы празднования отличались широчайшим размахом. Ещё 31 мая 1984 года было принято постановление ЦК КПСС «О 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». В этом документе предстоящий юбилей традиционно рассматривался как во внутриполитическом, так и в международном контексте. Подчёркивалось, что «Победа Советского Союза в Великой Отечественной войне со всей полнотой раскрыла преимущества социализма, его огромные экономические, социально-политические и духовные возможности» (хотя о перспективах коммунизма уже не упоминалось). Также указывалось на мессианское значение разгрома Германии для спасения всего мира: «Победа в Великой Отечественной войне была одержана советским народом во имя мира и жизни на Земле. Своим избавлением от угрозы фашистского порабощения, своей свободой человечество в огромной мере обязано первому в мире социалистическому государству...» [10, с. 583, 585]. В резолютивной части документа было намечено проведение целого комплекса политико-идеологических, социальных, информационных, зрелищно-массовых, творческих, научных, спортивных и туристических мероприятий, приуроченных к 40-летию Победы [10, с. 585–589].

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1985 года все оставшиеся в живых ветераны войны — бывшие военнослужащие Красной армии, партизаны и подпольщики были награждены орденами Отечественной войны I или II степени. Окончательно сформировался перечень населённых пунктов, удостоенных почётного статуса

городов-героев — 6 мая 1985 года такой чести были удостоены Мурманск и Смоленск [13, 1985, 7 мая]. Города Борисов, Волоколамск, Изюм, Можайск, Нальчик, Тирасполь и Шяуляй были награждены орденом Отечественной войны I степени [13, 1985, 8 мая].

9 мая 1985 года на Красной площади в Москве состоялся грандиозный военный парад, который своими масштабами превзошёл парады 24 июня 1945 и 9 мая 1965 года. Его отличительной особенностью, в частности, было прохождение перед действующими военнослужащими и военной техникой отдельных колонн Героев Советского Союза, полных кавалеров ордена Славы, ветеранов Красной армии, Войска Польского и Чехословацкой народной армии, партизан и подпольщиков, тружеников тыла. Кроме Знамени Победы и штандартов всех фронтов, было пронесено 150 знамён дивизий и полков Красной армии, наиболее отличившихся во время войны. Парад на Красной площади и другие праздничные мероприятия транслировались по центральному телевидению [см.: 11], их освещали тысячи отечественных и зарубежных журналистов.

Кульминацией торжества стал праздничный артиллерийский салют из сорока залпов, который был проведён в Москве, столицах союзных республик, городах-героях, а также во Владивостоке, Куйбышеве, Львове, Новосибирске, Ростове-на-Дону, Свердловске, Североморске, Хабаровске и Чите [13, 1985, 9 мая].

На основе эго-источников можно попытаться реконструировать общественную реакцию относительно празднования 40-летия Победы у разных поколений советских граждан. Пожалуй, наиболее яркие воспоминания об этом событии остались у тех, кто в то время был ребёнком: «9 мая 1985 года. Мне было шесть лет. Мы с папой были на параде на Красной площади. Я была в красной шапочке, и нас показывали по телевизору. Ощущение радостного и светлого помню. И впечатление от мощи советской армии тоже помню

(особенно от танков и чеканящих шаг военных)» [8]. Что же касается представителей поколения «фронтовиков», то, судя по дневникам известного хирурга и учёного Н. Амосова, кинодраматурга А. Гребнева, заместителя заведующего Международным отделом ЦК КПСС А. Черняева, для них самым важным в восприятии очередного юбилея Победы были не внешние атрибуты торжества, а размышления по поводу достаточно неожиданного для многих упоминания в праздничном докладе М. С. Горбачёва личности Сталина. Действительно, недавно пришедший к власти генсек, вектор будущего политического курса которого ещё во многом оставался загадкой для общественности, с трибуны Кремлёвского дворца съездов заявил о том, что «гигантской работой на фронте и в тылу руководили партия, её Центральный Комитет, Государственный комитет обороны во главе с Генеральным секретарём ЦК ВКП(б) Иосифом Виссарионовичем Сталиным» [13, 1985, 9 мая]. Причём оценки авторов дневников относительно этого упоминания расходятся: Амосов высказывается на этот счёт скорее положительно, а Гребнев и Черняев — критически. В частности, Анатолий Гребнев 9 мая 1985 года написал в своём дневнике: «Вчера — торжественное заседание... При упоминании Сталина (а как было не упомянуть!) — в зале долгие аплодисменты; докладчик пытался продолжать, но пришлось остановиться на полуслове — зал не переставал аплодировать: старые люди соскучились по вождю молодости» [4].

Для того чтобы представить масштабы празднования на региональном уровне, остановимся на примере Керчи. В то время Керчь, в 1973 году удостоенная звания города-героя, с административно-территориальной точки зрения являлась городом областного подчинения с населением около 170 тысяч человек. Уже в начале юбилейного года трудящиеся Керчи присоединились к инициативе волгоградцев, бросивших призыв сделать 1985-й годом ударного труда в честь 40-летия Победы и каждый месяц посвящать трудовые сверше-

ния одному из городов-героев. Это движение, подхваченное и другими городами, получило название «Всесоюзная трудовая Вахта памяти» [6, 1985, 19 января]. Как и в других населённых пунктах СССР, 4 мая 1985 года в Керчи прошёл «внеплановый» массовый субботник.

5 мая 1985 года на территории входящего в керченскую городскую агломерацию посёлка Героевское был торжественно открыт мемориальный комплекс, посвящённый памяти участников Керченско-Эльтигенской десантной операции осени 1943 года [9, 1985, 7 мая]. Решение о сооружении здесь масштабного мемориала, из-за своего оригинального архитектурного решения получившего название «Парус» (скульпторы Л. Тазьба, С. Ковнер, архитектор О. Шахов), было принято ЦК Компартии Украины ещё 28 февраля 1968 года. Однако только к 40-летию Победы, вопреки многочисленным финансовым и организационно-техническим трудностям, строительство было завершено.

В тот же день в непосредственной близости от нового мемориального объекта был открыт Музей истории Эльтигенского десанта, ставший обособленным структурным подразделением Керченского историко-археологического музея. Многие экспонаты и документальные материалы для музея были переданы участниками начавшего свою работу в 1973 году поискового героико-патриотического клуба «Эльтиген». Также в канун Дня Победы в Керчи была открыта картинная галерея, экспозиция которой полностью состояла из произведений московского художника-баталиста, народного художника РСФСР Николая Бута, посвящённых героической обороне Аджимушкских каменоломен в 1942 году [6, 1985, 10 мая].

Вечером 8 мая 1985 года состоялось ставшее традиционным для Керчи с 1960-х годов факельное шествие керчан к памятнику-obelisku, расположенному на вершине возвышающейся над городом горы Митридат, где состоялся массовый митинг-реквием. Вот как описывал это событие один из

очевидцев: «Могучая огненная река заполнила улицы родного города. Плавно течёт она, её поток устремляется вверх, как символ стремления юных сердец к Миру, Счастью, Свету <...> Молодёжь, комсомольцы слушают слова ветеранов войны, клянутся быть достойными их, “жить, гореть, себя не жалеть, чтобы людям жилось светлее”» [6, 1985, 11 мая].

Непосредственно 9 мая состоялась традиционная встреча ветеранов в сквере имени пионера-героя Володи Дубинина, вновь были возложены венки и цветы к мемориалу на горе Митридат и другим памятникам города, а в полдень состоялся массовый митинг на центральной площади Керчи с участием нескольких десятков тысяч человек [9, 1985, 10 мая].

Таким образом, в 1955 году День Победы отмечался как праздничный, но рабочий день. При этом отсутствовали такие ставшие впоследствии привычными атрибуты празднования, как военные парады, массовые концертно-зрелищные мероприятия, юбилейные награждения государственными наградами. Объектами поминовения погибших и чествования их памяти становились в то время ещё относительно немногочисленные памятники и братские могилы, расположенные непосредственно на местах боёв Великой Отечественной войны (чаще на рубежах обороны города, нежели в самом городе). В середине 1950-х годов на территории СССР ещё не было ни одного крупного мемориального комплекса в память о событиях Великой Отечественной войны, которые впоследствии появились в Волгограде, Ленинграде, Севастополе, Киеве и многих других городах. Не существовало таких символических объектов коммеморации, как Вечные огни и Могилы неизвестного солдата [подробнее об их возникновении см.: 15; 16]. Масштабная инфраструктура «мест памяти» на всей территории СССР появилась только в 1960–1980-х годах. В то же время официальная риторика относительно Великой Победы, связанная с её внешнеполитическими и внутривнутриполитическими интерпретациями, в основном оставалась неизменной.

Использованные источники и литература

1. Болтунова Е. «Пришла беда, откуда не ждали»: как война поглотила революцию // Неприкосновенный запас. 2017. № 6. С. 109–128.
2. Бордюгов Г. А. Октябрь. Сталин. Победа. Культ юбилеев в пространстве памяти. М. : АИРО-XXI, 2010. 256 с.
3. Дневник агронома Льва Горелика [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://prozhito.org/notes?date=%221955-01-01%22&diaries=%5B1742%5D> (дата обращения: 10.03.2019).
4. Дневник кинодраматурга Анатолия Гребнева [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://prozhito.org/notes?date=%221985-01-01%22&diaries=%5B559%5D> (дата обращения: 10.03.2019).
5. Дневник писателя Эммануила Казакевича [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://prozhito.org/notes?date=%221955-01-01%22&diaries=%5B149%5D> (дата обращения: 10.03.2019).
6. Керченский рабочий : печатный орган Керченского горкома КПУ и городского Совета народных депутатов.
7. Кирзюк А. А. Война и Победа в официальном дискурсе позднесоветской эпохи // Парадигма : философско-культурологический альманах. Вып. 18. СПб., 2011. С. 50–62.
8. Комментарии к посту «А кто-нибудь помнит, как отмечали в СССР 9 мая в 1985 году?» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://https://76-82.livejournal.com/2033824.html> (дата обращения: 11.02.2019).
9. Крымская правда : печатный орган Крымского обкома КПУ и областного Совета народных депутатов.
10. О 40-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 14: 1981–1984. М., 1987. С. 582–589.
11. Парад Победы 1985. 40 лет Победы [телевизионная трансляция] [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=0OzWl5GlSSY> (дата обращения: 15.04.2018).
12. Попов А. Д. Празднование 40-летия Победы и тенденции развития исторической памяти о Великой Отечественной войне в последнее советское десятилетие // Российские регионы: взгляд в будущее. 2018. Т. 5, № 2. С. 15–34.

13. Правда : печатный орган Центрального комитета КПСС.
14. Советская культура : орган Министерства культуры СССР.
15. Юдкина А. Могила Неизвестного солдата в советском мемориальном ландшафте // Memento Mori: похоронные традиции в современной культуре. М. : ИЭА РАН, 2015. С. 256–279.
16. Юдкина А. «Памятник без памяти»: первый Вечный огонь в СССР // Неприкосновенный запас. 2015. № 3 (101). С. 112–135.
17. Davis V. Myth Making in the Soviet Union and Modern Russia: Remembering World War Two in Brezhnev's Hero City. London : I. B. Taurus, 2018. 351 p.
18. Tumarkin N. The Living & The Dead: The Rise and Fall of the Cult of World War II in Russia. N. Y. : Basic Books, 1994. 242 p.

Popov A. D.

Memory Metamorphoses: the Comparative Analysis of Celebration of the Victory Day in 1955 and 1985

Abstract. *In the article on the basis of materials of the public discourse and personal sources the author gives comparative characteristic of celebration of the Victory Day in 1955 and 1985 at the all-union and regional level, paying special attention to hero-cities. The carried-out analysis of scripts and a public context of celebration allows to claim that after Brezhnev's "memorial turn" the symbolical status of the Victory Day in the USSR repeatedly increased and in 1985 anniversary celebrations reached the culmination point for all Soviet period.*

Keywords: *public history, collective memory, Great Patriotic War, Victory Day, anniversary, holiday, Hero City, USSR.*

А. А. Сидоров

кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики МГУ имени М. В. Ломоносова (г. Москва)

«ЯЛТИНСКИЙ ПОРЯДОК» И НАЧАЛО ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ В АЗИИ (1945–1951 гг.)

Аннотация. *Статья посвящена анализу происхождения холодной войны в Азии в контексте создания, эволюции и разрушения международной системы, сформированной на конференциях в Ялте и Потсдаме. По мере приближения конца Второй мировой войны сложившийся для борьбы с «державами оси» союз между Соединёнными Штатами и Советским Союзом стал разрушаться. Обе стороны сознавали, что их представления о будущем Европы и всего мира несовместимы друг с другом. В Европе они скоро оказались вовлечены в борьбу за военное, политическое, экономическое и идеологическое превосходство. Но в Азии как советское, так и американское правительство надеялось на то, что две самые могущественные страны мира смогут избежать открытого конфликта и сохранить статус-кво по крайней мере на некоторое время. «Ялтинский порядок» в Азии, предполагавший согласование позиций только двух игроков, упрощал решение вопросов и, в отличие от Европы, обеспечивал определённую стабильность. Положение изменилось, когда на фоне общего обострения советско-американских отношений был нарушен баланс сил между СССР и США на Дальнем Востоке. В качестве главного разрушителя выступил Китай, идеологически объединённый под властью коммунистов и вдохновлённый национальной идеей. Начало войны в Корее привело к формированию Сан-Францисской системы в АТР.*

Ключевые слова: *международные отношения, послевоенный порядок, Ялтинская система, Азиатско-Тихоокеанский регион, администрация Трумэна, холодная война, Сан-Францисская система.*

Вторая мировая война явилась одним из тех крупных «тектонических» сдвигов во всемирной истории, который привёл к деформации всей системы международных отношений. Гигантские масштабы боевых действий и взаимное ослабление вовлечённых в них стран обусловили снижение роли Европы как глобального «центра силы» и предопределили одновременное возвышение двух сверхдержав — СССР и США. «Соглашения, подписанные в Ялте в феврале 1945 г., — отмечал видный российский историк-американист А. И. Уткин, — фактически дали Советскому Союзу контроль над третьей частью мира, а Соединённым Штатам — над остальными двумя третями» [9, с. 96]. Провозглашённые в решениях Ялтинской и Потсдамской конференций принципы открывали широкие возможности установления более стабильного и безопасного мирового порядка. Однако с разгромом общего врага исчезло и единство цели, которое объединяло союзников в военные годы. Как следствие, и отношения между ними стали стремительно ухудшаться.

Коррозия «ялтинской системы» началась практически сразу после смерти одного из её главных гарантов — американского президента Ф. Д. Рузвельта. Её проявлением стали попытки пересмотра администрацией сменившего его Г. Трумэна достигнутых на Крымской конференции договорённостей в отношении Польши, Болгарии и Румынии. Но усилия Вашингтона вынудить СССР принять американское видение мира натолкнулись на ожесточённое сопротивление Москвы. Постепенный переход США к стратегии «сдерживания коммунизма», окончательно оформленный доктриной Трумэна в качестве стержневого элемента американской политики в отношении Советского Союза в марте 1947 года, привёл к возникновению феномена холодной войны. Её главным фронтом стал континентальная Европа, где противостояние двух сверхдержав, создавших впоследствии собственные военно-политические блоки, носило ярко выра-

женный бескомпромиссный характер и легко могло перейти в прямое военное столкновение.

Вместе с тем в течение первых пяти послевоенных лет обе стороны демонстрировали явное нежелание распространять их противостояние на Дальний Восток. В результате победы над фашизмом могущество и влияние СССР многократно возросло, в то время как от капиталистической системы отпало около десятка европейских и азиатских государств, в Западной Европе заметно усилились позиции коммунистических и рабочих партий, а в Азии, Африке и Латинской Америке развернулось национально-освободительное движение. Оценивая события на международной арене, советское руководство считало, что время работает на СССР: в мире назревает революционный подъём, который заставит «реакционные круги» Запада пойти на уступки в вопросах послевоенного строительства. И. В. Сталин и его окружение надеялись, что в таких условиях Советскому Союзу удастся настоять на выполнении договорённостей, достигнутых на конференциях в Ялте и Потсдаме, не вступая в конфронтацию с западными партнёрами. Во избежание осложнений с США и Англией советское правительство даже готово было уступить по «периферийным» вопросам, согласившись на вывод своих войск из Ирана, Маньчжурии и Северной Кореи [29, p. 45].

Администрация Трумэна во внешнеполитических вопросах придерживалась вильсонианских взглядов, то есть была проникнута идеями американского лидерства и не признавала раздела мира на зоны влияния. Она не только не хотела повторять «ошибок 1919 года», но, продолжая курс своей предшественницы, завершила процесс создания целого ряда глобальных международных институтов, таких как ООН, МВФ, МБРР, фундамент которых был заложен ещё в военные годы. В региональном разрезе вновь обрётённый глобализм предполагал не просто присутствие в критиче-

ски важных, с точки зрения интересов США, регионах, но и контроль над происходящими в них событиями. В силу своей удалённости и неопределённости перспектив развития Восточная Азия не представляла тогда для них большого интереса ни с экономической, ни с военной точки зрения. В американской шкале приоритетов она занимала место после Европы, Ближнего Востока, Северо-Западной Африки и Латинской Америки.

Ялтинские договорённости по Дальнему Востоку фактически фиксировали раздел региона на сферы влияния. Советский Союз добился осуществления своих стратегических целей — отделения Внешней Монголии от Китая для создания широкой буферной зоны и восстановления контроля над Маньчжурией с доступом к портам Далянь (Дальний) и Порт-Артур. Добавив к ним территориальные приобретения в виде Курил и Южного Сахалина, СССР сделал ставку на закрепление сложившегося статус-кво. Об отсутствии у советского руководства намерений изменить положение в регионе в августе 1947 года сообщал Объединённый комитет военного планирования США, утверждавший, что «захват... Азии даст СССР немного военных преимуществ и существенно не увеличит его общий военный потенциал» [14, р. 78].

В сферу интересов Великобритании попадала Южная и Юго-Восточная Азия, а Соединённые Штаты получили контроль над Японией и бассейном Тихого океана. Хотя обе супердержавы старались не форсировать события в Азии и предпочитали постепенно укреплять здесь свои позиции, углублявшиеся противоречия в отношениях между ними так или иначе сказывались и на урегулировании дальневосточных проблем. Серьёзные разногласия между супердержавами фактически привели к блокированию работы межсоюзнических органов, таких как Совет министров иностранных дел (СМИД), Дальневосточная комиссия и Союзный совет для Японии.

Тем не менее и Советский Союз, и Соединённые Штаты стремились избегать там прямой конфронтации, сохраняя «ялтинский порядок». В отличие от разделённой на оккупационные зоны Германии, вызывавшей постоянные трения между бывшими союзниками, побеждённая Япония была занята только американскими войсками. Превращение её в «оплот американского империализма» вызывало определённые опасения в Москве, но первоначально они сглаживались надеждой на постепенную нейтрализацию страны и удаление оттуда иностранных войск. Оккупационными властями были осуществлены крупные политические и экономические преобразования. 3 ноября 1946 года была принята новая конституция, лишившая императора реальной власти, которая перешла к парламенту. Конституция провозглашала демократические свободы и равенство прав граждан вне зависимости от социального статуса и пола, вводила принцип разделения властей, запрещала детский труд. Девятая статья фиксировала отказ Японии от создания вооружённых сил. Глубокому реформированию подверглась экономическая жизнь страны, началась монополизация промышленности, была проведена аграрная реформа, в результате которой в стране появился слой мелких фермеров [6, с. 256–270].

Наряду с преобразованиями в Японии, которые осуществляли исключительно американцы, союзникам пришлось решать тяжелейшую задачу, связанную с изъятием её владений, в первую очередь Кореи. В соответствии с ялтинскими соглашениями капитуляцию японских войск должны были на севере принимать представители советского командования, а на юге — американского. В Потсдаме была определена линия разграничения зон оккупации, проходившая по 38-й параллели, то есть чётко посередине Корейского полуострова. Вся территория Кореи была освобождена Советской армией, американцы появились там только 8 сентября 1945 года. В сфере стратегических интересов США она в то

время не входила. Предполагалось, что в будущем на её территории образуется единое независимое демократическое Корейское государство. СССР, который непосредственно граничил с Кореей, вариант с превращением её в своеобразную буферную зону и в перспективе в нейтральную страну вполне устраивал [1, с. 73].

Однако пути построения Корейского государства в Кремле и Белом доме виделись по-разному. В Вашингтоне полагали, что до обретения полной независимости Корея должна пройти две стадии внешнего управления: на первом этапе контроль должны были осуществлять советская и американская военные администрации, а на втором — специальный действующий от имени ООН административный орган, состоящий из представителей США, СССР, Великобритании и Китая. Советский Союз предлагал сформировать временное корейское демократическое правительство, которому и передать управление страной [8, с. 61–63]. Несмотря на то что после острой борьбы был принят советский вариант, его претворение в жизнь осложнялось внутренней борьбой корейских национальных сил.

В результате летом-осенью 1948 года на карте полуострова появились два государства: на юге — Республика Корея, на севере — Корейская Народно-Демократическая Республика (КНДР). Разделение страны на две части на тот момент отвечало устремлениям обеих сверхдержав, поскольку их позиции остались без изменений, а сама идея разграничения сферы советских и американских интересов представлялась вполне разумной. Раскол Кореи создал проблемы для стабильности регионального порядка в долгосрочном плане, но обеспечил сохранение «ялтинского равновесия» в краткосрочной перспективе. Учитывая то, что поддержание статус-кво противоречило объединительным, но взаимно антагонистичным интересам политических элит Северной и Южной Кореи, СССР и США приходилось следить за действиями своих «протеев» и по мере необходимости «одёргивать» их.

При всей важности Японии и Кореи ключевое значение для поддержания стабильности на Дальнем Востоке имел Китай, который оставался «вещью в себе», и мало кто в мире мог в то время сказать, в какую сторону качнётся там политический маятник [17, р. 238]. Размеры и географическое положение объективно делали его центральным элементом региональной структуры. Будучи членом Совета Безопасности ООН, Китай считался великой державой, хотя между формальным статусом и фактическим положением была «дистанция огромного размера». Реальным весом в международных делах он не обладал. После капитуляции Японии правительству Чан Кайши не удалось подчинить себе всю страну и консолидировать вокруг себя китайское общество. Северные и восточные районы, где в совокупности проживала четвёртая часть населения страны, находились под контролем Коммунистической партии Китая (КПК). Продолжавшаяся борьба за власть между гоминдановцами и коммунистами в середине 1946 года привела к возобновлению приостановленной в 1937 году гражданской войны. Ни одна из сверхдержав не была заинтересована в таком сценарии. Признавая слабость правящего режима, каждая из них по своим причинам стремилась смягчить позиции враждующих сторон и добиться хотя бы видимости их примирения.

В ноябре 1945 года Трумэн назначил генерала Д. Маршалла своим личным представителем в Китае. Перед ним была поставлена задача склонить Чан Кайши к проведению политических реформ, предполагавших ликвидацию однопартийной диктатуры, демократизацию, созыв парламента, расширение социальной базы режима и т. д. [3, с. 147–148]. Хотя в январе 1946 года Маршаллу удалось добиться заключения соглашения о перемирии между Гоминданом и КПК, выполнять его никто не собирался. С началом гражданской войны в Китае администрация Трумэна однозначно поддержала режим Чан Кайши. В июне Конгресс США принял

закон о военной помощи Китаю, а 4 ноября был заключён американо-китайский договор «О дружбе, торговле и мореплавании» [22, р. 354–366]. Наряду с ним было подписано ещё более десятка соглашений: о пребывании американских войск на территории Китая, об авиации, о военно-морском флоте и т. д. Приняв сторону Гоминдана, правительство Трумэна лишило смысла пребывание Маршалла в Китае. 7 января 1947 года он был отозван в США, где занял пост государственного секретаря.

Сближение Вашингтона и Нанкина имело серьёзные международные последствия, поскольку нарушало сложившийся статус-кво. На территории Китая появлялись военные базы США, которые создавали потенциальную угрозу советским военным и гражданским объектам. В таких условиях ни о каком «нейтральном» Китае уже не могло быть и речи. С декабря 1946 года СССР, наряду с мирной помощью (машины, топливо, продовольствие, медикаменты и т. д.), начал регулярные поставки вооружений войскам КПК. В Вашингтоне внутривнутриполитическое урегулирование в Китае стало восприниматься как сфера деятельности исключительно американской дипломатии. Когда возник вопрос о привлечении к посредничеству между Гоминданом и КПК советских представителей, Маршалл и посол в Китае Дж. Стюарт выступили против, объяснив свою позицию тем, что Чан Кайши будет этим недоволен и придётся приглашать ещё Францию и Англию [26, р. 600–601]. В феврале 1948 года Трумэн внёс в Конгресс законопроект о помощи Китаю, который 2 апреля стал законом. В соответствии с ним Китай получал 463 млн долларов: 125 млн в качестве «безвозмездного дара», а остальные как субсидию на поддержание платёжного баланса и стимулирование развития сельскохозяйственного и промышленного производства. По сравнению с ассигнованиями на помощь европейским странам по плану Маршалла размер китайского займа был не столь уж велик [16]. Однако никакая помощь уже не могла

спасти положения. К осени 1948 года КПК прочно овладела инициативой и падение правящего режима являлось лишь делом времени.

Если для администрации Трумэна крах гоминдановского Китая был предсказуем, то для американского общественного мнения он в какой-то мере стал неожиданностью. Решив заранее «объясниться» с оппонентами и широкой общественностью, Государственный департамент 5 августа 1949 года выпустил Белую книгу под названием «Отношения Соединённых Штатов с Китаем», массивный том, содержащий документы и разъяснения к ним. В книге давалась весьма критическая оценка внешнеполитической стратегии США в отношении Поднебесной и содержался намёк на то, что отныне всё будет по-другому [28]. Подчёркивая тот факт, что администрация Трумэна не несёт ответственности за падение гоминдановского режима, Госдеп стремился успокоить её политических противников, но не преуспел в задуманном. Немалая часть членов Конгресса, журналистского сообщества да и простых американцев была убеждена в том, что правительство Трумэна просто «сдало» Китай коммунистам [18, р. 13].

1 октября 1949 года в Пекине было объявлено об образовании Китайской Народной Республики (КНР). В тот же день коммунисты перешли в наступление на юге и овладели провинцией Гуанчжоу. Остатки войск и руководство Гоминдана спешно эвакуировались на остров Тайвань. Выход на международную арену огромной страны с населением около четверти жителей планеты кардинально менял ситуацию как в регионе, так и в мире в целом. Для США и СССР он стал проблемой, выходявшей далеко за рамки их взаимоотношений и имевшей несоизмеримо более серьёзные последствия глобального характера. Вполне логично было бы предположить, что, как молодая держава, Китай вступит в борьбу за сферы влияния в «своём» регионе, неизбежно конкурируя с другими крупными игроками

на Дальнем Востоке, прежде всего с США. Ключевой проблемой международных отношений в конце 1949 — начале 1950 года стал выбор КНР будущей внешнеполитической ориентации.

Первой страной, признавшей молодую республику, был Советский Союз. Его примеру последовали восточноевропейские государства, КНДР и МНР. Однако на деле приход к власти Мао Цзэдуна не слишком радовал советское руководство. В отличие от Чан Кайши, который согласился практически на все требования СССР, лидер КПК был менее сговорчив. Считая себя основателем нового Китайского государства, он хотел пересмотреть все неравноправные договоры, доставшиеся ему в наследство. Прежде всего речь шла о советско-китайском договоре о дружбе и союзе 1945 года и сопутствовавших ему соглашениях. Вопрос обсуждался во время визита Мао в Москву, продолжавшегося с декабря 1949 по февраль 1950 года [4, с. 83–93]. Мао хотел заключить новый договор, а И. В. Сталин — сохранить преимущества СССР в Китае по-старому. Он тянул с началом переговоров до тех пор, пока не почувствовал, что если Мао покинет Москву с пустыми руками, то советско-китайским отношениям будет нанесён серьёзный ущерб [29, р. 54]. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи был подписан 14 февраля 1950 года. Хотя Советский Союз всё же потерял ряд своих «ялтинских приобретений» (обязался отказаться от прав по совместному управлению КВЖД со всем принадлежащим дороге имуществом, передать КНР советское имущество в Дальнем и вывести войска из Порт-Артура), договор поднимал отношения двух стран на качественно новый уровень. СССР взял на себя обязательство оказать КНР помощь в восстановлении промышленности и предоставить заём в 300 млн долларов на льготных условиях. Стороны договорились об оказании вооружённой помощи друг другу в случае агрессии против одной из них.

Уступчивость, проявленная советской стороной, поражала даже современников [5, с. 145], но объяснялась она довольно просто: к началу 1950-х годов расстановка сил в Европе окончательно определилась. События 1947–1949 годов — провозглашение доктрины Трумэна, начало реализации плана Маршалла, Берлинский кризис, образование НАТО — недвусмысленно свидетельствовали о том, что возглавляемый США объединённый Запад взял курс на открытую конфронтацию с СССР. Кремль ответил ускорением строительства социалистического лагеря в Восточной Европе, проведением внутренних преобразований по советскому образцу в странах народной демократии, образованием Информационного бюро коммунистических и рабочих партий, которое напоминало западным державам о раздражавшем их Коминтерне, а также успешным испытанием 29 августа 1949 года первой советской атомной бомбы, положившим конец американской ядерной монополии. На фоне быстрого ухудшения отношений с западным блоком Советский Союз, не обладавший ни достаточными силами, ни прочной экономической базой, ни отлаженной системой межгосударственных отношений, ощущал свою уязвимость на Дальнем Востоке. Союз с КНР при всех его вероятных издержках отчасти компенсировал её.

Хотя советско-китайский договор не был непосредственно направлен против Соединённых Штатов, он предопределил поворот в их азиатской политике, которая в течение всего нескольких месяцев претерпела глубокую трансформацию. Изначально администрация Трумэна не рассматривала приход к власти в Китае коммунистов как собственное поражение. Опыт общения с руководством КПК показывал, что с ним вполне можно договориться. На завершающем этапе гражданской войны Мао Цзэдун отдавал предпочтение сближению с Вашингтоном, а не с Москвой, хотя в конце концов, исходя больше из прагматических соображений, нежели из идеологической близости, взял курс на сближе-

ние с СССР [11, р. 65–69]. В Вашингтоне предпочли не торопиться с признанием КНР, выдвинув в качестве условия необходимость соблюдения новой властью всех международных договоров и выполнения финансовых обязательств, взятых на себя прежним правительством. Такой подход был заведомо неприемлем для китайского руководства. Вопрос о дипломатическом признании КНР дебатировался в США в течение ноября 1949 — января 1950 года. Одновременно Госдепартамент старался удержать от такого шага другие государства, но не очень преуспел на этом поприще. Даже верный союзник Америки Великобритания 6 января 1950 года признала КНР де-юре [25, р. 371]. США остались в меньшинстве.

При определении своей политики в отношении «красного Китая» администрация Трумэна оказалась в весьма непростом положении. Она должна была продемонстрировать свою решимость бороться против распространения «коммунистической заразы» в Азии, масштабы которой, по её собственному признанию, были явно преувеличены. Но она не могла игнорировать общественное мнение в самих Соединённых Штатах, которое под влиянием широкой антисоветской пропаганды склонялось к тому, что активизация коммунистов в Китае, Вьетнаме, Индонезии и других азиатских странах режиссируется из Москвы и, как и в Европе, требует адекватного ответа со стороны всего «свободного мира». Осознание американским истеблишментом необходимости определения «линии сдерживания» в Восточной Азии нашло отражение в выдвижении концепции «тихоокеанского оборонительного периметра». Впервые в стенах Государственного департамента ещё в марте 1948 года её озвучил Д. Кеннан. Суть её состояла в том, что США не следует размещать вооружённые силы на азиатском материке, а стоит, полагаясь на свою морскую и воздушную мощь, провести стратегическую границу по прибрежным островам Японии, Филиппин и Юго-Восточной Азии. Идея

получила одобрение ОКНШ, ЦРУ и других ведомств, причастных к формированию внешней политики [14, р. 74]. Она нашла отражение в документе СНБ-20, подготовленном Советом национальной безопасности в ноябре 1948 года, и год спустя получила дальнейшее развитие в более детальном СНБ-48.

Мировой общественности концепция «тихоокеанского оборонительного периметра» была представлена в выступлении государственного секретаря Д. Ачесона в Национальном пресс-клубе 12 января 1950 года [13, р. 111–119]. Утверждалось, что, победив и разоружив Японию, США возложили на себя ответственность за её защиту, которая важна с точки зрения обеспечения безопасности как самой Америки, так и всего Тихоокеанского региона. Отсюда вытекал вывод о необходимости выстраивания «оборонительного периметра», граница которого должна проходить от Алеутских островов до Японии и далее через острова Рюкю до Филиппинского архипелага. Оставив вне «периметра» Южную Корею и Тайвань, администрация Трумэна посылая им сигнал, что Соединённые Штаты не могут гарантировать их безопасности [12, р. 31; 21, р. 65].

Наметив «островную линию сдерживания», Вашингтон представлял Китай как жертву, а не как нового стратегического противника. Однако заключение советско-китайского договора, наглядно подтвердившего выбор внешнеполитической ориентации КНР, расставило всё по своим местам. На фоне разгула маккартизма и демонизации коммунистов сближение Москвы и Пекина преподносилось американской общественности как прямая угроза интересам США на Тихом океане и в мире в целом. Если ранее администрация Трумэна не отвергала возможности нормализации отношений с новым китайским режимом, то есть рассчитывала сохранить статус-кво, то «окончательная победа коммунистов в Китае, подкреплённая советско-китайским договором, подтолкнула правительство к распространению

принципа сдерживания и на Дальний Восток» [15, р. 79]. Уже в следующей директиве СНБ, представленной президенту 7 апреля 1950 года (СНБ-68), содержалась идея о том, что Советский Союз «желает овладеть абсолютной властью над остальным миром» и представляет собой глобальный вызов, которому Соединённые Штаты должны противостоять «быстро и без колебаний». Китай как дружественная им страна ушёл в прошлое, и усилия американской дипломатии обратились на борьбу с ним. Интересы США и КНР столкнулись сначала в Юго-Восточной Азии, а затем на Корейском полуострове.

Точкой невозврата в переходе к биполярному противостоянию явилась Корейская война 1950–1953 годов. Ни Москва, ни Вашингтон, разделившие Корею по 38-й параллели на оккупационные зоны и не препятствовавшие образованию на них двух независимых государств, не были заинтересованы в военном конфликте на полуострове. Следуя разграничительной тактике, сверхдержавы вывели свои войска из Кореи и старались избегать любых действий, которые могли бы вовлечь их в прямое столкновение друг с другом. Но они не упускали случая укрепить свои позиции в регионе, оказывая поддержку своему протектору. США, не включив Южную Корею в свой «оборонительный периметр», в январе 1950 года подписали с ней соглашение о помощи во взаимной обороне, правда не конкретизировав её [24, р. 101]. СССР тоже не отставал. До весны 1950 года И. В. Сталин сдерживал порывы северокорейского лидера Ким Ир Сена объединить страну «революционным путём», но после образования КНР и подписания советско-китайского договора дал наконец своё согласие на проведение военной операции против Южной Кореи при условии одобрения её Мао Цзэдуном. Заручившись согласием Пекина, руководство КНДР отдало приказ войскам перейти демаркационную линию. Утром 25 июня 1950 года на Корейском полуострове началась война, продолжавшаяся более трёх лет.

Корейская война ускорила поляризацию сил на Дальнем Востоке. В Вашингтоне всё более склонялись к решению проблемы регионального устройства без участия СССР и Китая. Важнейшим моментом являлось создание структуры, которая обеспечивала бы безопасность на Тихом океане. После учреждения НАТО некоторые азиатские деятели начали поговаривать о создании «Тихоокеанского пакта» [27, р. 1125–1127, 1141–1142, 1145–1146]. В июле 1949 года данный вопрос обсуждался на встрече филиппинского президента Эльпидио Кирино с Чан Кайши, а затем, во время визита последнего в Сеул, — с Ли Сын Маном [27, р. 1152–1153, 1184]. Предполагалось, что, как и в Европе, США поддержат и возглавят антисоветский блок, но, вопреки ожиданиям, Госдепартамент отверг эту идею [23, р. 696]. Вашингтонские стратеги утверждали, что НАТО — продукт длительного процесса осмысления, в ходе которого западноевропейские страны тщательно проработали свой план коллективной обороны, прежде чем просить помощи у Америки. Предложение о Тихоокеанском пакте, напротив, расценивалось ими как стремление навязать Соединённым Штатам односторонние обязательства в области безопасности и получить финансовую и военную помощь [20, р. 151]. Интересно, что противодействие Ачесона пакту резко контрастировало с поддержкой им идеи создания аналогичной группировки в Юго-Восточной и Южной Азии, с которой в 1949 году выступил посол Филиппин в ООН Карлос Ромуло. Он предложил сформировать блок в составе Австралии, Бирмы, Цейлона, Индии, Индонезии, Кореи, Новой Зеландии, Филиппин и Таиланда [27, р. 1164].

Отказавшись от образования многосторонней организации в Восточной Азии, администрация Трумэна сделала упор на развитие двусторонних связей. Первой в списке потенциальных американских союзников в регионе по понятным причинам оказалась Япония. Раскручивание маховика холодной войны против СССР и победа коммунистов в Китае

заставили Вашингтон пересмотреть свою политику в отношении неё. В декабре 1948 года штаб оккупационных войск получил указание Белого дома срочно начать реализацию плана экономической стабилизации страны. Ей выделялась солидная помощь в размере 2,2 миллиарда долларов. В мае 1949 года Трумэн приказал аннулировать «промежуточный план» взимания с неё репараций, в июне был пересмотрен антимонопольный закон, а в августе распущена комиссия по декартелизации [19, р. 268]. Разворот в политике получил название «обратный курс», творцами которого считались банкир Д. Додж и профессор-экономист К. Шоуп. Претворяя в жизнь план превращения Японии в союзника, Соединённые Штаты взяли курс на заключение с ней мирного договора.

В мае 1950 года специальным советником Госдепартамента, ответственным за его заключение, был назначен Дж. Ф. Даллес. Под его началом был разработан и согласован с союзниками текст договора. Попытки СССР внести в него свои поправки и привлечь к его разработке КНР были отвергнуты. На состоявшейся в начале сентября в Сан-Франциско международной конференции мирный договор с Японией был подписан. Участвовавшие в конференции делегации Советского Союза, Чехословакии и Польши отказались поставить под ним подписи. Из азиатских государств договор не приняли КНР, Индия, Индонезия и Бирма. Договор закрепил порядок выплаты репараций союзникам и компенсаций пострадавшим от японской агрессии странам. В соответствии с ним Япония подтверждала свой отказ от Кореи, Тайваня, Пескадорских островов, Микронезии, от всех прав и претензий в Китае и Антарктиде, а также от Южного Сахалина и Курил [7, с. 89–104]. В тот же день, пятью часами позже, был заключён американо-японский Договор безопасности. Согласно ему, США получили право размещать на японской территории и «вблизи неё» свои войска для «поддержания международного мира и безопасности на Дальнем Востоке и для обеспечения безопасности Японии», а также

«для подавления крупных внутренних бунтов и беспорядков» по просьбе её правительства. Договор ограничивал суверенитет Японии, запрещая ей заключать военные соглашения с третьими государствами без получения предварительного согласия Вашингтона [2, с. 20–21].

Мирный договор с Японией и американо-японские соглашения, наряду с заключёнными в июле-августе 1951 года американо-филиппинским договором об обеспечении взаимной безопасности и Договором безопасности между Австралией, Новой Зеландией и США (АНЗЮС), способствовали структурированию транстихоокеанских отношений. Созданный ими политико-экономический порядок оказался настолько тесно связан с принятыми в Сан-Франциско документами, что получил название «Сан-Францисская система». В 1950-е годы она была дополнена соглашениями о взаимной безопасности США с Южной Кореей, Тайванем, Южным Вьетнамом, а также Манильским пактом и получила дальнейшее развитие в последующие десятилетия вплоть до настоящего времени [10, р. 151–152, 174–175, 195]. Её качественной характеристикой являлось наличие безусловного лидера в лице Соединённых Штатов, вокруг которых сформировалась сеть двусторонних альянсов. Вся структура напоминала колесо с втулкой и расходящимися во все стороны от него спицами (hub-and-spoke alliance). Она делала США («втулку») главным элементом всей системы, через который осуществлялась связь между всеми остальными союзными государствами («спицы») «тихоокеанского кольца». Благодаря Сан-Францисской системе место «исторического» Дальнего Востока занял современный Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), политический смысл существования которого заключался в «соединении» Америки и Восточной Азии, подобно тому как «изобретённый» после войны Североатлантический регион объединил США с западноевропейскими странами в рамках одного военно-политического союза.

* * *

Сан-Францисская система фактически заменила собой «ялтинский порядок», базировавшийся на договорённостях, достигнутых в годы Второй мировой войны на конференциях в Каире, Тегеране, Ялте и Потсдаме. Послевоенная обстановка в мире характеризовалась значительным отрывом Советского Союза и Соединённых Штатов от всех остальных истощённых войной и утративших былое могущество государств. На Дальнем Востоке после разгрома Японии, развёртывания гражданской войны в Китае и ослабления колониальных держав вообще не было ни одной страны, с которой они должны были бы считаться. Будучи союзниками во время войны, СССР и США в первые годы после неё делали ставку на сохранение статус-кво в Восточной Азии. Они стремились не допустить возрождения милитаризма в Японии, пытались примирить враждующие стороны в Китае и избегали конфронтации друг с другом, ради чего пошли на создание двух государств на Корейском полуострове и дистанцировались от конфликтов в Юго-Восточной Азии. «Ялтинский порядок» в Азии, предполагавший согласование позиций только двух игроков, упрощал решение вопросов и, в отличие от Европы, обеспечивал определённую стабильность.

Положение изменилось, когда на фоне общего обострения советско-американских отношений был нарушен баланс сил между СССР и США на Дальнем Востоке. В качестве главного разрушителя «ялтинской системы» в регионе выступил многомиллионный Китай, идеологически объединённый под властью коммунистов и вдохновлённый национальной идеей. Рухнули надежды американских правящих кругов на превращение его в дружественное государство, лояльное к интересам США. Образование КНР и сближение её с Советским Союзом, наряду с ростом повстанческих движений в Индокитае и Юго-Восточной Азии, обусловили обращение Вашингтона к стратегии «сдерживания». Подобно тому как

в Европе к созданию НАТО подтолкнул Берлинский кризис, в Азии стимулом к структуризации биполярного противостояния стала Корейская война. Она ознаменовала окончательный переход к холодной войне, которая из европейской превратилась в глобальную.

Использованные источники и литература

1. *Богатуров А. Д.* Великие державы на Тихом океане: история и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945–1995). М. : Конверт — МОНФ, 1997. 353 с.
2. *Вербицкий С. И.* Японо-американский военно-политический союз (1951–1970 гг.). М. : Наука, 1972. 284 с.
3. История дипломатии. 2-е изд. / под ред. А. А. Громыко [и др.]. Т. 5, кн. 1. М. : Политиздат, 1974. 750 с.
4. *Ковалёв И. В.* Диалог Сталина с Мао Цзэдуном // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 6. С. 83–93 ; 1992. № 1–2. С. 77–91.
5. *Ледовский А. М.* СССР, США и китайская революция глазами очевидца, 1946–1949. М. : ИДВ РАН, 2005. 192 с.
6. *Молодяков В. Э., Молодякова Э. В., Маркарьян С. Б.* История Японии. XX век. М. : Крафт+, 2007. 528 с.
7. Сборник документов и материалов по Японии (1951–1954 гг.). М. : ДПО МИД СССР, 1954. С. 89–104.
8. *Торкунов А. В., Денисов В. И., Ли Вл. Ф.* Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2008. 541 с.
9. *Уткин А. И.* СССР в осаде. М. : Эксмо, 2010. 288 с.
10. *Calder, Kent E.* Pacific Defense: Arms, Energy, and America's Future in Asia. N. Y. : William Morrow, 1996. 253 p.
11. *Chen Jian.* China's Road to the Korean War: The Making of the Sino-American Confrontation. N. Y. : Columbia University Press, 1994. 339 p.
12. *Collins, J. Lawton.* War in Peacetime: The History and Lessons of Korea. Boston : Houghton Mifflin, 1969. 416 p.
13. Crisis in Asia — an Examination of U. S. Policy: Remarks by Secretary of State Dean Acheson // The Department of State Bulletin. 23 January 1950. P. 111–119.
14. *Gaddis, John L.* The Long Peace: Inquiries into the History of the Cold War. N. Y. : Oxford University Press, 1989. 352 p.

15. *Graebner N.* Global Containment: The Truman Years // *The Current History*. 57 № 336. August 1969. P. 77–116.
16. *Hawes, Grace M.* The Marshall Plan for China: Economic Cooperation Administration 1948–1949. Cambridge : Schenkman Pub. Co., 1977. 138 p.
17. *Kai He, Huiyun Feng.* Why is there no NATO in Asia? Revisited: Prospect Theory, Balance of Threat, and US Alliance Strategies // *European Journal of International Relations*. June 2012. 18:2. P. 227–250.
18. *Koen, Ross H.* The China Lobby in American Politics. N. Y. : Harper & Row, 1974. 279 p.
19. *LaFeber, Walter.* 1997. The Clash: A History of US-Japan Relations. N. Y.: W. W. Norton, 1997. 554 p.
20. *Mabon, David W.* Elusive Agreements: The Pacific Pact Proposals of 1949–1951 // *Pacific-Historical Review*. May 1988. 57:2. P. 147–178.
21. *May, Ernest R.* «Lessons» of the Past: The Use and Misuse of History in American Foreign Policy. N. Y. : Oxford University Press, 1973. P. 65.
22. *Orlean M. E.* The Sino-American Commercial Treaty of 1946 // *Far Eastern Quarterly*. August 1948, 7:4. P. 354–366.
23. Press Release by the Secretary of State, May 18, 1949 // *The Department of State Bulletin*. May 29, 1949. P. 696.
24. *Sawyer, Robert K., Walter G. Hermes.* Military Advisors in Korea: Kmag in Peace and War. Washington : U. S. Government Printing Office, 1965. 216 p.
25. *Tang Tsou.* America's Failure in China 1941–1950. 3rd. ed. Chicago : University of Chicago Press, 1967. 270 p.
26. United States Department of State. Foreign Relations of the United States, 1946. The Far East: China. Washington, D. C. : U. S. Government Printing Office, 1972. 1536 p.
27. United States Department of State. Foreign Relations of the United States, 1949. The Far East and Australasia (in two parts). Volume VII, Part 2. Washington, D. C. : U. S. Government Printing Office, 1976. 1220 p.
28. United States Relations with China: With Special Reference to the Period 1944–1949. Department of State publication № 3573. Washington : U. S. Government Printing Office, 1949. 1054 p.
29. *Zhihua, Shen.* Sino-Soviet Relations and the Origins of the Korean War: Stalin's Strategic Goals in the Far East. // *Journal of Cold War Studies*. Vol. 2, No. 2, Spring 2000, P. 44–68.

Sidorov A. A.

**“Yalta Order” and the Onset of the Cold War in Asia
(1945–1951)**

Abstract. *The article is devoted to the analysis of the origins of the Cold War in Asia in the context of genesis, evolution and degradation of the international system founded at the conferences in Yalta and Potsdam. As World War II drew to a close, the alliance that had made the United States and the Soviet Union partners in their defeat of the Axis powers began to fall apart. Both sides realized that their visions for the future of Europe and the world were incompatible. In Europe they quickly found themselves locked in a contest for military, political, economic and ideological supremacy. But in Asia the Soviet as well as the American government hoped that two globe's most powerful nations could avoid the open conflict and maintain status quo at least for a little while. The “Yalta system” in Asia which involved the alignment of the positions of only two major players, simplified the resolution of issues and, unlike Europe, provided some stability. The situation changed when the balance of power between the USSR and the United States in the Far East was disrupted by the regional actors. The main destroyer of the “Yalta system” in the region was China, ideologically united under the communist rule and inspired by the nationalist idea. The outbreak of the Korean war led to foundation of the San Francisco System.*

Keywords: *international relations, post-World War II order, Yalta system, Asia Pacific, Truman administration, Cold War, San Francisco system*

С. Б. Скоробогатов

аспирант исторического факультета
Таврической академии (СП) ФГАОУ ВО «Крымский
федеральный университет имени В. И. Вернадского»
(г. Симферополь)

**ДЕЙСТВИЯ АВИАЦИИ
8-Й ВОЗДУШНОЙ АРМИИ
В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ ОПЕРАЦИИ
ПО ОСВОБОЖДЕНИЮ КРЫМА
(НОЯБРЬ 1943 — АПРЕЛЬ 1944 г.)**

***Аннотация.** В статье проведено исследование боевого пути 8-й воздушной армии в период подготовки к Крымской наступательной операции (ноябрь 1943 – апрель 1944 г.). Обозначены структура, цели и задачи действий воздушной армии в исследуемый период. Установлены основные проблемы, сопровождающие боевые действия на подступах к Крыму.*

***Ключевые слова:** 8-я воздушная армия, освобождение Крыма, военная авиация.*

Введение

Вопросы подготовки операции по освобождению Крыма в период с ноября 1943 по апрель 1944 года поднимались как российскими, так и зарубежными исследователями, такими как Н. Глухарёв, А. В. Исаев, О. В. Романько, С. Н. Ткаченко, Д. Б. Хазанов, A. Hillgruber, R. Forczyk. Вместе с тем остаётся не до конца освещённым вопрос о деятельности авиации в период подготовки к операции по освобождению Крыма.

На этом основании **цель** данной статьи — рассмотреть действия авиации 8-й воздушной армии в период подготовки к освобождению Крыма.

Изложение основного материала

В результате Мелитопольской наступательной операции, проводившейся с 26 сентября по 5 ноября 1943 года, войскам 4-го Украинского фронта под командованием генерала армии Фёдора Ивановича Толбухина удалось прорвать оборону противника на реке Молочной, расчленив группировку противника и занять район Северной Таврии [3]. Войска фронта перешли к преследованию врага, 30 октября освободили Геническ и вышли на побережье Сиваша, а 1 ноября, преодолев укрепления Турецкого вала, ворвались на Перекопский перешеек. За полтора месяца наступления были истрачены все ресурсы фронта. На правом фланге враг был отброшен за Днепр, за исключением Никопольского плацдарма, а на левом фланге войска вышли на подступы к Крыму.

Обеспечение успеха действий наземных войск 4-го Украинского фронта в немалой степени зависело от действий 8-й воздушной армии (ВА) под командованием генерал-майора авиации Тимофея Тимофеевича Хрюкина.

8-я ВА была сформирована 13 июня 1942 года на основании приказа НКО СССР от 9 июня 1942 года на базе управления и частей ВВС Юго-Западного фронта.

К ноябрю 1943 года в состав 8-й ВА входили:

- 7-й штурмовой авиационный корпус, состоящий из 206-й штурмовой авиационной дивизии и 289-й штурмовой авиационной дивизии;
- 3-й истребительный авиационный корпус, состоящий из 265-й истребительной авиационной дивизии и 278-й истребительной авиационной дивизии;
- 2-я и 6-я гвардейские бомбардировочные авиационные дивизии;
- 1-я гвардейская штурмовая авиационная дивизия;
- 6-я и 9-я гвардейские истребительные авиационные дивизии;
- 236-я истребительная авиационная дивизия, а также отдельные части и вспомогательные подразделения [1].

Во время оперативной паузы с ноября 1943 года перед командованием 8-й ВА были поставлены следующие задачи:

- обеспечить воздушное прикрытие наземных частей при форсировании Сиваша на плацдармы на севере Крыма;
- обеспечить транспортную блокаду на воздушных линиях в Крым;
- оказывать материально-техническую поддержку авиации Черноморского флота, действовавшей в северо-западной части Чёрного моря;
- поддерживать наземные части в операции по ликвидации Никопольского плацдарма на левом берегу Днепра (на правом фланге 4-го Украинского фронта);
- уничтожать вражеские самолёты в воздухе и на аэродромах, а также военную инфраструктуру противника в тылу;
- проводить разведку предстоящего фронта боевых действий, накапливать материально-технические ресурсы в прифронтовой полосе, проводить обучение и тренировки пополнения;
- вести подготовку наступательной операции с целью освобождения Крыма [4; 9].

С ноября 1943 до января 1944 года происходил процесс перебазирования авиационных частей на новые полевые аэродромы, ближе к линии фронта. Подготовительный этап прошёл в изучении воздушной и наземной обстановки в районах предстоящих боевых действий. Большое место в деятельности авиации занимали борьба за удержание господства в воздухе, воздушная разведка, транспортировка войск и грузов. Важнейшей боевой задачей, поставленной перед 8-й ВА, являлось прикрытие войск 2-й гвардейской армии генерала Г. Ф. Захарова на Перекопе, а на Сиваше — 51-й армии генерала Я. Г. Крейзера.

Для своевременного обнаружения самолётов противника, помимо постов воздушного наблюдения, оповещения и связи,

в 16-м гв. ИАП была развёрнута радиолокационная станция РУС-2С «Пегматит-2М» дальнего обнаружения. Этот радиолокатор позволял предупредить дежурные эскадрильи истребителей за 15–20 минут и вовремя перенаправить истребители патрулирующих в зоне ожидания навстречу вражеским самолётам. Первую половину ноября авиация отработывала взаимодействие с новой техникой. На основном аэродроме полка в Аскании-Нова базировались две эскадрильи полка в готовности номер один, а третья (дежурная) была перебазирована на полевой аэродром Ново-Покровка у самого Сиваша [6]. Благодаря применению радиолокатора точность наведения резко возросла. Но полностью исключить возможность прорыва вражеских самолётов к переправам и плацдармам всё же не удалось.

Воздушные бои над Перекопом и Сивашом не прекращались в течение всего подготовительного периода, несмотря на сложные метеорологические условия и часто раскисшие грунтовые взлётно-посадочные полосы аэродромов.

В период с февраля по март отмечено около 3500 пролётов самолётов противника с целью разведки и нанесения ударов по советским частям в районе железнодорожных станций, на которых разгружались прибывающие части Красной армии, и по переправам на Сиваше.

Потеряв сухопутную связь с крымской группировкой, противник стал активно использовать транспортные самолёты Ju-52 на трассе Одесса — Крым. Кроме перевозки особо важных грузов и подкреплений, противник, маневрируя авиацией, перебрасывал бомбардировщики с одного участка фронта на другой. Командование сформировало усиленную группу истребителей-«охотников» под командованием дважды Героя Советского Союза А. И. Покрышкина. До 12 декабря «охотниками» 16-го гв. ИАП было сбито 35 самолётов. Метеоусловия были крайне неблагоприятными [4]. С 14 декабря «охоту» разрешалось проводить только над сушей и экипажи истребителей «охотников» ходили по тылам

противника, используя плохую погоду, сбивали самолёты во внезапной атаке, а также совершали нападения на паровозы на перегонах и железнодорожных станциях, преследовали автомашины по дорогам, штурмовали артиллерийские подразделения. В конце декабря погода испортилась настолько, что летали только дежурные звенья на перехват самолётов над нашими плацдармами.

В соответствии с приказом НКО от 28 декабря 1943 года 9-я гв. ИАД была отведена в тыл. С 4 января 1944 года на смену 16-й гв. ИАП под командованием Н. В. Исаева заступил 9-й гв. ИАП подполковника А. А. Морозова. Совместно со Скадовской авиационной группой ВВС ЧФ под командованием заместителя начальника штаба ВВС ЧФ полковника В. И. Смирнова продолжили перехватывать вражеские самолёты, направляющиеся в Крым и обратно [6].

Большую помощь частям, находящимся за Сивашом, оказывали лётчики 2-й гвардейской ночной бомбардировочной дивизии (гв. БАД). Экипажи По-2 совершили 664 вылета, перевезли 188 тонн грузов и эвакуировали с плацдарма 800 раненых [5; 7].

Уровень подготовки личного состава 8-й ВА был весьма разнообразным. Опытные лётчики продвигались по службе и покидали лётную работу, для возмещения людских потерь прибывали новички, бывшие курсанты. Количество молодых лётчиков, штурманов и воздушных стрелков-радистов достигало в частях половины личного состава. Но главными проблемами на этом этапе оставались недостатки в организации боевого применения авиации, а также нехватка топлива и боеприпасов.

В посёлке Аскания-Нова, где размещался штаб армии, часто собирались командиры полков, дивизий, корпусов, начальники районов аэродромного базирования, офицеры штабов для обобщения опыта проведённых боёв подготовки к предстоящей операции. Отмечались недостатки планирования и тактики у бомбардировщиков. Штурмовая

авиация использовалась не массированно и часто по случайным целям.

Для устранения этих недостатков были проведены четыре армейских сбора. Под руководством генерал-майора авиации И. М. Белова, возглавившего штаб 8-ВА, проводились учения руководящего состава штабов соединений по изучению тактики, обороны, дислокации войск противника.

С начала марта в полках и дивизиях были проведены учения с лётным составом, на которых отрабатывалась тактика действий авиации над полем боя. Командиры и ведущие групп выезжали на передовые позиции, где наглядно знакомились с обороной противника. Визуально на местности они оценивали возможности безопасного и эффективного подхода к целям и выхода из атак. В наземные войска были направлены авиационные наводчики, разработаны сигналы опознавания своих наземных войск, кодированные карты целей и таблицы радиосигналов для связи экипажей с землёй.

Командующий 8-й ВА Т. Т. Хрюкин большое внимание уделял материально-техническому обеспечению предстоящих боевых действий. Штаб тыла армии рассчитывал количество боекомплектов и заправок для проведения операции, корректировал планы поставки и графики прибытия эшелонов с топливом, боеприпасами, техническим и интендантским имуществом.

Огромную работу выполнил личный состав тыла армии. В течение зимних месяцев на складах и пунктах снабжения было сосредоточено 1700 тонн боеприпасов различных калибров и около 9000 тонн авиационного горючего. На одну заправку самолётов армии требовалось свыше 500 тонн горючего, 158 тонн бомб, около 20 тысяч патронов [4]. Одновременно с этим в полосе наступления пришлось создавать 33 аэродрома. Инженерно-авиационной службой в период с декабря по февраль поднято и эвакуировало 350 самолётов, совершивших вынужденные посадки вне аэродромов. В по-

левых ремонтных мастерских восстановлено и отремонтировано свыше 300 самолётов.

Самоотверженно трудились техники, механики, мотористы, оружейники инженерно-авиационной службы. Особого признания заслуживала работа девушек-оружейниц, которых насчитывалось более 3,5 тысячи в частях 8-й ВА.

Развёрнутый на острове Русский армейский пункт управления воздушным боем имел прямую связь с командным пунктом артиллерийской дивизии ПВО, что позволяло координировать огонь зенитных батарей с действиями истребителей.

На плацдарме в Крыму был развёрнут передовой командный пункт (ПКП) командующего 8-й ВА. Открытая местность позволяла просматривать позиции противника на большом расстоянии. Офицеры штаба и связисты выполняли свои обязанности в условиях артиллерийских обстрелов и атак вражеских бомбардировщиков. Также ПКП 8-й ВА были организованы на командных пунктах 51-й и 2-й гвардейских армий. В стрелковых корпусах и 19-м танковом корпусе находились радиостанции наведения 8-го отдельного полка связи.

Необходимо отметить, что с 30 января по 29 февраля 8-я ВА участвовала в Никопольско-Криворожской наступательной операции. В ходе этих боёв штурмовики 1-й гв. ШАД и 7-го ШАК, истребители 6-й гв. ИАД и 3-го ИАК активно поддерживали наземные войска. С 1 по 8 февраля ими было произведено 1647 боевых вылетов, а всего в феврале — 6093 самолётовывлета. В результате к 8 февраля Красная армия полностью очистила от гитлеровцев весь левый берег Днепра и освободили Никополь [2, с. 45; 4].

С середины февраля 1944 года, после ликвидации на своём правом фланге никопольской группировки гитлеровцев, войска 4-го Украинского фронта, в состав которого входила 8-я ВА, полностью сосредоточились на подготовке операции по освобождению Крыма. К этому времени в 8-й ВА

насчитывалось 644 боевых самолёта, в том числе 297 истребителей, 153 штурмовика, 116 ночных бомбардировщиков, 61 пикирующий бомбардировщик и 17 дальних разведчиков [4; 8].

Ведение авиационной разведки являлось одним из наиболее важных и частых заданий для авиации 8-й ВА. Только с 1 марта по 8 апреля было выполнено 633 полёта для ведения воздушной разведки. Произведено фотографирование на всю глубину оборонительной полосы противника, что позволило представить полную картину его обороны на Крымском перешейке, вскрыть группировку вражеских наземных войск и авиации, их состав и дислокацию. По результатам аэрофотосъёмки разведывательным отделом 8-й ВА изготовлены топографические карты, которые, поступив в войска, оказали неоценимую помощь при подготовке к наступлению.

На ночные лёгкие бомбардировщики У-2 возлагалась ещё одна важная задача — проведение пропагандистского воздействия на немецко-румынские войска в Крыму. Почти каждую ночь, если позволяла погода, экипажи сбрасывали листовки в расположение вражеских войск.

К марту 1944 года в общий план Крымской операции были включены массированные удары по вражеской авиации на аэродромах. Необходимость избавить советские наземные войска от излишних потерь привела к планированию упреждающего удара по немецким аэродромам в Крыму накануне самого наступления.

За три дня, с 5 по 7 апреля, авиацией 8-й ВА было произведено 490 дневных и 419 ночных самолётовылетов. Одновременный удар наносился по пяти аэродромам противника: Весёлое (Карангут), Ички, Курман-Кимельчи, Джанкой, Райзендорф. Более 40 самолётов было сожжено на земле штурмовиками Ил-2 под командованием гвардии майоров М. А. Филиппова, И. Г. Суклышкина и Ф. В. Тюленева, капитана В. Ф. Анисова и старшего лейтенанта Д. И. Жабин-

ского. Прикрывавшие их истребители 402-го и 812-го полков, ведомые майорами А. У. Ереминым и И. Ф. Поповым, сбили в воздухе 13 истребителей противника [2; 4].

Утром 7 апреля 1944 года немецкие аэродромы в Крыму подверглись нападению ударной и блокирующих групп штурмовиков в сопровождении истребителей. После налёта на стоянки самолётов необходимо было помешать противнику оправиться от удара за ночь до наступления Красной армии. Поэтому всю ночь немецкие аэродромы подвергались бомбардировкам самолётов А-20-Б («Бостон») и У-2. Дерзкий налёт на вражеский аэродром совершила шестёрка истребителей 3-го ИАК под командованием генерала Е. Я. Савицкого. Подвесив над аэродромом осветительные бомбы, самолёты произвели по два-три захода и подавили семь зенитных прожекторов из восьми.

В эту же ночь авиация 8-й ВА применила военную хитрость, шум двигателей легкомоторных бомбардировщиков У-2, поднятых в воздух, заглушил для противника гул моторов 19-танкового корпуса, рассредоточившегося для начала атаки.

Удары по аэродромам накануне наступления дали настолько большой эффект, что в течение двух последующих дней, в самый ответственный момент, когда советские войска штурмовали Перекоп и форсировали Сиваш, немецкая авиация практически бездействовала.

Выводы

Планирование Крымской стратегической наступательной операции представляет собой процесс, продолжавшийся в течение почти пяти месяцев. По мере развития событий, уточнения группировки и намерений противника всё более отчётливо выявлялась идея разгрома противника совместными и одновременными усилиями 4-го Украинского фронта и Отдельной Приморской армии при содействии флота, авиации дальнего действия и партизан.

В подготовительный период было достигнуто значительное превосходство над противником как на земле, так и в воздухе. Советская авиация имела больше истребителей почти в пять раз, а бомбардировщиков и разведчиков — в полтора раза.

За четыре месяца воздушной блокады Крыма и «охоты» в тылу лётчики-истребители 8-й ВА сбили 91 самолёт, а штурмовики и бомбардировщики вывели из строя и уничтожили 54 танка, 10 бронемашин, 1830 автомашин, 4 паровоза, 150 вагонов, 20 батарей полевой артиллерии и значительное количество живой силы противника.

Во время выполнения задачи по прикрытию войск 4-го Украинского фронта радиолокаторами было засечено 1614 целей и осуществлено 135 наведений истребителей, в результате чего сбито 134 вражеских самолёта.

В штабе 8-й воздушной армии были произведены расчёты необходимых сил и средств на операцию, составлен план уничтожения авиации противника и завоевания господства в воздухе, согласованы действия с наземными войсками при прорыве обороны противника на направлении главного удара 51-й армии, отработаны вопросы авиационного обеспечения 19-го танкового корпуса при вводе в прорыв и в оперативной глубине.

Каждому авиационному соединению были поставлены конкретные задачи по месту и времени действий на первые три дня операции.

Целенаправленная и напряжённая работа в авиационных полках позволила ввести в строй весь прибывший лётный состав к началу операции. Молодые авиаторы постигали искусство манёвра, смелой атаки и взаимодействия в группе.

Благодаря тщательной подготовке, мужеству и самоотверженности нашего народа советским войскам в течение 35 дней удалось уничтожить 17-ю немецкую армию и освободить весь Крым.

Использованные источники и литература

1. Анохин В. А., Быков М. Ю. Все истребительные авиаполки Сталина // Первая полная энциклопедия. М. : Яуза-пресс, 2014. 944 с.
2. Антипов В., Уткин И. Драконы с «птичьим крылом» // История авиации. 2002. Вып. 22. С. 40–48.
3. Василевский А. М. Дело всей жизни. М., 1974. 254 с.
4. Губин Б. А., Киселев В. Д. Восьмая воздушная: военно-исторический очерк боевого пути 8-й воздушной армии в годы Великой Отечественной войны. М. : Воениздат, 1986. 239 с.
5. Исаев А. В., Хазанов Д. Б., Романько О. В. Битва за Крым 1941–1944 гг. М. : Эксмо, 2017. 896 с.
6. Табаченко А. И. Покрышкинский авиаполк: «нелакированные» боевые хроники. М. : Центрполиграф, 2014. 749 с.
7. Ткаченко С. Н. Крым 1944. Весна освобождения. М., 2014. 528 с.
8. ЦАМО РФ. Ф. 346. Оп. 0005755. Д. 0170. Л. 1а–85.
9. ЦАМО РФ. Ф. 20533. Оп. 1. Д. 51. Л. 16–38.

Skorobogatov S. B.

The Action of the 8th Air Army Aviation during Preparation of the Operation for the Liberation of the Crimea (November 1943 — April 1944.)

***Abstract.** The article conducted a study of the combat route of the 8th Air Army during the preparation for the Crimean offensive operation (November 1943 — April 1944). The structure, goals and objectives of the actions of the air army in the period under study are indicated. Established the main problems accompanying the fighting on the approaches to the Crimea.*

***Keywords:** 8th Air Army, liberation of the Crimea, military aviation.*

К. Я. Слуцкая

*начальник отдела международной академической мобильности
Управления международной деятельности
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского» (г. Симферополь)*

САНКЦИИ КАК МЕТОД ВЕДЕНИЯ НОВОЙ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ (доклад)

Одной из тенденций развития международных отношений сегодня является активное использование методов внешнеполитического давления, направленных, по официальным версиям, на защиту коллективной безопасности и обеспечение устойчивого глобального развития, но по факту являющихся эффективным инструментом в большой политической игре. События 2014 года и введение ограничительных мер в адрес Российской Федерации актуализировали тему санкций, понятийного аппарата данного термина, его видов и правовой базы применения. По нашему мнению, ошибочно называть международными санкциями ограничительные меры, вводимые отдельными государствами, без резолюций международных организаций, имеющих на это полномочия. Совет Безопасности ООН не принимал решение о введении международных санкций в отношении РФ; таким образом, применяемые ограничения со стороны стран Запада и их коллег не могут являться международными санкциями. Одним из наиболее популярных и эффективных видов международных ограничений являются экономические санкции.

Рост числа применения экономических санкций обусловлен рядом объективных причин. В первую очередь это глобализация международных экономических процессов,

характеризующихся возрастающей степенью интенсивной интеграции как рынков товаров и услуг, так и капиталов. Следствием углубления взаимодействия национальных экономик большинства государств, интернационализации финансового и производственного капитала является усиливающая взаимосвязанность государств диверсифицированными связями экономического сотрудничества, от нормального функционирования которых зависят их жизненные интересы. Общеизвестно, что сегодня стабильное положение государства определяется в первую очередь уровнем развития его экономики. В этой связи прекращение или ограничение экономических отношений может иметь существенные последствия, делая экономические санкции мощным инструментом воздействия на правонарушителя. Это положение особенно актуально для развивающихся стран.

Международные санкции как феномен, возникший в XX веке, представляют собой распространённый в истории международных отношений инструмент, который нередко применяется в геополитике отдельными государствами или группами стран с целью оказания воздействия на решения оппонентов, проводящих самостоятельный политический курс.

История показывает, что Россия в разные периоды своего развития практически всегда находилась под внешнеполитическим давлением. Одним из успешных примеров многосекторного развития страны в недружественной геополитической ситуации является СССР, опыт которого необходимо принимать во внимание сегодня, при разработке общегосударственной траектории движения в условиях санкций.

Введение санкций в адрес России из-за возвращения Крыма в её состав и событий на Украине — официальная причина Запада, формализм и отрешённость от реальности которой уже практически ни у кого не вызывают сомнений. Совершенно понятно, что указанные события являются исключительно поводом для продолжения многолетнего внешнего давления на Россию, но уже в более открытой

и изощрённой форме. Реальная причина всех происходящих сегодня событий заключается в том, что эпоха глобального доминирования США претерпевает кризис и находится под угрозой. Ревизия мирового порядка, инициатором которой в большой степени является Россия, не входит в планы Соединённых Штатов в контексте сценария по удержанию политической, экономической и военной монополии в мире. Пройдя нелёгкий путь становления, начиная с 1990-х годов Российская Федерация продемонстрировала миру свою готовность, а главное — возможность влияние на общемировые процессы. То, что мнимый «медовый месяц» отношений с Западом завершается, ознаменовало собой проведение планомерной работы по модернизации экономики, снижению критической зависимости от импорта, диверсификации поставок энергоресурсов на рынки Юго-Восточной Азии и многих других действий, направленных на минимизацию ущерба от введения внешних ограничений.

Ошибочно считать, что санкции были введены начиная с 2014 года, после Крымской весны. Так, ранее США вводили ограничительные меры против российских компаний и организаций, которые, по мнению американских чиновников, нарушили законы США о нераспространении в отношении Ирана, Ирака, Ливии, КНДР и Сирии или же международных режимов контроля над оружием массового уничтожения и ракетной техникой. Акт Магнитского был принят в США в самом конце 2012 года. Туда вошли не только люди, которые, по мнению американской стороны, были непосредственно причастны к делу Магнитского, но и лица, несущие ответственность «за совершение внесудебных убийств, пыток и других серьёзных нарушений прав человека». Риторика же направлена лишь на расширение собственного влияния. И Украина здесь — всего лишь удобный предлог. США в том числе пытаются вернуть свои позиции в Латинской Америке, странах Восточной Европы да и в целом в Евросоюзе.

Безусловно, введённые ограничения повлияли на многие сферы экономической и политической жизни Российской Федерации: начиная от создания неблагоприятной среды для функционирования и развития крупного бизнеса, персонализации нарушителей из числа политической элиты в рамках создания чёрных списков, ограничения экспорта и импорта приоритетных отраслей экономики и заканчивая ограничением на выдачу виз и блокады бытовых банковских операций. Введённые санкции 2014 года необходимо рассматривать как внешнюю угрозу, показавшую слабые стороны экономического, финансового и политического секторов жизни государства, а также как мотивационный рычаг для проведения активных реорганизационных действий в краткосрочной перспективе по обеспечению устойчивого развития.

Введённые в 2014 году санкции были направлены не только в адрес Российской Федерации, но и непосредственно Республики Крым. За что западные правозащитники «наказывают» граждан Республики Крым — вопрос открытый. Если воссоединение Крыма с Россией — международное правонарушение, то, руководствуясь некоторыми нормами международного права, Крым скорее является объектом правонарушения, пострадавшей стороной. Введя санкции, а затем их периодически продлевая, западная международная общественность де-факто признаёт факт легитимности волеизъявления народа в результате Крымского референдума 16 марта 2014 года. Украина периодически предпринимает попытки по актуализации «крымского» вопроса на уровне международных институтов. Так, три резолюции Генеральной Ассамблеи отображают мнение международной общественности и показывают динамику страновой дифференциации на основе воссоединения Крыма с Российской Федерацией.

Санкционная политика стран Запада оказала влияние на социально-экономическое положение Республики Крым.

Среди основных факторов экономического состояния региона можно выделить: изменение страновой структуры экспорта-импорта Крыма, сокращение объёма торговых операций с Украиной и странами Европы, переориентацию на новые рынки, тенденцию нарастающего сотрудничества с Китаем. На фоне положительной динамики социальных индикаторов, характеризующих уровень жизни населения, необходимо отметить некоторые проблемные моменты прикладного характера, прямым образом влияющие на общество: информационная и транспортная блокада, ограничения на финансовые операции, непризнание документов об уровне образования, болезненность процесса переориентации малого и среднего бизнеса. Указанные сегменты требуют проведения системной работы на постоянной основе.

Крым является важным элементом в общегосударственной системе действий по преодолению санкций. Регион может быть использован как площадка по развитию общественной дипломатии, международного экономического и научно-образовательного сотрудничества. Для крымских предприятий остаются актуальными вопросы поиска новых международных партнёров, построения новых маркетинговых стратегий, перехода на другие рынки, в том числе при поддержке государства.

Е. О. Солнце

научный сотрудник музея

ГАОУ РК «Ливадийский дворец-музей» (г. Ялта)

**ОТКРЫТИЕ «ИСТОРИКО-МЕМОРИАЛЬНОГО
КОМПЛЕКСА “КРЫМСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ТРЁХ СОЮЗНЫХ ДЕРЖАВ
И КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ”»
В ЛИВАДИЙСКОМ ДВОРЦЕ В 1974 ГОДУ**

***Аннотация.** В статье рассматривается политическое событие на международном уровне как повод для создания образа будущего музея. С 29 июня по 2 июля 1974 года в Крыму находился президент США Ричард Никсон. Накануне в кратчайшие сроки были освобождены некоторые залы Ливадийского дворца под выставочный зал «Историко-мемориальный комплекс “Крымская конференция трёх союзных держав и картинная галерея”» в соответствии с решением ВЦСПС и Центросоветкурорта. Также представлены первые этапы функционирования выставочного зала, которые основывались на своих особенных противоречиях — культурное учреждение на базе санатория. Но интерес у отечественных и зарубежных туристов способствовал развитию Ливадийского дворца как музея, а деятельность его сотрудников — зарождению основополагающих характеристик музейного заведения.*

***Ключевые слова:** Ричард Никсон, Леонид Брежнев, Ливадийский выставочный комплекс, Крымская конференция, картинная галерея, музейная деятельность.*

16 июля 1974 года в Ливадийском дворце был открыт историко-мемориальный комплекс «Крымская конференция 1945 года», размещённый в бывших парадных залах Ливадийского дворца. Этому историческому моменту предшествовал ряд событий. В первую очередь сама встреча руководителей трёх союзных держав, состоявшаяся в Ялте в феврале 1945 года. Все пленарные заседания И. В. Сталина,

Ф. Рузвельта и У. Черчилля проходили в Ливадийском дворце. Тем не менее сразу после войны это не стало поводом для открытия здесь музея. С 1945 по 1953 год Ливадия была закрытым государственным объектом. По приказу комиссара внутренних дел СССР Л. Берии 1945 года в Ливадии было создано Управление специальными объектами НКВД в Крыму. Здесь же, в Ливадийском дворце, дважды после войны отдыхал И. В. Сталин.

После смерти Сталина в 1953 году якобы по его завещанию Ливадийский дворец перешёл в ведомство курортов Всесоюзного центрального совета профессиональных советов (ВЦСПС). Ливадийский санаторий № 1 специализировался на кардиологических заболеваниях, нервных и заболеваниях органов дыхания нетуберкулёзного характера [1, л. 16]. В 1956 году ВЦСПС передал в управление Министерству здравоохранения УССР санаторий «Ливадия» с закреплённым за ним участком и всем имуществом. В период хрущёвской оттепели постепенно росло внимание ко дворцу как к историко-культурному наследию со стороны жителей, гостей Ялты, органов местного самоуправления и правительства СССР. Санаторий «Ливадия» стал одним из главных объектов показа для иностранных делегаций, о чём свидетельствуют отчёты о деятельности ялтинского городского исполнительного комитета в архивах Крыма и фотографии в фондах современного ГАУК РК «Ливадийский дворец-музей».

В 1972 году, в период потепления отношений между двумя сверхдержавами — СССР и США, непосредственный участник Крымской конференции Фёдор Тарасович Гусев (посол СССР в Великобритании в 1945 г.) составил письмо, адресованное министру иностранных дел А. А. Громыко с предложением создать музей в Ливадийском дворце. В своём письме он отметил, что в последнее время ежегодно отдыхает в санатории «Нижняя Ореанда» и, прогуливаясь по Солнечной тропе к Ливадии, наблюдает у дворца вереницы

экскурсантов — советских граждан и иностранцев. Фёдор Тарасович не просто наблюдал, а и беседовал с экскурсоводами, задавая вопросы о проявляемом интересе граждан. Он выяснил у местных работников и экскурсионного бюро, что в течение летнего сезона Ливадию посещают свыше 500 тысяч советских граждан и около 40 тысяч иностранных туристов. Экскурсоводы рассказывали туристам о дореволюционной истории Ливадии, о Крестьянском санатории, и значительную часть рассказа занимала тема Крымской конференции. Когда руководитель группы указывал жестом на залы заседаний, экскурсанты бросались к окнам дворца, и если это было время после обеда в санатории, то видели только тяжёлые шторы на окнах.

Также Ф. Гусев узнал о том, что туристы часто спрашивают, почему во дворце нельзя открыть несколько залов для посещения, а самые смелые высказывали даже идеи о создании во дворце исторического музея. На что экскурсоводы отвечали, что санаторий ВЦСПС № 1 имеет планы строительства столовой и, когда она будет построена, зал заседаний во дворце и три прилегающие к нему комнаты будут освобождены и доступны для осмотра туристами. Так говорили с 1967 года, но строительство затягивалось [2, с. 97].

Событие на государственном уровне заставило буквально в кратчайшие сроки освободить парадные залы Ливадийского дворца для открытия выставочного зала «Историко-мемориальный комплекс “Крымская конференция трёх союзных держав и картинная галерея”» 30 июня 1974 года в соответствии с решением ВЦСПС и Центрального совета по туризму и экскурсиям (ЦСТЭ) [3]. С 29 июня по 2 июля 1974 года в Крыму находился президент США Ричард Никсон, прибывший в СССР с целью переговоров с Леонидом Брежневым по ограничению стратегического вооружения. Руководители американской и советской сторон разместились на двух правительственных дачах [4, л. 7–8]. Согласно протоколу правительственных мероприятий, для Р. Никсона

была предусмотрена культурная программа — подготовлены три объекта показа: Государственный Никитский ботанический сад, Алупкинский дворец и винкомбинат «Массандра». В качестве дополнительного объекта был предложен Ливадийский дворец, где за двенадцать дней реконструировали пищеблок, вывели столовую из Белого зала, а сотрудники Ялтинского городского и Алупкинського музеев проделали экспозиционную работу по подготовке Ливадийского выставочного зала. Никсон не успел посетить выставку, но её посетили представители дипломатического корпуса и иностранные журналисты [5, л. 119].

Открытие и работа выставочного зала Ливадийского дворца вызвали живой интерес у жителей города и гостей курорта. За первые шесть месяцев работы выставочный зал посетило свыше 90 тысяч человек, из них около 16 тысяч иностранных туристов из 36 стран мира [6]. Среди посетителей был и сам инициатор создания мемориального комплекса в Ливадийском дворце Фёдор Тарасович Гусев, о чём свидетельствует фотография в собрании Ливадийского дворца [7].

Мемориальная выставка «Крымская конференция» была организована в кратчайшие сроки и требовала дальнейшей доработки, к чему приложил немалые усилия заведующий выставочным залом Георгий Степанович Перепелица. Его фотография хранится в архиве Ливадийского дворца [8]. 23 марта 1976 года Г. С. Перепелица получил письмо от Кириллы Новикова — советского дипломата, участника Крымской конференции, где последний делится фактическим материалом по теме конференции, замечанием по поводу ошибки в картине В. П. Ефанова «Ялтинская конференция» (1946, эскиз, холст, масло, 71,5 × 95 см): «...во время своего пребывания у Вас я обратил внимание на ошибку художника, который отвёл за столом переговоров Трёх по шесть посадочных мест для каждой делегации. В действительности каждая делегация располагала только пятью местами. Как использовалось пятое место в английской и американской

делегациях, я не помню, но в нашей делегации оно из заседания в заседание делилось между послом СССР в США А. А. Громыко и послом СССР в Великобритании Ф. Т. Гусевым. Я в Ялте промолчал, решив проконсультироваться в Москве с товарищами. Мы полагаем, что не стоит вносить какие-либо поправки с целью устранения ошибки художника. Однако если какой-либо дотошный наш или иностранный экскурсант обратит на это внимание, то экскурсовод мог бы сказать, что ему известно об ошибке художника, но что на этом едва ли стоит акцентировать внимание экскурсантов...» [9].

В этом же письме он говорит о том, что необходимо укреплять музей, и Новиков в свою очередь поставит в Москве вопрос о создании прочной, долговременной базы для музея [10, с. 95].

С 1974 по 1977 год Ливадийский дворец являлся одним из отделов санатория ВЦСПС «Ливадия» (выставочным залом) и курировался культурно-массовым отделом Центрального совета по управлению курортами профсоюзов. Председатель Ялтинского территориального совета В. Борозенный в докладной записке руководству в Москве отметил достижения 1974 года и вынес на рассмотрение предложения по улучшению деятельности выставочного зала. Огромный интерес среди посетителей к Ливадийскому дворцу и высокий уровень посещаемости в 1974 году сразу же после открытия показали руководству, что объект может быть рентабельным. Но чтобы довести его деятельность до необходимого уровня, нужно обратить внимание на опыт других музеев Крыма и жалобы экскурсантов. В первую очередь наладить контакты и работу с городскими экскурсионными бюро Крыма и музеями, предусмотреть оплату работы экскурсовода за проведение экскурсий сверх нормы. Все эти недостатки можно было решить с помощью изменения штатного расписания и норм оплаты труда отдельных категорий сотрудников выставочного зала.

Борозенный предложил ввести штатную должность заместителя выставочного зала по научной деятельности, искусствоведа, создать научную библиотеку. В связи с этим он приложил проект нового штатного расписания с тремя отделами: организационно-массовый, научный и отдел передвижных выставок. Пожелания экскурсантов напрямую говорили о необходимости усиления научной работы по совершенствованию экспозиции мемориального комплекса Крымской конференции. Помимо того, высказывались пожелания о создании экспозиции, посвящённой истории курортного дела в Крыму и УССР. Для решения этих задач председатель терсовета также просит отправить в командировку сотрудников выставочного зала в Москву, Ленинград и Киев.

По завершении активного туристического сезона 1974 года заведующий Ливадийским выставочным залом Георгий Степанович Переплица начинает научно-исследовательскую деятельность с запроса от 18 октября 1974 года в Государственную библиотеку имени В. И. Ленина в Москве с просьбой оказать помощь в составлении списка литературы и библиотечки по материалам Крымской (Ялтинской) конференции 1945 года [11]. Составленный библиотекой список дал толчок научной деятельности в сфере изучения Крымской конференции.

Кроме того, Г. С. Перепелицей были направлены письма в Музей Революции (участвовавший в создании экспозиции «Крымская конференция»), Госкомитет по кинематографии с просьбой приобрести хронику конференции, музей В. И. Ленина, Красногорский музей кино- и фотодокументов. Велась исследовательская работа не только по теме «Крымская конференция», но и по истории строительства дворца. Заведующий выставочным залом вёл личную переписку с Александром Михайловичем Горячевым — сыном художника и строителя Ливадийского дворца.

Руководители выставочного комплекса заботились не только о развитии научной деятельности, большое внимание

уделялось и экспозиции с интерьерами, при учёте многочисленных отзывов посетителей дворца. Так, председатель Ялтинского территориального совета по управлению курортами профсоюзов В. Борозенный в 1974 году обратился к министру культуры УССР А. Романовскому с просьбой дать указание Управлению культуры Крымского облисполкома о передаче выставочному залу Ливадийского дворца утраченной мебели, изделий из фарфора и фаянса, произведений живописи и скульптуры, фотоальбомов, фотографий, чертежей и документов, отражающих историю строительства Ливадийского дворца, которые хранились в фондах Крымского областного, Ялтинского краеведческого, Алушкинского и других музеев, а также картинных галерей Крыма.

Таким образом, в 1974 году Ливадийский дворец открылся для посетителей в качестве выставочного зала благодаря историческому событию и культурно-идеологической сознательности государственных деятелей и граждан СССР. Это был беспрецедентный случай в истории музеев Крыма и Ялты в послевоенное советское время. Создание музеев на базе дворцов и имений Ялты было распространённой тенденцией в 1920-е годы, после установления советской власти. Постепенно векторы советской политики изменялись, музеи закрывались. Но память о лишениях в годы Великой Отечественной войны и, самое главное, о Победе способствовала зарождению музея в Ливадийском дворце. Кроме того, здание самого дворца, история его первоначальных владельцев и история Ливадии не оставляли равнодушными сознательных гостей и жителей курорта.

Использованные источники и литература

1. Государственный архив Республики Крым (далее — ГАРК). Ф. Р-4048. Оп. 1. Д. 453.
2. Дорошенко Е. Н., Шамрин О. А. Из писем о создании исторического музея в Ливадийском дворце-музее и экспозиции «Крымская конференция» // Крымская конференция

1945 года в воспоминаниях и документах. Симферополь : Издат. дом «Крым» ; ВГМИ «Таврия», 2006.

3. Архив Ливадийского дворца-музея (Архив ЛДМ). Ф. 3. Оп. 10. Д. 37.

4. ГАРК. Р-1030. Оп. 1. Д. 851.

5. ГАРК. Р-1030. Оп. 1. Д. 851.

6. Архив ЛДМ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 37.

7. Фотография. Участник Крымской (Ялтинской) конференции, советский дипломат Фёдор Тарасович Гусев среди сотрудников Ливадийского выставочного комплекса во время визита в Ливадию в 1974 году. ЛДМ КП-3896, Ф-1290.

8. Архив ЛДМ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 37.

9. Архив ЛДМ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 37.

10. Дорошенко Е. Н., Шамрин О. А. Из писем о создании исторического музея в Ливадийском дворце-музее и экспозиции «Крымская конференция» // Крымская конференция 1945 года в воспоминаниях и документах. Симферополь : Издат. дом «Крым» ; ВГМИ «Таврия», 2006.

11. Архив ЛДМ. Ф. 3. Оп. 10. Д. 37.

Solntse E. O.

Opening of the «Historical and Memorial Complex Crimean Conference of the Three Allied Powers and the Art Gallery» in Livadia Palace in 1974

Abstract. *This paper presents a political event at the international level as an occasion to create a prototype of the future museum. From June 29 to July 2, 1974, US President Richard Nixon was out in Crimea. On the threshold of that, some halls of the Livadia Palace were vacated within a very short time under the exhibition hall «Historical and memorial complex Crimean Conference of the Three Allied Powers and the Art Gallery» in accordance with the decision of the All-Union Central Council of Trade Unions (VTsSPS). There are also presented the first stages of the functioning of the exhibition hall which were based on their particular contradictions — a sanatorium-based cultural institution. But the interest of domestic and foreign tourists contributed to the development of the Livadia palace as a museum, and the activities of its employees lead to the inception of the museum's fundamental characteristics.*

Keywords: *Richard Nixon, Leonid Brezhnev, Livadia exhibition complex, Crimean Conference, art gallery, museum activity.*

Н. П. Таньшина

*доктор исторических наук, профессор кафедры
всеобщей истории Института общественных наук
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
профессор кафедры новой и новейшей истории
Московского педагогического государственного университета,
ведущий научный сотрудник лаборатории западноевропейских
и средиземноморских исторических исследований
исторического факультета Государственного академического
университета гуманитарных наук (г. Москва)*

**КРЫМ ЭПОХИ НИКОЛАЯ I:
ВЗГЛЯД ИЗ ФРАНЦИИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ
ШАРЛЯ ДЕ СЕН-ЖЮЛЬЕНА
И АДЕЛЬ ОММЕР ДЕ ГЕЛЛЬ)**

Аннотация. *Статья посвящена исследованию образа Крыма эпохи правления императора Николая I в работах двух французских путешественников: Адель Оммер де Гелль, которая вместе с мужем, инженером и учёным-геологом Ксавье Оммером де Геллем, побывала в России в 1830–1840-х годах с целью геологических исследований южных земель — Кавказа и степей Каспийского моря, а также французского журналиста и писателя Шарля де Сен-Жюльена (1802–1869), многие годы проработавшего в России и в 1851 году совершившего большое путешествие по нашей стране, включая Крым. На основе изучения работ А. Оммер де Гелль и Ш. Сен-Жюльена в статье проводится компаративный анализ взглядов двух путешественников и делается вывод о том, что оба они описывали Крым с большой симпатией, высоко оценивали уровень преобразований в Крыму, достигнутый в годы правления генерал-губернатора М. С. Воронцова. В то же время их образ Крыма не свободен от ряда стереотипов и штампов, свойственных иностранным путешественникам.*

Ключевые слова: *образ Крыма эпохи Николая I, travelоги, Адель Оммер де Гелль, Шарль де Сен-Жюльен, стереотипы восприятия.*

После того как Крым в 1783 году был присоединён к России, он стал объектом пристального внимания и интереса со стороны иностранцев. Их там побывало немало, многие из них оставили свои наблюдения, но знаний всё равно не хватало. Часто иностранцы воспроизводили стереотипы, клише, повторяли написанное предшественниками или же создавали собственные мифы.

В центре внимания этой статьи — взгляд на Крым двух французов, посетивших полуостров в эпоху правления императора Николая I.

Этот взгляд — не вполне типичный. Первый взгляд — женский, что уже показательно, ведь женских воспоминаний гораздо меньше. Имя этой француженки — Адель Оммер де Гелль. В 1838 году вместе с мужем — Ксавье Оммером де Геллем, инженером, учёным-геологом, она отправилась в Россию для геологических исследований южных земель — Кавказа и степей Каспийского моря. За открытие в 1839 году железного рудника на берегу Днепра император Николай I наградил Ксавье орденом Св. Владимира. В 1841 году семья предприняла очередное путешествие по Молдавии и югу России. В 1848 году Ксавье умер от дизентерии в Персии, а Адель в 1860 году ещё раз побывала в России. Супруги оставили ряд работ о путешествиях по Кавказу, степям Каспийского моря, Крыму и югу России¹.

Второй взгляд — мужской, и это взгляд не учёного-естествоиспытателя, а гуманитария. Это французский журналист и писатель Шарль де Сен-Жюльен (1802–1869), многие годы проработавший в России. Весной 1851 года он совершил долгое путешествие через Москву, Нижний Новгород, Казань,

¹ *Hommaire de Helle X. Les Steppes de la mer Caspienne, le Caucase, la Crimée et la Russie méridionale.* Т. 1–3. Paris, 1843–1845 ; *Hommaire de Helle A. Rêveries d'un voyageur, poésies par Mme Adèle Hommaire de Hell.* Orient, Russie et Moldavie. Paris, 1846 ; *Hommaire de Helle A. Voyage dans les steppes de la mer Caspienne et dans la Russie méridionale.* Paris, 1860 ; *Hommaire de Helle A. Équipée dans les steppes de Russie 1840–1844.* Paris, 1868 (переизд. в 1993 г.).

потом по Волге добрался до Астрахани, оттуда направился на Кавказ, в курортные города Пятигорск, Кисловодск и оказался в Тифлисе. Обратный путь проделал через Тамань, Керчь, Крым, Херсонес, Одессу, украинские степи и Киев. В 1853 году, накануне Крымской войны, Сен-Жюльен опубликовал о своём путешествии книгу под названием «Живописное путешествие по России»².

То есть это два разных человека: мужчина и женщина, технический специалист и гуманитарий. Адель совершала путешествие с мужем, что называется, «по делам». Шарль — путешествие с целью описания. Их вояжи разделяют десять лет, и тем интереснее сравнить их взгляды. Кроме того, если работу Ш. Сен-Жюльена французский историк Мишель Кадо рассматривает как благожелательную по отношению к России, то работы Адель и её супруга — как антироссийские. У меня же по прочтении работ Адель Оммер де Гелль сложилось иное мнение. Сам факт того, что по следам путешествия по России и Молдавии Адель выпустила поэтический сборник, показателен. А после прочтения её поэмы о Крыме (записана в Бахчисарае 29 апреля 1841 г.) создаётся впечатление, что она в него совершенно влюбилась! Она пишет о том, что невозможно не испытывать удовольствия от посещения Крыма и чувства сожаления от расставания с ним [1, р. 157] и что «Бог создал эту землю для тех, кто хочет жить в мире и любви» [1, р. 156].

Её стихи, может быть, и не являющиеся шедевром мировой поэзии, наполнены интересом, любопытством и не просто симпатией, а любовью к Крыму. Это своеобразный путеводитель в стихах, где есть указания на все его достопримечательности:

² *Saint-Julien Ch. de. Voyage pittoresque en Russie. Paris, 1853.* В следующем году эта работа была опубликована в книге вместе с работой М. Бурдые «Путешествие по Сибири. См: *Voyage pittoresque en Russie par M. Charles de Saint-Julien, suivi d'un Voyage en Sibirie, par M. R. Bourdier. Paris, 1854.*

Этот край был создан Богом для любви и наслажденья,
Как оставить эту землю без тоски и сожаленья?
Как остаться равнодушным к этим девственным красотам?
К Аю-Дагу, Симеизу и Ай-Петринским высотам?
Как увидеть в этих скалах лишь камней нагроможденье?
То божественной природы в земле Крыма отраженье!
Только человек без сердца не заметит это чудо,
Ты мечты открыл мне дверцу, Крым, тебя я не забуду!³
[1, p. 156–157]

Аналогичное впечатление создаётся по прочтении работы Адель Омер де Гелль «Путешествие по степям Каспийского моря и южной России», опубликованной в 1860 году. Свою книгу она предваряет статьёй, написанной известным литератором Сен-Марком Жирарденом и опубликованной в «Le Journal des Débats» 5 декабря 1845 и 6 января 1846 года. Статья, имеющая явно критический характер, посвящена работе её мужа «Степи Каспийского моря, Кавказа, Крыма и южной России», выходившей в 1843–1845 годах. Сен-Марк Жирарден называет работу Ксавье де Гелля самой «забавной и поучительной из всех книг, которые можно прочесть о России», и упрекает супругов-путешественников в том, что, не посетив ни Петербурга, ни Москвы и видя только южные русские земли, берега Каспийского и Чёрного морей, они судили о России в целом, принципах её управления, составе населения, нравах, обычаях, «то есть обо всём, что якобы лучше понимаешь вдали от двора и административного центра» [2, p. II]. Адель не спорит с известным литератором; она просто делится своими впечатлениями о путешествии по югу России, теперь уже в прозе, но её отношение к нашей стране остаётся прежним: Россия ей нравится.

Адель — настоящая путешественница, а путешествие по степям Каспийского моря для неё — настоящая авантюра!

³ Отрывок из поэмы приводится в переводе автора статьи.

Утончённая парижанка, она не боится трудностей, а, наоборот, в восторге от того, что окажется в столь отдалённых местах, где будет вести кочевую жизнь, полную приключений, ночевать не в уютной комнате гостиницы, а под навесом в пустыне [2, р. 2–3]. Нельзя сказать, что восторженная путешественница видит российскую действительность исключительно сквозь розовые очки. Адель говорит и о «деспотизме» власти (которая, по её же словам, оказывается не такой уж деспотичной⁴) [2, р. 6], и воспроизводит стереотипы о «потёмкинских деревнях» [2, р. 6–8], но в целом увиденную ею Россию описывает, на мой взгляд, с симпатией.

Южный берег Крыма поразил её как своими природными, так и рукотворными красотами. История российского Крыма насчитывала к тому моменту ещё относительно немного времени, но за весьма короткий по историческим меркам период в результате правления российских властей полуостров претерпел большие позитивные изменения, особенно при генерал-губернаторе Новороссийского края графе (с 1845 г. — князе) Михаиле Семёновиче Воронцове. За двадцать один год его руководства, с 1823 по 1844-й, был создан тот Крым, который мы знаем и поныне, с его знаменитым Воронцовским дворцом и парком, дворцом в Массандре, виноградниками и винным заводом «Магарач», а также дорогой, соединившей населённые пункты Крымского побережья. Правда, дворец Воронцова в Алушке, тогда ещё строившийся, Адель не понравился. Она его именует «почти царской резиденцией», но полагает, что «в наши дни такое жилище — это настоящий анахронизм». Огромные башни и стены дворца она называет «пародией на прошлое»: «Что они видели? Свидетелями каких битв, каких историй люб-

⁴ Например, русский дипломат Виктор Балабин поражался, как трепетно французы относились к сохранению того, что называется «культурно-историческим наследием», а Адель не понимала, почему русские не только не сохраняли, но разрушали исторические памятники, а «деспотичная» власть никак не могла этому воспрепятствовать.

ви и ненависти являлись?» Резиденцией Воронцова, по словам Адель, можно любоваться, но она не затрагивает душу [2, р. 370–371] (хотя в поэме о Крыме она восторгается и дворцом!). В целом же деятельность графа Воронцова она оценивала очень высоко, отмечая, что именно он создал привлекательный образ Крыма, туда потянулись и аристократы, начинавшие воспринимать полуостров как модный курорт, и предприимчивые люди, желавшие там экономически преуспеть, в том числе и иностранцы. Однако большинство из них, по её словам, разорялись [2, р. 372–373].

А теперь второй путешественник, Шарль де Сен-Жюльен. Как полагал М. Кадо, Сен-Жюльен вернулся в Россию искать успеха, который не мог обрести на родине, отсюда и его добожелательный тон [4, р. 110]. В предисловии к книге, написанном в Петербурге в мае 1853 года, он объясняет свой замысел: уже давно у него возникла идея написать книгу о России, политическое влияние которой в Европе заметно возросло. Однако, по словам Сен-Жюльена, за исключением небольшого количества работ, публиковавшихся в «*Revue des Deux Mondes*» и некоторых других изданиях, о России издавались только памфлеты или книги, содержащие массу заблуждений. Россия, по его мнению, остаётся *terra incognita* для Европы, отдалённая от неё расстоянием, незнанием языка и нехваткой серьёзного изучения на местности. По его мнению, «путешествие по России может быть плодотворным только после глубокого погружения в её историю, язык, быт» [3, р. 4–5].

Как отмечалось выше, Сен-Жюльен не ограничился только посещением столиц. Помимо Нижнего Новгорода, пункта «обязательной программы» для иностранных путешественников, он побывал в Астрахани, на Кавказе, где ему очень понравилось, поэтому покидал этот гостеприимный край он с большим сожалением: «Я испытал там незабываемые эмоции, повстречал удивительных людей. Я там нашёл всё то, что может возбудить воображение и очаровать душу: в целом

жизнь, наполненную приключениями, и дружеские сердца» [3, р. 405–406].

После Кавказа его ждал Крым; причём он, как и Адель, намеревался путешествовать как настоящий цыган, ночуя в палатке в степи. Из Тифлиса он направился в Кисловодск, потом в Пятигорск, через Тамань — в Крым.

По мнению Сен-Жюльена, Крым остаётся территорией, известной только в теории: «Все знают о том, где находится Крым, этот почти остров. Знают, что он плодороден, богат и живописен, что он имеет тенистые долины с журчащими ручьями, что красоте его мест и видов позавидовали бы Швейцария и Италия. Все это знают, но никто этого не видел, и потому я хотел его увидеть своими глазами...» [3, р. 414].

В этом проявляется весьма характерная деталь: о России все путешественники пишут так, будто до них никто и никогда о ней не писал (а в Крыму побывали многие путешественники, в том числе французы, и многие оставили свои наблюдения, как, например, П. Гибаль и П. де Барант). Как учёного-филолога его особенно привлекал Херсонес Таврический, именно туда был устремлён его взор! Но сначала он попадает в Керчь. Он отмечал большой прогресс, достигнутый в Керчи, после того, как она в 1774 году перешла к России. В отличие от многих иностранцев, подчёркивавших, что после присоединения Крыма к России татары были вынуждены покинуть свои места, что привело к упадку полуострова, Сен-Жюльен отмечал, что, действительно, татары оставили Керчь и она на самом деле обезлюдела, «но за 30 лет Керчь совершила значительный прогресс. Ее торговля возрастает с каждым днём. И сегодня она может забыть об исходе татар. Керчь должна стать одним из важнейших городов полуострова. И это уже происходит» [3, р. 416], — такой вывод делал Сен-Жюльен. Вообще, в Керчи его привлекали прежде всего «её греческое имя, греческое происхождение и античное прошлое» [4, р. 416].

Поэтому с огромным нетерпением путешественник желал увидеть Херсонес Таврический. Он писал: «Ступив на знаменитый берег Херсонеса, я испытал нечто вроде электрического разряда» [3, р. 409]. Его переполняли эмоции. Если Россия в целом — это незнакомая ему культура, то в Херсонесе на него нахлынули «воспоминания о давнем прошлом, об античных памятниках, социальных потрясениях, исторических революциях. Немного в мире земель, история которых корнями уходит так глубоко, как история Крыма» [3, р. 409].

Ещё Сен-Жюльен хотел увидеть Крым татарский. Он провёл настоящую классификацию татарского населения, разделив его на три группы: татары, проживающие на южном побережье полуострова; татары городов Северного Крыма, живущие в горах, и татары степные. Последние, по его словам, сохранили чистоту расы, не смешиваясь с монголами. Они занимаются земледелием, скотоводством, но не разводят сады [3, р. 411–412]. Среди горных татар доминирует тюркский тип, особенно в высших классах. У южных татар преобладает почти монгольский тип. Эти татары ленивые; они довольствуются фруктами, табаком и выпечкой. В целом же татары Крыма, по мнению Сен-Жюльена, — «достойные, трезвые и гостеприимные» люди. «Что касается недостатков, то я скажу так: у какого народа их нет? Да, они нечистоплотные, но это проистекает из их природы. Да, они не всегда держат слово, но только по отношению к христианам. Я же замечаю у них только хорошие качества» [3, р. 412–413].

С другой стороны, Сен-Жюльен порой воспроизводит хрестоматийные представления о татарской лени: «Эти три класса татар ничего ни у кого не просят. Объём их труда пропорционален их потребностям, а сумма их удовольствий регулируется их состоянием» [3, р. 413].

Оказавшись в Феодосии, он отметил её удобное местоположение, но больше всего его поразило название одного из

отелей, «La Ville de Raris». «Приехать в Херсонес Таврический, чтобы разместиться в отеле с таким названием!» Поэтому Сен-Жюльен выбрал гостиницу с названием «Ville de Constantinople», что, по его словам, гораздо больше соответствовало местному колориту [3, р. 418].

Ему был очень интересен Бахчисарай, по его словам, его важнейшая цель в Крыму (хотя до этого такой целью был Херсонес, как мы помним). Он описывает ханский дворец, где «всё утопает в садах и фонтанах, наполнено запахами, свежестью, тенью и тайной, самой фееричной вещью на свете» [3, р. 425]. Он описывает фонтан, «воспетый Пушкиным в его знаменитой поэме» [3, р. 427]. Бахчисарай для него — это татарская Гренада; город, сумевший сохранить свой древний характер [3, р. 426–427].

Севастополь как военный порт его не заинтересовал (видимо, потому что он учёный, а не политик). Из Севастополя он совершил 36-часовое морское путешествие на пароходе в Одессу. «Вот город, происхождение которого может сравниться с Венецией или Амстердамом, не обстоятельствами, предшествовавшими его возникновению, но скорее случаю, которым он обязан своему рождению. Когда подумаешь, что ещё в конце прошлого века не был заложен первый камень, поражаешься этому городу. В 1792 году на том месте, которое занимает сегодня этот большой город, этот замечательный порт, была только маленькая татарская деревушка и турецкая крепость» [3, р. 433–434].

По его словам, после того как герцог Ришельё стал губернатором Одессы, под его руководством эта территория родилась во второй раз, а всего спустя 60 лет превратилась в замечательный город с 72 тысячами жителей. Ришельё он именует «подлинным создателем новой столицы Новороссии» [4, р. 435]. Правда, по его мнению, в городе доминирует торговый дух, поэтому не стоит там искать «ничего для души, ума и чувств. Там, где деньги занимают первое место, не надо думать ни об искусствах, ни о душе,

ни о чувствах». В то же время через Одессу Европа получала зерно: «Одесса кормит Европу во времена неурожая, и даже этой зимой Европа никак не обошлась бы без неё» [3, р. 434–435].

Потом по степям через Херсон и Екатеринослав Сен-Жюльен направился в Киев. В целом можно сказать, что взгляд Сен-Жюльена на Россию — весьма доброжелательный, позитивный. Работа написана очень ярко, создавая привлекательный для иностранцев образ России. Это своеобразный путеводитель по России и по Крыму в частности (а Сен-Жюльен был автором первого путеводителя по Санкт-Петербургу, которым пользовался во время своего визита в Россию Бальзак). Как полагал французский исследователь М. Кадо, книга Сен-Жюльена не стала бестселлером, поскольку появилась в очень неподходящий момент, накануне Крымской войны, когда публике было не до травелогов [4, р. 110], особенно если в них Россия описывалась в позитивном ключе, а противник априори не может быть привлекательным. На мой взгляд, пояись она в другое время, вряд ли стала бы популярной: как известно, хорошая история — это негативная история.

Итак, какой итог можно подвести? Оба путешествия пришлось на вторую фазу освоения Крыма, на период генерал-губернаторства Воронцова, когда Крым сделал большие успехи. И это видели и амазонка Адель, и учёный-интеллектуал Сен-Жюльен. Они оказались в Крыму по разным причинам, в разное время; их описания — различны, но их взгляд на Крым, с одной стороны, такой посещаемый иностранцами, но с другой стороны — абсолютно для них неизвестный, — очень доброжелательный. И весьма похож на взгляд современных иностранцев, тех, которым в Крыму и в России нравится. Потому что в Крым невозможно не влюбиться, говоря словами Адель, а негативные работы — это уже пропаганда, русофобская идеология и политика. Но это тема для отдельной статьи.

Использованные источники и литература

1. *Hommaire de Helle A.* Rêveries d'un voyageur, poésies par Mme Adèle Hommaire de Hell. Orient, Russie et Moldavie. Paris, 1846.
2. *Hommaire de Helle A.* Voyage dans les steppes de la mer Caspienne et dans la Russie méridionale. Paris, 1860.
3. [*Saint-Julien Ch., de*] Voyage pittoresque en Russie par M. Charles de Saint-Julien, suivi d'un Voyage en Sibirie, par M. R. Bourdier. Paris, 1854.
4. *Cadot M.* La Russie dans la vie intellectuelle française. 1839–1856. Paris, 1967.

Tanshina N. P.

The Crimea of the Nicholas I Epoch: a View from France (Based on Materials of Charles de Saint-Julien and Adele Hommaire de Helle)

Abstract. *The article is devoted to the Crimea image of the Nicholas I epoch in the works of two French travelers: Adele Hommaire de Gelle (who, together with her husband, an engineer and geologist Xavier Hommaire de Gelle, visited Russia in 1830–1840s for the purpose of geological studies of the southern lands — the Caucasus and the steppes of the Caspian Sea) and Charles de Saint-Julien (a French journalist and writer, who had worked in Russia for many years and in 1851 made a long journey through our country, including the Crimea). Based on the study of the works of A. Hommaire de Gelle and Ch. de Saint-Julien, the author provides a comparative analysis of the views of two travelers and concludes that both of them described the Crimea with great sympathy, highly appreciated with the level of the Crimea transformation achieved under the General-Governor M. S. Vorontsov governance. At the same time, their image of the Crimea is not free from a number of stereotypes and stamps peculiar to foreign travelers.*

Keywords: *The Crimea image of the Nicholas I epoch, travelogues, Adele Hommaire de Gelle, Charles de Saint-Julien, stereotypes of perception.*

Б. Л. Хавкин

*доктор исторических наук, профессор факультета
международных отношений и зарубежного регионоведения
Историко-архивного института
ФГБОУ ВПО «Российский государственный
гуманитарный университет» (г. Москва)*

НЕМЕЦКОЕ АНТИГИТЛЕРОВСКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ КАК ФАКТОР МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. *Тема немецкого антигитлеровского Сопротивления — проблема в истории международных отношений, которая и в XXI веке не только представляет научную актуальность, но и сохраняет и будет вызывать значительный общественный резонанс. Несмотря на то что антигитлеровское Сопротивление немцев было неотъемлемой частью европейского движения Сопротивления, оно не подвергалось специальному исследованию в свете истории международных отношений 1933–1945 годов. Однако немецкое движение Сопротивления внесло свой вклад в общую победу антигитлеровской коалиции над германским нацизмом.*

Ключевые слова: *немецкое антигитлеровское Сопротивление, антигитлеровская коалиция, личности и группы Сопротивления, представления о будущем Германии.*

Тема немецкого антигитлеровского Сопротивления — проблема в истории международных отношений, которая и в XXI веке не только представляет научную актуальность, но и сохраняет и будет вызывать в дальнейшем значительный общественный резонанс, связанный с непреходящей ролью истории Второй мировой войны и Великой Отечественной войны в формировании национальной исторической памяти России.

Антигитлеровское Сопротивление немцев было неотъемлемой частью европейского движения Сопротивления; оно «с полным правом может быть включено в западноевропейское Сопротивление. Началось это движение ещё в 1933 году, сразу

же после захвата нацистами власти. Трудности, стоявшие перед немецкими патриотами-антифашистами, были порождены не только тотальным террором, царившим в Германии, казалось бы, исключавшим самую малую возможность существования какой-либо оппозиции нацистскому режиму. Не меньше трудностей создавала столь же тотальная оболванивающая пропаганда, основанная на расизме и социальной демагогии, представлявшая немцев “избранной расой господ”» [1, с. 221].

Специфика немецкого антигитлеровского Сопротивления 1933–1945 годов состояла и в том, что это движение никогда не было общенациональным, массовым и народным, однако оно было значительно шире, чем это представлялось ранее, и во многом определило послевоенный процесс «преодоления прошлого». Среди результатов этого процесса в ФРГ — полная переоценка роли германского военного Сопротивления в истории Второй мировой войны и международных отношений военного времени [2].

Показ специфики немецкого Сопротивления — это актуальная задача исторической науки, связанная с написанием правдивой истории Второй мировой войны. Обстановка в нацистской Германии была для участников внутригерманского Сопротивления «особенно сложной»: они «оказались перед драматической дилеммой: либо способствовать поражению собственной страны в войне, чтобы добиться свержения гитлеризма, либо самим попытаться свергнуть фашистское правительство, чтобы заключить мир и предотвратить национальную катастрофу», — отмечается в труде Института всеобщей истории РАН «Движение Сопротивления в Западной Европе» [3, с. 72].

В плане истории международных отношений 1933–1945 годов немецкое антигитлеровское Сопротивление ранее не подвергалось специальному исследованию. В советской историографии господствовали клише времён холодной войны. О том, что целью заговора части немецкой военно-политической элиты против Гитлера, правда неудачного, было свержение нацистского режима, прекращение войны на всех

фронтах, включая Восточный, и проведение в Германии свободных демократических выборов, советская литература по истории международных отношений умалчивала. В издании «История дипломатии» традиционно для советской историографии утверждалось, что «заговорщики (участники заговора против Гитлера. — Б. Х.) собирались сохранить фашистский режим ценой устранения самого Гитлера и его ближайших приспешников, заключить перемирие с западными державами и перебросить все войска на Восточный фронт для продолжения войны с Советским Союзом» [4, с. 443]. «История дипломатии» писала, что «заговорщики находились в контакте с западными державами, в том числе с американской разведкой в Европе» [4, с. 444]; при этом ничего не было сказано о поисках заговорщиками контактов с Советским Союзом и о созданном на его территории немецком антифашистском Национальном комитете «Свободная Германия».

В 1938–1944 годах немецкое антигитлеровское Сопротивление могло бы, в случае его успеха, сыграть решающую роль в истории международных отношений. Заговоры немецких военных против Гитлера (Гальдера в 1938 г., Трескова в 1943 г., Штауффенберга в 1944 г.) привели бы к отстранению Гитлера от власти. Это значит, что вся европейская, да и мировая, история пошла бы иначе. «Речь идёт не о “контрфактологических” сценариях типа “а что было бы, если” (хотя порой в них есть глубокий смысл). Имеется в виду то обстоятельство, что политики обычно принимают решения в порядке выбора из альтернативных вариантов. Проследить, какие это были варианты и были ли они вообще, — это существенная часть раскрытия политического процесса», — отмечал ведущий российский исследователь германского вопроса А. М. Филитов [5, с. 10].

В данном случае можно говорить об альтернативе: с одной стороны, поддержка антигитлеровской коалицией сил немецкого антигитлеровского Сопротивления (разыгрывание Вашингтоном, Лондоном и Москвой «карты» немецкого Сопротивления) и уничтожение нацистского режима силами

антигитлеровской коалиции при помощи немецкого Сопротивления или же, с другой стороны, борьба антигитлеровской коалиции с Германией до победного конца и игнорирование союзниками фактора Сопротивления и возможности заключения мира с немецкими противниками Гитлера.

Если же отказаться от сослагательного наклонения и поиска альтернатив в истории, то следует признать, что немецкая антифашистская эмиграция после 1933 года настраивала мировое общественное мнение против Гитлера и готовящейся им новой войны за передел мира. К сожалению, антифашистские силы в Германии, в эмиграции и во всём мире были расколоты, что дало возможность нацистам, играя на противоречиях западных демократий и Советского Союза, развязать Вторую мировую войну.

В ходе войны различные силы немецкого Сопротивления занимались антинацистской пропагандой и саботажем на военных предприятиях, создавали оппозиционные кружки, где разрабатывали основы послевоенного будущего Германии без Гитлера, сотрудничали с разведками стран антигитлеровской коалиции, готовили заговоры против Гитлера и покушения на него, участвовали в партизанском движении на временно оккупированных Германией территориях, пытались создать немецкие антигитлеровские воинские формирования, искали союзников среди стран антигитлеровской коалиции, разрабатывали проекты послевоенной Германии.

Советский Союз, Великобританию, США и немецкое антигитлеровское Сопротивление в ходе Второй мировой войны объединяло наличие общего врага — Гитлера. Немецкие противники Гитлера, сотрудничая со странами антигитлеровской коалиции, стремились играть роль немецкой национальной антигитлеровской силы. Но, так как внутри антигитлеровской коалиции существовали серьёзные военно-политические разногласия между СССР и его западными союзниками, немецкие противники Гитлера вынуждены были балансировать между Советским Союзом, с одной сто-

роны, и Великобританией и США, с другой. Немецкое антигитлеровское Сопротивление находилось между двумя полюсами — Востоком и Западом [6].

Третий рейх, важнейшими институтами внешней политики которого были не только министерство иностранных дел, но и спецслужбы (бюро Риббентропа, личный штаб рейхсфюрера СС, внешнеполитическая разведка СД, военная разведка) не раз пытался расколоть союзников, используя для этого фактор немецкого Сопротивления. В конце войны лица из ближайшего окружения рейхсфюрера СС, выдававшие себя за представителей антигитлеровской оппозиции (к тому времени уже разгромленной нацистами), предприняли на Западе зондаж возможности заключения сепаратного мира в обмен на «голову» Гитлера [7, с. 129–134].

Во время войны одни группы германской творческой и политической эмиграции, в основном коммунисты, сотрудничали с СССР, другие — осевшие на Западе (социал-демократы, либералы, консерваторы) — с Францией (до её оккупации Германией в 1940 г.), а также Великобританией и США.

Часть немецких антигитлеровских сил («Красная капелла» [8], НКСГ и СНО) ориентировались на СССР. Этому во многом способствовало заявление И. В. Сталина о том, что «было бы смешно отождествлять клику Гитлера с германским народом, с германским государством. Опыт истории говорит, что гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское — остаётся» [9, с. 186].

Как отмечал в мемуарах генерал-майор М. И. Бурцев, который в годы Великой Отечественной войны возглавлял отдел (с августа 1944 г. — управление) спецпропаганды Главного политуправления Красной армии, «антифашистская программа НКСГ вполне согласовывалась с целями и задачами войны советского народа и всей антигитлеровской коалиции» [10, с. 186].

«Германский комитет — это орган пропагандистский, — заявлял Сталин в беседе с британским министром иностранных дел А. Иденом 21 октября 1943 года. — Конечно, в гер-

манском комитете есть люди, которые мечтают о том, что они будут решать судьбы Германии. Однако нужно помнить, что ни одно уважающее себя правительство не будет иметь дело с военнопленными» [11, с. 664].

Тем не менее, как отмечал Бурцев, «что касается наших союзников — США и Англии, то они расценили НКСГ как правительственный орган будущей Германии и даже выразили протест против разрешения его антифашистской деятельности» [12, с. 187].

Другая часть немецкого Сопротивления (консервативная оппозиция К. Гёрделера, Й. Попица, У. фон Хасселя, Э. Роммеля, Э. фон Вицлебена, Л. Бека, Г. Гизевиуса) ориентировалась на США. Но и среди дипломатов и военных, готовивших государственный переворот 20 июля 1944 года, были сторонники заключения мира с СССР и налаживания с ним взаимовыгодных равноправных отношений по образцу советско-германского сотрудничества периода Рапалло [13].

Молодые офицеры-фронтовики: генерал Х. фон Тресков, полковник К. фон Штауффенберг, полковник Р.-К. фон Герсдорф, подполковник К.-Х. фон Харденберг, майор И. Кун, обер-лейтенант В. фон Хефтен и другие — считали необходимым, пока у Германии ещё есть силы, добиваться прекращения войны на всех фронтах, включая Восточный. Эти офицеры не разделяли антисоветских взглядов К. Гёрделера и его единомышленников и отвергали идею совместных действий западных союзников и «антигитлеровского вермахта» против Советского Союза. Штауффенберг развивал идеи «братства всех угнетённых Гитлером» и сотрудничества с коммунистами и социал-демократами. Штауффенберг отвергал антисоветские планы Гёрделера и говорил о необходимости равноправного взаимовыгодного сотрудничества послегитлеровской Германии с Советским Союзом. Соратник Штауффенберга полковник А. Мерц фон Квирнхейм требовал установления контактов с находившимся в СССР Национальным комитетом «Свободная Германия» [14, с. 312].

Основные цели НКСГ, изложенные в его учредительном манифесте от 12–13 июля 1943 года, совпадали с задачами немецкой военной оппозиции Гитлеру [15, с. 102–108].

Как свидетельствует западногерманский историк Г. Риттер, социал-демократ профессор А. Рейхвейн, который рассматривался заговорщиками в качестве министра культуры в послегитлеровском правительстве Германии, видел в СССР «великую и мощную страну будущего, без которой и против которой отныне невозможна никакая европейская политика» [16, с. 334]. Эти взгляды разделял посол граф Ф. В. фон дер Шуленбург, убеждённый сторонник добрососедских германо-советских отношений, которому заговорщики прочили пост нового министра иностранных дел Германии.

В разработанном участниками «кружка Крейсау» документе «Основные принципы нового порядка» (известном также как проект Мольтке от 9 августа 1943 г.) [17, с. 561–567] историческая и политическая ответственность за нацизм и войну возлагалась на Третий рейх. В документе говорилось, что «после дня “X”» необходимо не просто вернуться к Веймарскому «многопартийному государству», ценности которого члены «кружка Крейсау» считали в значительной степени дискредитированными, а создать новую Германию. Мольтке и его единомышленники стремились к духовному и политическому обновлению Германии, которое рассматривалось ими в качестве альтернативы тоталитарной диктатуре нацистов. Новый «внутренний порядок должен стать основой для справедливого и длительного мира», путь к созданию которого «лежит, очевидно, в решительном и действенном воплощении в жизнь христианского наследия» [18, с. 367].

Этот документ существенно отличался от конституционных проектов лидера консервативной оппозиции К. Гёрделера, предусматривавших установление в Германии парламентарной монархии или авторитарно-сословного государства, что было бы шагом назад по сравнению с Веймарской республикой. Гёрделер считал, что целью Германии «должно быть

постепенное включение России в европейское объединение», в котором доминировала бы Германия: «Федерация европейских государств под германским главенством станет через 10–15 лет фактом» [19, с. 73–74].

Если Гёрделер был сторонником сохранения и укрепления Германской империи в довоенных границах, то лидеры «кружка Крейсау» мечтали о будущей свободной и децентрализованной Германии, федерации земель, равноправном члене европейского союза наций, может быть, даже с единой для всей Европы (но без России и Англии) валютой и общими вооружёнными силами [20, с. 114–127].

Однако между обеими программами было и нечто общее: их «ордолиберализм»¹ (немецкая ветвь неолиберализма, объединявшая видных немецких экономистов вокруг ежегодника «Ордо» и его главного редактора В. Ойкена). Смысл ордолиберального учения сводится к тому, что «государство в сущности ограничивается формированием экономического строя, тогда как само по себе регулирование и ход хозяйственного процесса происходят спонтанно» [21, с. 71]. После Второй мировой войны некоторые идеи «ордолиберализма» воплотились в ФРГ в реформе Л. Эрхардта, с которой началось «немецкое экономическое чудо».

К сожалению, вклад немецкого Сопротивления в общую победу над германским нацизмом и в международные отношения времён Второй мировой войны оказался недооценённым в России, а их представления о послевоенном будущем — не изучены.

Использованные источники и литература

1. Движение Сопротивления в Западной Европе. 1939–1945. Национальные особенности. М. : Наука. 1991. 224 с.
2. Der 20. Juli. Von E. Budde und P. Lütches. Düsseldorf, 1952. 152 S.; Hoffmann P. Widerstand. Staatsstreich. Attentat.

¹ От лат. *ordo* — порядок и *liberalis* — свободный.

Der Kampf der Opposition gegen Hitler. München, 1979. 1003 S.; “Spiegelbild einer Verschwörung”. Die Opposition gegen Hitler und der Staatsstreich vom 20. Juli 1944 in der SD-Berichterstattung. Stuttgart, 1984. 1013 S.; Ritter G. Carl Gördelер und die Deutsche Widerstandsbewegung. Stuttgart, 1984. 630 S.; Widerstand gegen den Nationalsozialismus. Berlin, 1994. 671 S.; Der 20. Juli 1944. Bewertung und Rezeption des deutschen Widerstandes gegen das NS-Regime. Köln, 1994. 348 S.; Achmann K., Bühl H. 20. Juli 1944. Lebensbilder aus dem militärischen Widerstand. Hamburg — Berlin — Bonn 1996. 246 S.; Gerlach C. Männer des 20. Juli und der Krieg gegen die Sowjetunion. Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944. Hamburg, 1995. 298 S.

3. Комолова Н. П., Бровко Л. Н., Савина И. С. Идеи и программы Сопротивления // Движение Сопротивления в Западной Европе 1939–1945. Общие проблемы. М. : Наука, 1990. 235 с.

4. История дипломатии. Т. 4: Дипломатия в годы Второй мировой войны. М. : Политиздат. 1975. 752 с.

5. Филитов А. М. Германия в советском внешнеполитическом планировании 1941–1900. М. : Наука, 2009. 333 с.

6. Хавкин Б. Л. Между Западом и Востоком // Независимое военное обозрение. 2014. 11 июля.

7. Хавкин Б. Л. Рейхсфюрер СС Гиммлер. Второй после Гитлера. М. : Алгоритм. 2014. 221 с.

8. Blank A., Mader J. Rote Kapelle gegen Hitler. Dokumentarbericht. Berlin, 1979. 527 S.

9. Приказ Народного Комиссара Обороны СССР от 23.II.1942 № 55 г. Москва // Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М. : Госполитиздат, 1947. С. 46.

10. Бурцев М. И. Прозрение. М. : Воениздат, 1981. С. 186.

11. СССР и германский вопрос, 1941–1949. Документы из Архива внешней политики Российской Федерации. Т. 1: 22 июня 1941 г. — 8 мая 1945 г. М. : М-во иностр. дел Рос. Федерации, Ин-т всеобщ. истории РАН, Центр изучения новейшей истории в Потсдаме. 1996. С. 664.

12. Бурцев М. И. Прозрение. М. : Воениздат, 1981. С. 187.

13. Opposition gegen Hitler und der Staatsstreich vom 20. Juni 1944 in der SD-Berichterstattung. Geheime Dokumente aus dem ehemaligen Reichssicherheitshauptamt. 2. B-de. Stuttgart. 1984. 1013 S.

14. Безыменский Л. А. Гитлер и Германские генералы. М. : Вече, 2004. С. 312.

15. Национальный комитет «Свободная Германия». Манифест и протокол учредительной конференции 12 и 13 июля 1943 г. // За Германию — против Гитлера! Документы и материалы о создании и деятельности Национального комитета «Свободная Германия» и Союза немецких офицеров. М. : ММНА г. Красногорск. 1993. С. 102–108 ; Das Nationalkomitee „Freies Deutschland“ und der Bund Deutscher Offiziere. Hrsg. von G. Ueberschär. Frankfurt a.M. : Fischer Verlag. 1995. 304 S.

16. Ritter G. Carl Goerdeler und die deutsche Widerstandsbewegung. Stuttgart, 1955. 630 S.

17. Grundsätze für die Neuordnung // Roon G. van. Neuordnung im Widerstand. München. 1967. 24 S.

18. Volker U. Der Kreisauer Kreis. Hamburg: Rowohlt Verlag. 2008. 160 S. ; Бовко Л. Н. Церковь и Третий рейх. СПб. : Алетейя. 2009. 471 с.

19. Финкер К. Заговор 20 июля 1944 года. Дело полковника Штауффенберга. М. : Терра, 2004. 264 с.

20. Francis Ludwig Carsten, Hermann Graml The Constitutional Proposals of Goerdeler and Kreisau // The German resistance to Hitler. University of California Press, 1970. 281 p.

21. Афанасьев С. В. Немецкий неолиберализм: истоки, теория и практика // Из истории экономической мысли. Вестник финансовой академии: Изд-во «Финансы и статистика». М., 2003. № 4. С. 65–71.

Khavkin B. L.

The German Anti-Hitler Resistance as a Factor in International Relations

Abstract. *The theme of the German anti-Hitler Resistance is a problem in the history of international relations, which in the XXI century is not only of scientific relevance, but also retains and will cause a significant public outcry. Despite the fact that the anti-Hitler Resistance of the Germans was an integral part of the European Resistance movement, it was not subjected to special research in the light of the history of international relations of 1933–1945. However, the German Resistance movement contributed to the overall victory of the anti-Hitler coalition over German Nazism.*

Keyword: *German anti-Hitler Resistance, anti-Hitler coalition, individuals and Resistance groups, ideas about the future of Germany.*

С. В. Юрченко

*доктор политических наук, профессор, проректор
по международной деятельности и информационной политике
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», заведующий кафедрой
политических наук и международных отношений
Таврической академии (г. Симферополь)*

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ДОКТРИНА СТАЛИНА И РЕШЕНИЯ ЯЛТИНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ 1945 ГОДА

Аннотация. В статье анализируются истоки формирования внешнеполитической доктрины И. В. Сталина, рассматриваются основные этапы её эволюции на протяжении 1920–1930-х годов и показывается, как её принципы повлияли на решения Ялтинской конференции руководителей трёх союзных держав — СССР, США и Великобритании. Политика И. В. Сталина была примером формирования и реализации стратегии «накопления сил» в неблагоприятной международной обстановке и создания механизмов удержания «большого пространства» на основе создания сфер влияния и контроля над ключевыми точками пространства.

Ключевые слова: внешнеполитическая доктрина, геополитика, И. В. Сталин, Ялтинская конференция 1945 года.

События российской и всемирной истории за последние три десятилетия остро обозначили вопросы, связанные с оценкой недавнего прошлого и адекватного восприятия исторического опыта, наработанного в советский период. Начиная с 1991 года, отмечал российский исследователь А. Уткин, когда стала разворачиваться новая культурная революция, уже четвёртый раз в отечественной истории новая культурная парадигма совершенно не вытекала из предшествующей, а полностью заменяла собой предшествующую: «происходит

замена всего: культурных и общественных ценностей, обычаев, нравов, способов выживания. И это всегда подавалось (и подаётся) как абсолютная замена плохого на хорошее». Такая трансформация неизбежно вызывает конфликт между основной массой населения и элитой, «воодушевлённой очередным идеалом, чаще всего почерпнутым из последних по времени западных теорий развития», которая «начинает жёстко противостоять основной массе населения. Элита убеждена, что очередная реформа, безусловно, принесёт благо и процветание всему населению и, следовательно, нужно преодолеть косность масс» [1, с. 11].

Это столкновение позиций происходит в условиях возрастающей конкуренции на международной арене, которую отмечают большинство исследователей. Поэтому при необходимости выработки внешней политики представляется важным помнить о том, что предыдущие эпохи и поколения оставляют потомкам не столько готовые решения вопросов, сколько сами вопросы, постановка которых, впрочем, может являться немалой интеллектуальной заслугой, а выработанные механизмы решения навести, по аналогии, на продуктивные мысли в совсем других исторических условиях.

В этом отношении анализ внешнеполитической доктрины И. В. Сталина представляется важным и значимым в нескольких отношениях.

Во-первых, потому, что это вопрос малоизученный. В этой связи приведём слова российского исследователя А. Орлова о том, что «вопрос о геополитической доктрине Сталина — один из ключевых вопросов истории XX века: не случайно он игнорируется историками. Отсутствие этой доктрины в виде целостного документа, позволившее создать легенду о сталинской политике как серии удачных экспромтов, не имеющих глубокой основы, оказалось весьма удобным для многих» [2, с. 16].

Во-вторых, принимавшиеся в ту эпоху решения имели глобальный характер и люди, принимавшие их, были людьми

незаурядными. Это прекрасно выразил сотрудник и биограф американского президента Р. Шервуд, характеризуя лидеров войны: «Это были [люди]... занимавшиеся одним и тем же делом — военно-политическим руководством в масштабах всего мира. Людей этой профессии очень мало, и те немногие, кто овладевает ею, редко имеют возможность встречаться с собратьями по профессии, чтобы сравнивать свои впечатления и говорить на профессиональные темы. Они оценивали друг друга намётанным глазом профессионалов, испытывая известные восхищения друг перед другом, проникаясь сочувственным пониманием специальных проблем, стоявших перед каждым из них, что недоступно для профессионалов меньшего масштаба» [3, т. 1, с. 574].

В-третьих, в условиях возрастающей международной конкуренции и изощрённости её идеологического прикрытия, в условиях, когда «грядёт новый протекционизм, когда сильные державы конвертируют свою мощь и политическое влияние в материальную выгоду, создавая собственные зоны, куда другим хода нет», любопытно посмотреть на предыдущие периоды соперничества на мировой арене, тем более что «период первой половины XX века был уникален по обнажённости мотивов. В конце 1930-х никто ничего не стеснялся... А вот после войны все действующие лица старались всячески облагородить свои действия, даже когда борьба шла конкретно и определённо за землю, жизненное пространство, “лебенсraum” для своего народа...» [4, с. 274, 358].

На формирование внешнеполитической доктрины Сталина оказали влияние несколько фундаментальных факторов. «Очень важную роль, — отмечает исследователь М. Александров, — сыграло происхождение Сталина. Он родился и вырос в Закавказье, районе переплетения всех и всяческих национальных, конфессиональных, клановых и прочих противоречий. Он знал всю сложность этих противоречий не понаслышке... К тому же он сам принадлежал к национальному

меньшинству и имел представление о взгляде на мир через призму психологии малого народа... Он проникся глубоким пониманием природы национализма и того гигантского потенциала, который заложен в национальном движении. Это в свою очередь могло послужить первоосновой последующего скептицизма Сталина относительно реалистичности концепции пролетарского интернационализма» [5, с. 34–35]. При этом Сталин был полностью обрусевшим человеком: он работал с русскими рабочими, примыкал к большевистской фракции, где большинство составляли русские, четыре года провёл в ссылке в маленькой сибирской деревушке в Туруханском крае.

Важным элементом мировоззренческих основ Сталина было и то, что сын глубоко верующей православной христианки, выпускник церковноприходской школы и учащийся Тифлисской духовной семинарии «располагал тем преимуществом, что имел возможность познакомиться с духовными основами православия». Отсюда, вероятно, аскетическое мироотрицание, сдержанное отношение к западным культурным ценностям, знание мифологии и истории Рима, многие черты наследия которого он отмечал в жизни государств Запада и на партийных съездах и конференциях [5, с. 39].

Ещё одним источником внешнеполитической философии Сталина выступает политический прагматизм, связанный с его погружённостью в практическую работу, формирование мышления практика, для которого теория имела прикладное значение. Сталин не был заложником теоретических догм.

Существенным было и то, что, «в отличие от Ленина, человека с западным образованием, прожившего половину жизни на Западе, Сталин жил на Западе в целом примерно четыре месяца — в 1906–1907 годах. Сведения о внешнем мире у него, самоучки, были в основном умозрительными. Строго говоря, это был типичный автохтон, умственно и эмоционально сформировавшийся внутри России, в условиях жестокого подполья. Но этот очевидный гандикап, кото-

рый не позволил бы Сталину в иное время, в годы господства прозападной элиты, даже приблизиться к вершине власти, оказался его величайшим внутриполитическим козырем в борьбе за власть на протяжении десятилетия — с 1918 года по 1928 год» [1, с. 294].

Важным фактором было и то, что Сталин, в числе других представителей первого поколения большевиков, воспринимал созданное ими государство в качестве «эксперимента», который мог провалиться при содействии внешних сил. Причём отступать «отцам-основателям» Советской России было некуда. По этому поводу В. М. Молотов вспоминал о В. И. Ленине: «Он всегда напоминал об опасности. Допускал, что можем провалиться» [6, с. 294]. В эпоху Сталина эти опасения, связанные с возможным поражением в войне, сохранялись. Следовательно, лидеры большевиков в практической политике стремились не участвовать в конфликтах, наращивать внутреннюю силу, укреплять государство, которое должно было быть территориально крупным.

Эти обстоятельства «внутреннего» порядка дополнялись факторами «внешнего мира». На Западе, в Европе сформировался мощный центр силы, определивший конфигурацию системы международных отношений. При этом Европа с 1870-х годов оказалась расколотой на две коалиции, пиком противостояния которых стал мировой конфликт 1914–1918 годов, который, видимо, следует рассматривать в органическом единстве с последующим глобальным столкновением 1939–1945 годов в качестве «новой Тридцатилетней войны». Существовавшие на континенте два лагеря обладали индустриальной мощностью, потенциально опасной для Советского Союза. При этом реакция Запада на Советскую Россию и СССР выражалась в таких понятиях, как «блокада», «изоляция» и «санитарный кордон из антибольшевистских государств».

Мировая война оставила на периферии международных отношений две «великие державы» — Германию и Россию.

При этом в 1917–1920 годах многие территории России при содействии интервентов были отторгнуты и переданы враждебным России силам. Начиная с 1921 года представители Советской России и Германии обсуждали возможности сотрудничества, в том числе и военного, что привело в последующее десятилетие к «рапалльскому роману» между двумя странами. В обоих государствах произошли две антизападные революции — коммунистическая и нацистская, идеологии которых выступали против базовых западных ценностей: рационализма, прагматизма, индивидуализма, капитализма, либерализма. «Фактически, — отметил А. Уткин, — обозначилась угроза Западу, самая страшная со времён гуннов и монголов. Эта угроза стала явью в августе 1939 года с подписанием германо-советского пакта. Запад отныне могло спасти только чудо: конфликт фашизма и коммунизма» [1, с. 302].

В целом в этих условиях выбор внешнеполитической концепции СССР осуществлялся в условиях экономической разрухи, усилившей отставание от Запада, послереволюционной сумятицы, которая всегда сопровождает смену социального строя и политического порядка, в условиях, по сути дела, «холодной гражданской войны», когда значительная часть населения не поддерживала власть большевиков, что обусловило значительные масштабы коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны.

После революции внешняя политика Советской России определялась доктриной Ленина, которая состояла из двух постулатов: пролетарский интернационализм и принцип мирного сосуществования. Первый формализовался в Коминтерне в 1919 году и был основой для идеи «мировой революции», второй — в диктуемых жизнью договорах с Германией, Прибалтийскими государствами и Финляндией, мирных предложениях странам Антанты, он стал основой для выживания советской власти. Эти принципы по определению противоречили друг другу, что стало «главной доминантой советской внешней политики» [5, с. 12–13].

Сталин в отношении «революционного движения на Западе» был скептиком, что и проявилось в дискуссии о Брестском мире. Этот скептицизм подтвердился и в конце 1918 года, когда Сталин в статье «Не забывайте Востока» постулировал идею о том, что без лишения мирового империализма его «надёжного тыла» — Востока — невозможна победа в целом. «Таким образом, Сталин шёл гораздо дальше Ленина в оценке политической роли Востока и в то же время не разделял его убеждённости относительно революционности Запада» [5, с. 16]. При характеристике войны с Польшей в 1920 году и настроений поляков Сталин сделал ещё один важный шаг в формировании своих взглядов на внешнюю политику: «Похоже, уже тогда он пришёл к выводу о том, что национальный фактор является гораздо более сильным, чем классовый» [5, с. 17]. В практическом плане Сталин, вопреки позиции Ленина, выступал против «марша на Варшаву». Его позиция в качестве члена Военного совета Юго-Западного фронта также хорошо известна. Скептическая позиция Сталина относительно революционных возможностей западного пролетариата получила подтверждение и в период революционных выступлений в Германии в 1923 году, когда он предлагал немцев «сдерживать, а не подстёгивать».

Как нарком по делам национальностей, Сталин занял ясную позицию по вопросу отделения советских республик от России, аргументируя запрет на практическое отделение либо союзом с Россией, либо кабалой Запада: «В жестокую эпоху колониальных империй и сфер влияния этому выбору не было альтернативы. Рассчитывать, что малые слаборазвитые государства смогут вдруг стать реально независимыми, было наивной утопией» [5, с. 20].

Но реализовывать этот курс в условиях приверженности большинства партийных лидеров во главе с Лениным принципу «самоопределение вплоть до отделения» было крайне сложно, и поэтому Сталин пошёл путём формального со-

гласия с этим принципом, но увязки национального вопроса с целями, которые для большевиков были более приоритетными: мировой революцией и победой пролетариата во всемирном масштабе. В конечном счёте это привело к столкновению с Лениным в 1922 году по поводу сталинского плана «автономизации», то есть вхождения четырёх республик в состав России в качестве автономных образований. Договор об образовании СССР 30 декабря 1922 года был принят в ленинском варианте.

Это противоречие, подчёркивает исследователь М. Александров, отражало различие в видении исторической перспективы, ведь сталинский план предполагал создание федеративного государства с определённой степенью автономии для национальных меньшинств. Таким образом, у него речь шла о том, что для государства приоритетными являются внутренние задачи. Ленинский план предполагал создание союза государств, а для союза приоритетом являются задачи внешние — он должен был стать основой для создания социалистических Соединённых Штатов Европы, а потом и мира. Таким образом, степень консолидированности, «крепости» государства в этих планах была различной. В более широком плане Ленин олицетворял линию на продолжение революции, Сталин — силы послереволюционной стабилизации. Последний, безусловно, отражал господствующую общественную тенденцию — усталость от бурь мировой войны, революции и гражданского вооружённого противостояния. Это противостояние в конечном счёте решилось болезнью и смертью Ленина.

Дальнейшая эволюция внешнеполитического подхода Сталина предусматривала отношение к концепции мировой революции как к средству обеспечения условий против внешней угрозы Советскому государству. Более того, критикуя в выступлении в Свердловском университете умонастроения в отношении «ликвидации интернациональной политики», он пусть и в негативном плане, но поставил во-

просы фундаментального порядка: «Поддержать освободительное движение Китая. А зачем? Не опасно ли будет? Не рассорит ли это нас с другими странами? Не лучше ли будет установить нам “сферы влияния” в Китае совместно с другими “передовыми” державами и оттянуть кое-что от Китая в свою пользу? Оно и полезно, и безопасно... Поддержать освободительное движение в Германии. Стоит ли рисковать? Не лучше ли согласиться с Антантой насчёт Версальского договора и кое-что выторговать себе в виде компенсации?.. Сохранить дружбу с Персией, Турцией, Афганистаном. Стоит ли игра свеч? Не лучше ли восстановить “сферы влияния” кое с кем из великих держав?» [Цит. по: 5, с. 45].

Акцентуация внешнеполитического подхода с позиций «сфер влияния» потенциально свидетельствовала о том, что Сталин выступал преемником традиционных внешнеполитических концепций XIX века, а формирование этих «сфер влияния» выступит со временем одной из фундаментальных основ сталинской внешней политики, проявившейся и в ходе Ялтинской конференции 1945 года.

Последующие события — поражение Троцкого и Зиновьева на XV съезде ВКП(б) — подвели черту под конкуренцией двух внешнеполитических доктрин: интернациональной и национальной. «В 1925 году окончательно разрешается спор автохтона Сталина и интернационалиста Троцкого... Сталин выиграл бой. Если отбросить идейный флёр, то фактически он поставил ту же задачу, что и Пётр, — догнать Запад. Но в отличие от императора Петра, он хотел это сделать изолированно от Запада, на основе мобилизации собственных ресурсов» [1, с. 296].

К 1930 году процесс формирования сталинской внешнеполитической доктрины в целом был завершён. В условиях развивавшегося мирового экономического кризиса всё больший упор делался на «великодержавную политику» — стремление укрепить позиции государства в прогнозируемой «империалистической войне», что обуславливало курс на проведе-

ние коллективизации и индустриализации, осуществлённых со сталинским размахом и жестокостью.

В условиях обостряющегося мирового кризиса Сталин сделал ещё один шаг в развитии внешнеполитической доктрины: если Ленин ориентировался только на использование противоречий между капиталистическими государствами, то Сталин допускал вступление с ними в военные и политические союзы для того, чтобы противостоять другим капиталистическим государствам с целью передела мира путём империалистической войны. Если же такая война начнётся, то СССР должен был вступить в неё последним, для того чтобы «бросить решающую гирю на чашу весов, гирю, которая могла бы перевесить». И среди задач партии во внешней политике, обозначенных на XVIII съезде ВКП(б) в марте 1939 года, в частности, значилось: «...проводить и впредь политику мира и укрепления деловых связей со всеми странами» и «соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками» [7, с. 168].

Какой-то период Сталину удавалось маневрировать между двумя коалициями в Европе, между которыми в 1939 году началась война. Но с нападением Германии на Советский Союз в 1941 году возникла проблема формирования антигитлеровской коалиции с англо-саксонскими странами. «Союз складывался медленно по нескольким причинам, — подчёркивал А. Уткин. — Сталин органически не доверял Западу, который ненавидел его режим. Запад не доверял режиму, который считал искусственным и в устойчивости которого сомневался... Груз прошлого довлел над рождающимся союзом... Третьим... препятствием были соображения долговременного стратегического планирования... Четвёртым препятствием в деле формирования союза было наличие культурных и прочих различий... Но самое главное препятствие на пути союза России с Западом проистекало из неравномерности военных усилий» [1, с. 316, 317, 318].

С завершением коренного перелома в войне в отношениях между основными державами антигитлеровской коалиции всё в большей мере на первый план стали выступать проблемы организации послевоенного мира, в решении которых сталкивались универсалистская концепция Рузвельта и ориентированная на сферы влияния «великих держав» концепция Сталина.

Некоторые принципы будущего мира были намечены на конференции в Тегеране. Тогда предложение Рузвельта о создании мировой организации безопасности заинтересовало Сталина лишь в одном отношении. «Для того чтобы предотвратить агрессию, — отметил он, — тех органов, которые намечается создать, будет недостаточно. Необходимо иметь возможность занять наиболее важные стратегические пункты с тем, чтобы Германия не могла их захватить. Такие пункты нужно занять не только в Европе, но и на Дальнем Востоке для того, чтобы Япония не смогла начать новой агрессии» [8, с. 105]. Рузвельт согласился «на сто процентов», а Сталин отметил: «В таком случае всё обеспечено» [8, с. 105].

Этот сюжет в более ясном виде прозвучал на встрече В. М. Молотова, А. Идена и Г. Гопкинса 30 ноября 1943 года, когда советник американского президента отметил, что отдельные районы на Тихом океане контролировались бы не войсками Объединённых наций, а американскими войсками, и что он «хотел бы, чтобы три наши державы получили укрепленные пункты, которые ими бы контролировались, и чтобы их воздушные силы заняли стратегические базы, необходимые для поддержания мира» [8, с. 130]. Эти мысли вызвали безусловное одобрение В. М. Молотова, который отметил спустя десятилетия: «Не надо огрублять, но между социалистическими и капиталистическими государствами, если они хотят договориться, существуют разделения: это ваша сфера влияния, а это наша» [9, с. 23]. Так что линия, направленная на определение сфер влияния, пусть и сопрягаемая с планами создания универсальной организации по поддержанию мира,

проявилась уже тогда, когда обозначились два центра, формирующие эти сферы, — в 1943 году.

Колоссальные успехи советских войск значительно укрепили позиции Москвы внутри антигитлеровской коалиции, создавая серьёзную основу для выгодного послевоенного урегулирования. Характеризуя отношения внутри «Великого союза», известный американский учёный и дипломат Г. Киссинджер отметил: «А поскольку положение на фронте необратимо переменялось в пользу Сталина, тот стал завышать свои требования. В 1941 году он просил лишь признания границ 1941 года (допуская возможность их корректировки) и выражал готовность признать базирующихся в Лондоне свободных поляков. В 1942 году — стал предъявлять претензии по поводу состава польского правительства в изгнании. В 1943 году — создал ему альтернативу в виде так называемого Свободного Люблинского комитета. К концу 1944 года он признал Люблинскую группу, возглавляемую коммунистами, и отверг лондонских поляков. В 1941 году главной заботой Сталина были границы; к 1945 году ею стал политический контроль над территориями, находящимися за пределами этих границ» [10, с. 371]. Так реализовывалась концепция формирования советской сферы влияния, распространённая впоследствии на страны Центральной и Юго-Восточной Европы.

Вторая мировая война дала два существенных последствия для отношений России с Западом, повлиявших на конфигурацию внешней политики Сталина. Первое — это осознание страшной жестокости агрессора. «Это было неожиданным, это сделало даже прежнюю антикапиталистическую пропаганду «бледной», это трагическим образом изменило представление русского народа о соседях на Западе в целом. Если страна Гёте способна на нечеловеческую жестокость, то почему страна Шекспира должна быть лучше?» [1, с. 332].

Второе последствие было связано с осознанием советской элитой веры в возможности своей страны, выстоявшей

в условиях тяжёлых испытаний и продемонстрировавшей жизнеспособность созданной Сталиным системы. При этом следует отметить отсутствие у советского руководства планов глобального характера. «Политика СССР на протяжении второй половины 1940-х годов, — отмечает министр иностранных дел России С. Лавров, — при всей её жёсткости имела во многом оборонительный и по-своему последовательный и предсказуемый характер. С учётом уроков Великой Отечественной войны она была нацелена на создание защитного пояса дружественных государств вдоль своих западных границ, получение выхода в Мировой океан и обеспечение максимальной глубины обороны по всему периметру. Нельзя также забывать, что Советский Союз, внёсший решающий вклад в победу над нацистской Германией, в конце войны оказался на пределе своих возможностей. Ни с какой инициативой конфронтации со вчерашними союзниками по антигитлеровской коалиции Москва просто физически не могла выступить. Речь скорее шла о другом — том, чтобы преобразовать территориальные плоды победы в то, что впоследствии на Западе будет называться обороной на передовых рубежах. Эта логика в отношении Ирана и Турции могла восприниматься как провокация, но понимание пределов возможного помогло сравнительно быстро уладить обе ситуации...

Советско-американское соперничество за влияние в мире было, по всей видимости, неизбежным, но оно могло принять иные, менее конфронтационные и опасные формы. Тем более что Запад имел явное преимущество над СССР по всему спектру военных, экономических, научно-технических и других компонентов мощи, а значит, и большую свободу выбора и мог себе позволить гораздо более умеренную политику в отношении СССР» [11, с. 5, 6].

Анализ условий формирования внешнеполитических подходов Сталина показывает осознание того вечного принципа формирования международных систем, согласно которому

любая международная система формируется доминирующими в международной иерархии державами в целях реализации в первую очередь их интересов, сосредоточения организации и контроля над процессами взаимодействия всех участников системы.

На примере процессов формирования внешнеполитических ориентаций в большевистском руководстве, наверное, можно считать закономерностью то обстоятельство, что во вновь образующихся государствах формируются две группы политической элиты: мыслящая более интернационалистски, если угодно, глобалистски, и более почвенническая. Это почвенническое начало в конкретных условиях и олицетворяли внешнеполитические подходы Сталина.

Политика Сталина дала пример формирования и реализации стратегии «накопления сил» в неблагоприятной международной обстановке, а также создания механизмов удержания «большого пространства» на основе создания сфер влияния и контроля над ключевыми точками пространства.

Исторический опыт формирования и реализации национальных концепций международной политики имеет непреходящее значение для всех участников международного политического процесса, в том числе советский внешнеполитический опыт в его сталинском выражении. И в этом отношении забвение этого опыта будет иметь негативные последствия для страдающих «короткой памятью». Особенно это представляется важным, когда большинство авторитетных специалистов-международников акцентируют усиление конкурентности международной среды, чреватой многочисленными конфликтами.

Использованные источники и литература

1. *Уткин А. И.* Вызов Запада и ответ России. М. : Эксмо, 2003. 608 с.
2. *Орлов А.* «Суворов» против Сталина, или Опыт построения антиистории // Россия XXI. 1993. № 8. С. 6–20.

3. Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца : пер. с англ. : в 2 т. М. : Изд-во иностр. лит., 1958. Т. 1. 680 с. ; Т. 2. 680 с.
4. Паршев А. Почему Америка наступает. М. : ООО «Изд-во АСТ» ; ООО «Изд-во Астрель», 2002. 370 с.
5. Александров М. В. Внешнеполитическая доктрина Сталина. Canberra : Australian National University, 1995. 138 с.
6. Чуев Ф. Молотов: полудержавный властелин. М. : ОЛМА-ПРЕСС, 1999. 736 с.
7. Цит. по: Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография. 2-е изд., испр. и доп. М. : Гос. изд-во полит. лит., 1947. 244 с.
8. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : сб. документов : в 6 т. / М-во иностр. дел СССР. М. : Политиздат, 1984. Т. 2: Тегеранская конференция руководителей трёх союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 нояб. — 1 дек. 1943 г.). 175 с.
9. Чуев Ф. Сто сторон бесед с Молотовым: из дневника Ф. Чуева. М. : Терра, 1991. 623 с.
10. Киссинджер Г. Дипломатия : пер. с англ. М. : Ладомир, 1997. 848 с.
11. Лавров С. 60-летие Фултона: уроки холодной войны и современность // Международная жизнь. 2006. № 3. С. 3–12.

Iurchenko S. V.
Stalin's Foreign Policy Doctrine
and the Decisions of the Yalta Conference of 1945

Abstract. *The article analyzes the origins of the formation of I. V. Stalin's foreign policy doctrine, the main stages of its evolution are considered during the 1920–1930s and it is shown how its principles influenced the decisions of the Yalta Conference of the leaders of three allied powers — the USSR, the USA and Great Britain. I. V. Stalin's politics was an example of the formation and implementation of the strategy of «accumulation of forces» in an unfavorable international situation and the creation of mechanisms to maintain a «large space» based on the creation of spheres of influence and control over key points of space.*

Keywords: *foreign policy doctrine, geopolitics, I. V. Stalin, Yalta Conference 1945.*

РЕЗОЛЮЦИЯ **ежегодной научной конференции** **«Ялта 1945: уроки истории»**

14–15 февраля 2019 года в ГАУК РК «Ливадийский дворец-музей» состоялась научная конференция «Ялта 1945: уроки истории» (далее — Конференция).

Конференция в Ливадии уже более двух десятков лет собирает видных отечественных и зарубежных учёных. Традиционно она приурочивается к очередной годовщине Крымской конференции руководителей трёх союзных держав — И. В. Сталина (СССР), Ф. Рузвельта (США) и У. Черчилля (Великобритания), — проходившей в Белом зале Ливадийского дворца с 4 по 11 февраля 1945 года.

Организаторами Конференции выступили Министерство культуры Республики Крым и ГАУК РК «Ливадийский дворец-музей», соорганизаторами — Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (КФУ) и Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (СПбПУ).

Информационная поддержка Конференции: научный журнал «Новая и новейшая история», телеканал «Вести. Крым. Севастополь», газета «Летняя столица».

Основные направления работы Конференции:

- История Крымской (Ялтинской) конференции 1945 года, её актуальность и значение на современном этапе.
- Формирование и функционирование систем международных отношений: исторический опыт.
- Вторая мировая война: итоги и значение в контексте реалий современного мира.
- Кризис миропорядка: противостояния и замороженные конфликты XXI века.

- Отражение истории отечественной внешней политики в культурном пространстве, музейных коллекциях и экспозициях.

Конференция проведена с **целью** введения в научный оборот современных междисциплинарных исследований и материалов по проблематике, обозначенной в основных направлениях работы Конференции, развития и укрепления сотрудничества научных, музейных, образовательных государственных и неправительственных организаций и учреждений в рамках изучения отечественной и всемирной истории, стимулирования творческой инициативы, повышения профессионального уровня музейных специалистов.

Основными формами работы Конференции были:

- пленарное заседание;
- научное заседание.

В работе Конференции приняли участие исследователи из Москвы, Санкт-Петербурга, Великого Новгорода, Севастополя и ряда крымских городов.

С приветственным словом и докладами в пленарной части Конференции выступили:

Ивашов Леонид Григорьевич, доктор исторических наук, президент Академии геополитических проблем;

Красноженова Елена Евгеньевна, доктор исторических наук, профессор Высшей школы общественных наук ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого»;

Кулик Сергей Владимирович, доктор исторических наук, директор Высшей школы общественных наук, профессор ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого»;

Постников Константин Владимирович, заместитель директора ГАУК РК «Ливадийский дворец-музей»;

Сидоров Андрей Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»;

Шепелев Максимилиан Альбертович (г. Симферополь), доктор политических наук, профессор кафедры политических наук и международных отношений Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»;

Юрченко Сергей Васильевич, доктор политических наук, профессор, проректор по международной деятельности и информационной политике ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», заведующий кафедрой политических наук и международных отношений Таврической академии.

В работе научного заседания приняли участие:

Блинцов Дмитрий Александрович, научный сотрудник ГАУК РК «Ливадийский дворец-музей»;

Бухарина Татьяна Юрьевна, **Соловьёв Алексей Васильевич**, НКО «Ассоциация гидов-переводчиков Крыма»;

Войтюк Вячеслав Павлович, аспирант кафедры философии и социальных наук Гуманитарно-педагогической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»;

Воронин Всеволод Евгеньевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Института истории и политики ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»;

Габриелян Геворг Олегович, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры политиче-

ских наук и международных отношений Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»;

Евстафьев Дмитрий Геннадьевич, кандидат исторических наук, заместитель руководителя департамента по научной работе, профессор факультета коммуникаций, медиа и дизайна Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»;

Ильин Михаил Васильевич, доктор политических наук, ординарный профессор департамента политической науки факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»;

Ирхин Александр Анатольевич, доктор политических наук, заведующий кафедрой «Политология и международные отношения», заместитель директора по научной и экспертной работе Института общественных наук и международных отношений ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»;

Исак Иван Александрович (г. Симферополь), аспирант второго курса исторического факультета Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»;

Канакс Аммар Махмудович, кандидат политических наук, доцент кафедры «Политология и международные отношения» ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»;

Ковалёв Борис Николаевич, доктор исторических наук, профессор Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого;

Марецкая Наталья Александровна, ведущий эксперт отдела международного образования Управления международной деятельности ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»;

Масаев Михаил Владимирович, доктор философских наук, профессор кафедры философии и социальных наук Гуманитарно-педагогической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»;

Омельчук Дмитрий Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры политических наук и международных отношений философского факультета Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»;

Оранский Александр Николаевич, научный сотрудник ГАУК РК «Ливадийский дворец-музей»;

Пахомова Наталья Анатольевна, научный сотрудник ГАУК РК «Ливадийский дворец-музей»;

Пашковский Пётр Игоревич, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук и международных отношений Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»;

Плужник Павел Борисович (г. Ялта), старший научный сотрудник ГАУК РК «Ливадийский дворец-музей»;

Попов Алексей Дмитриевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России исторического факультета Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»;

Романько Олег Валентинович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России исторического факультета Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»;

Самсоненко Алина Владимировна, научный сотрудник ФГБУК «Государственный музей героической обороны и освобождения Севастополя»;

Скоробогатов Сергей Борисович, аспирант второго курса исторического факультета Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского» (научный руководитель — доктор исторических наук, профессор О. В. Романько);

Слуцкая Ксения Яковлевна, начальник отдела международной академической мобильности Управления международной деятельности ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»;

Солнце Екатерина Олеговна, научный сотрудник ГАУК РК «Ливадийский дворец-музей»;

Таньшина Наталия Петровна (г. Москва), доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Института общественных наук ФГАОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», профессор кафедры новой и новейшей истории ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»;

Форманчук Александр Андреевич, заместитель председателя Общественной палаты Республики Крым;

Хавкин Борис Львович, доктор исторических наук, профессор факультета международных отношений и зарубежного регионоведения Историко-архивного института ФГБОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет»;

Храпунов Никита Игоревич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»;

Чихарев Иван Александрович, кандидат политических наук, директор Института общественных наук и международных отношений ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»;

Шевцова Наталья Николаевна, научный сотрудник ГБУ РК «Центральный музей Тавриды».

В ходе заседаний были рассмотрены итоги Крымской конференции 1945 года через призму законов геополитики, определены роль и место Ялтинской системы международных отношений с точки зрения геоюридических аспектов. Часть докладов была посвящена внешнеполитической доктрине И. В. Сталина и её влиянию на решения Крымской конференции в феврале 1945 года, проблеме Курильских островов, вкладу немецкого Сопротивления в общую победу над германским нацизмом и в международные отношения в период Второй мировой войны, затронута тема территориальных разногласий в XX–XXI веках между Россией и Эстонией и прочие вопросы.

Особый интерес ежегодно вызывают сообщения, посвящённые организации Крымской конференции 1945 года в Ливадийском дворце, её предпосылкам и последствиям. Так, научные сотрудники музея выступили с докладами о Ливадии в годы оккупации, об особенностях обеспечения воздушной безопасности американской делегации в Крыму, об открытии выставочного комплекса с экспозицией, посвящённой Конференции 1945 года, в здании Ливадийского дворца в 1974 году.

В ходе заседаний неоднократно говорили, что Ялта (Ливадия в частности) — столица послевоенного миропорядка. Участники Конференции отмечали важность сохранения традиции её ежегодного проведения. Кроме того, во время подведения итогов мероприятия все участники и организаторы проголосовали за предложение присвоить научной конференции «Ялта 1945: уроки истории» статус «**всероссийская**» и ходатайствовать об этом перед Министерством культуры Республики Крым.

**Участники конференции
и выставка «В тени «Аргоншта»»**

СОДЕРЖАНИЕ

Блинцов Д. А.

Становление «Великого союза»: особенности советско-английских отношений в начальный период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов 3

Бухарина Т. Ю., Соловьёв А. В.

Франклин Д. Рузвельт. Незаконченный портрет (доклад) 12

Воронин В. Е.

Южный Сахалин и Курильские острова как предмет договорённостей между СССР и его союзниками во Второй мировой войне 25

Евстафьев Д. Г.

Глобальные трансформации в эпоху постглобализации: политическая турбулентность, военно-силовые риски и информационные манипуляции в условиях геоэкономической неопределённости 37

Ивашов Л. Г.

Ялта 1945: геополитический ракурс (доклад) 54

Ильин М. В.

Трансформация геополитических размежеваний от завершения Второй мировой войны до наших дней 62

Исак И. А.

Состав 11-й армии Манштейна в сентябре 1941 года 71

Марецкая Н. А.

Имидж Украины в зарубежных и российских новых медиа: контент-анализ за 2008–2018 годы (доклад) 76

Масаев М. В.

Что мешает становлению и развитию
современного международного права
(в контексте исторических уроков
Ялтинской конференции 1945 г.) 79

Мирошников О. А.

«Булат», «злато» и дипломатия 94

Омельчук Д. В.

«Если бы львы заговорили...»:
некоторые аспекты истории Алушкинского дворца-музея
в годы Великой Отечественной войны 103

Оранский А. Н.

«Защитим их любой ценой!»:
как американские лётчики защищали своего президента 111

Пахомова Н. А.

Личность У. Черчилля и его политический портрет
в русскоязычной историографии 116

Пашковский П. И.

Константы позиционирования России
в международных системах 126

Плужник П. Б.

Ливадия в период немецко-фашистской оккупации
и состояние дворца к весне 1944 года 134

Попов А. Д.

Метаморфозы памяти: сравнительный анализ
празднования Дня Победы в 1955 и 1985 годах 147

Сидоров А. А.

«Ялтинский порядок» и начало холодной войны
в Азии (1945–1951 гг.) 158

Скоробогатов С. Б.

Действия авиации 8-й воздушной армии
в период подготовки операции по освобождению Крыма
(ноябрь 1943 — апрель 1944 г.) 179

Слуцкая К. Я.

Санкции как метод ведения
новой холодной войны (доклад) 190

Солнце Е. О.

Открытие «Историко-мемориального комплекса
“Крымская конференция трёх союзных держав
и картинная галерея”» в Ливадийском дворце в 1974 году 195

Таньшина Н. П.

Крым эпохи Николая I: взгляд из Франции
(по материалам Шарля де Сен-Жюльена
и Адель Оммер де Гелль) 203

Хавкин Б. Л.

Немецкое антигитлеровское Сопротивление
как фактор международных отношений 214

Юрченко С. В.

Внешнеполитическая доктрина Сталина
и решения Ялтинской конференции 1945 года 224

Резолюция ежегодной научной конференции
«Ялта 1945: уроки истории» 239

Научное издание

Ялта 1945: уроки истории

14–15 февраля 2019 г.

Сборник материалов научной конференции

Корректор *Т. Н. Юкало*
Вёрстка *А. В. Климашинок*
Технический и художественный
редактор *Е. В. Мажарова*

Подписано в печать 30.12.2019
Формат 60×84/16
Усл. печ. л. 14,65.
Тираж 100 экз.

Издательство ООО «Антиква»
295000, Российская Федерация, Республика Крым,
г. Симферополь, пер. Героев Аджимушкая, 6, оф. 3
Тел.: +7 978 891–37–01, e-mail: antikva07@mail.ru

Типография ИП Бондаренко Н. Ю.
г. Севастополь, пр-т Октябрьской Революции, 32